

0-38

№ 2 • 1979
апрель — июнь

ОГНИ
КУЗЬАССА

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

390430

Год издания 31-й

№ 2(63)

В Н О М Е Р Е

СТИХИ

- Сергей Донбай. «Ветка осени — простыла...», «Утренний снегопад», «Крикну! Откликнется горный...», «Поле оглохло — кузнечик...» 9
- Светлана Мекшен. «Последняя весна», «Твое ли, чужое участие...», «Когда надежна тишина...» 26
- Михаил Небогатов. «Что-то спать этой ночью не хочется...», «Еще не рассвет, а намек на него...», «Зной, как вино в бокале дня...», «Прохладно в доме, как зимой...», «Лес негромким мерным шумом...» (Из «Летнего цикла») 38
- Павел Майский. «Где домны держат небо на копрах...», «Темнеет... По крутому логу...», «Тайга в цвету... Сиреневые травы...» 39
- Виталий Крёков. «Люблю, Мария, я твой дом...», «Как остро чувствуют глаза...», «Когда весенний дождь, как голос нежный...» 48

ПРОЗА

- Василий Долгих. На тот берег. Рассказ. 3
- Владимир Куропатов. Верный. Страсть Василия Ивановича. Рассказы. 10

Евгений Богданов. День обещает быть хорошим.	28
Белый колокол. Рассказы.	40
Софрон Тотыш. Первый урок. Птичий пир. Рассказы.	40

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Григорий Умнов. Через время и расстояние.	49
---	----

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Илья Зыков. Журавли, журавли летят!	56
Виктор Моисеев. Знакомьтесь: медведь	61

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Михаил Сорокин. Экспедиция на Каштак. (Из истории горного дела в Кузбассе)	70
--	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Евсей Цейтлин. Вдохновение не умирает... (Заметки о творчестве Анатолия Срывцева)	77
---	----

СЛОВО — КРИТИКЕ

Вячеслав Ткаченко. Кузнецкие веки Ильи Авраменко	82
--	----

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

Вячеслав Тимофеев. Паутина. Прижми двенадцатого, Сеня! Юмористические рассказы	85
--	----

На 1-й странице обложки фототюд Д. Коробейникова «Утро», на 2-й странице — офорт А. Бабкина «Из детства».

Редактор В. М. МАЗАЕВ

Редакционная коллегия: В. М. Баянов, Г. А. Емельянов, И. М. Киселев, В. Ф. Куропатов (отв. секретарь), В. В. Махалов, Э. А. Чигарева, Г. Е. Юров.

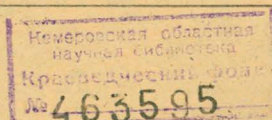
Адрес редакции: 650099, Кемерово-99, Советский пр., 40,
тел. 6-26-95, 6-85-14

Рукописи не возвращаются

Ведущий редактор Л. В. Глебова, художественный редактор А. С. Роговский, технический редактор Г. Н. Манохина, корректор Е. И. Тимошук.

Сдано в набор 7.II.1979 г. Подписано к печати 28.IV.1979 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Усл. печ. л. 6,44. Уч.-изд. л. 8,13. Тираж 5000 экз. ОП00018. Заказ 3064. Цена 45 коп. Кемеровское книжное издательство. Кемерово, Ноградская, 5; Кемеровский полиграфкомбинат. Кемерово, Ноградская, 5.

О 0732—33
M145(03)—79 29—79

© Кемеровское книжное издательство, 1979.

Василий Долгих

НА ТОТ БЕРЕГ

РАССКАЗ

Под утро Тимофей Ильич продрог, соскочил с раскладушки, надернул на босые ноги большущие растоптанные валенки, подбросил в печку дров и, опустившись на колени, стал раздувать огонь. Дул он долго и настойчиво. Печка — хоть убей — не загоралась. Он тихонько, шепотом, чертыхался... Но вот в печке загудело. По полу и стенкам балка заплясали малиновые блики. Тимофей Ильич глядел на огонь и курил. Табачный дым вначале облаком зависал в воздухе, а потом, медленно приблизившись к дверце, стремительно исчезал за ней.

В балке стоял запах мазутного спеца и крепкого мужского пота. Было тесно и неуютно. Ребята спали на грубых двухэтажных нарах, по пояс выбравшись из спальных. Их заросшие бородами лица были неузнаваемы, а в темноте и вовсе казались дикими и страшными.

«Умotalись мужики. Сейчас им баньку бы. Да отдых денек-другой. Не хотят! И правы. Потерпим. Каких-то два дня осталось...»

Бока печки порозовели. Теперь она гудела, как мотор реактивного самолета. Тимофея Ильича всегда удивляло, с ка-

кой жадностью пламя набрасывалось на свою жертву. Как оно, стервенея, ярилось. Он невольно поежился, припомнив, как в старину на кострах сжигали людей. Огонь — бог бытия, друг и враг твой... Невинный и кроткий. Безжалостный и испепеляющий... Не потому ли далекие предки-язычники поклонялись ему. Огонь и Ярило... Кто они в клане богов? Родственники или двойники?

Шел седьмой час утра, но ночь не уходила. Она все еще крепко прилипла к крохотным оконцам балка, пугала и настораживала неизвестностью.

Тимофей Ильич сидел у печки и думал. Он перебирал в памяти трудные километры пути: свои затесы на замшелых пихтах, бесконечные бородавки болотного кочкарника, настилы, лежневки и переезды... Представлял себе, как жирная линия трассы шаг за шагом перечеркивала чистый лист таежной целины. Все это теперь позади. Там, впереди — легче. Одна речка и прореженная вырубками тайга. Там, впереди — дом, семья. Вот только усталость все реже покидает тело. По утрам ноет поясница, болит раненая нога.

Сегодня бригада делает переезд че-

рез речку. Небольшая речка — метров семь в ширину, а не перепрыгнешь. Да и как она ведет себя зимой — кто знает? Могут быть и наледи, и продушины. Крепок ли лед? Снегу-то вон сколько. Под ним речка, как под пуховым одеялом. Не обойтись без лежневки.

«Скоро ребят будить, — встрепенулся Тимофей Ильич, — пойду дров наколю.

Утро было морозным. С мглистого неба сыпала редкая изморозь. Тайга хмуро гляделась в темное небо, и Тимофею Ильичу казалось, что небу тоже неуютно живется зимой... Тишина. Замерзла тайга. Тимофей Ильич глубоко вдохнул морозный воздух, оглядел призмевшие деревья, потом подошел к распиленной с вечера сухостойной березе, снял с себя полушубок, аккуратно свернул и положил в сторонку. Потрогал огрубевшим пальцем лезвие топора, затем поставил на попа березовый корытыш и, ухнув, ударил по чурке топором. Мерзлое дерево со звоном разлетелось в стороны. Тимофей Ильич самозабвенно махал и махал топором, все больше и больше разогреваясь и хмелея от работы.

— Заряжаешься, Тимофей? — окликнул его Володька Иванов. — Давай. Давай. Полезно.

— Чего раздетый? Простудиться захотел?

— Плюнь, Тимофеич, через левое плечо! — весело крикнул Володька и нырнул в темноту за раскидистой елку.

В жилье Володька вернулся голый по пояс. Спина и грудь его парили. В волосах на груди и в бороде застряли комочки снега. Тимофей Ильич покачал головой:

— Не знаю, чего тут больше: спорта или дурости. Это надо же! На таком морозе живое тело мерзлым снегом... Не я твой отец.

— Это уж точно. Не ты, — хохотнул парень.

Иван Черняев поставил на стол боль-

шую сковородку, в которой глухо шкворчали крупные румяные куски сала, приправленные говяжьей тушенкой. Затем внимательно осматрел стол и, убедившись, что все в порядке, позвал:

— А ну, братва, навались!

— Есть — не работать, — бросил Володька. — Едой силу не вымотаешь. — И первым сел на свободное место в торце стола.

Ели молча. Только слышны были сопение старательно жующих мужиков да редкие потрескивания затухающей печки.

— Ну и жоркий ты мужик, — вдруг заговорил Петро Мазин, обращаясь к Ивану Черняеву. — Куда торопишься? Будто не хлеб жуешь, а соседку обаживаешь. Смотри-ка, пот на лбу, как нарисованный...

Все засмеялись. Засмеялся и сам Иван.

На дворе все больше светлело. Ночь нехотя пятилась за дальние вершины, за густые пихтовые перелески. Тимофей Ильич посмотрел на восток, где еле угадывалась чистая полоска зари, обернулся на тарахтящие в сумерках тракторы, протяжно крикнул:

— По-ше-е-л!..

Через пару часов в глубине пихтача уже горел костер, а чуть в сторонке грудой лежали на снегу ошкуренные пихтовые хлысты, поблескивая молочно-белыми боками.

— Перекур, братва. Минут на шесть-сот! — распрямляясь, объявил Володька и пошел к костру. Взмокший сел он у полыхавшего пламени, стал глядеть на свою работу, с удовольствием отмечая: «Ничего, и мы можем».

Ласковое тепло большого костра приятно опахивало потные лица мужчин, снимало напряжение и усталость, располагало к добру и мирным беседам.

— Эксплуататор ты, Тимофей, — сказал вдруг Иван Черняев. — Гидра капитализма. Ну что ты сгородил из меня? Кто теперь я — бульдозерист, дровосек или, может, плотник?

— Давай, Иван. Можешь и крепче. — Тимофей Ильич улыбнулся. — Сейчас я все стерплю. Даже если бить начнете и то плакать не буду. Дело-то на закругле! Смастерим переправу и говори — дорога в кармане.

— Хитер ты, Тимоха, как старый лис, — не унимался Черняев. — Не зря тебя начальник сюда бросил. Разглядел он в тебе черта. Ты ведь — где кнутом, а где конфеткой! Опять же — все время впереди, как Чапай. Топор из рук не выпускал. А нашему брату это по душе.

— Не слушай их, шеф, — перебил Ивана Черняева Володька. — Лстыивые — они липкие. Не отобьешься. Ты лучше командуй: кому чего. Разок, другой поднажмем и — крантики...

— Командовать, так командовать, — согласился Тимофей Ильич. — Значит, все будет так: настил готовим здесь, на площадке, а с берега на берег перетаскиваем на тросу бульдозерами.

Он встал, плюнул в заглубившие, как копыто, ладони, подбросил в руке топор и шагнул к ошкуренным хлыстам.

Стучали топоры, скрипело под проволочными жгутами мерзлое дерево, гулко отдавалась в округе переливчатая трель бензопилы.

К обеду погода разгулялась. В ясном и чистом небе, едва не задевая макушек пихт, висел льдисто-прозрачный диск солнца. Его холодный свет ложился на большую припойменную поляну, на разлапистые елки, росшие по берегу речки, на широкий проем дороги, уходившей в пихтач.

Ударив последний раз кувалдой по строительной скобе, Тимофей Ильич разогнул онемевшую спину, сбил на потный затылок старенькую шапку, крикнул Ивану Черняеву:

— Технику давай!

Бульдозер, громыхая металлической громадой, остановился около крепко сбитого настила. Тимофей Ильич позвал Ивана из кабины. Подошли Володька и тракторист Петро Мазин.

Проведя ладонью по потному лицу, Тимофей Ильич сказал:

— Попробуем одной машиной. Если что — подключим другую. Только рядом не станowitz. За лед боюсь. Ненадежный. Хотя воды тут — воробью по колено. Видать, только правее речка омутиться начала. Да нам туда ни к чему. Нам струи держаться надо, — и он показал на еле угадываемый пережат.

— А как дно? — спросил Мазин.

— Дно — кисель. Равнина ведь. Но нам, мужики, не на дно, а на тот берег надо.

Тимофей Ильич, щурясь, посмотрел на небо, машинально одернул полы коротенькой телогрейки и негромко сказал:

— Пора...

Стреляя трубой и захлебываясь от натуги, трактор тронул с места многометровое гибкое сооружение, с трудом протащил его по берегу, а выйдя на лед — вдруг забуксовал.

— Не возьмет, холера! — Тимофей Ильич торопливо выбежал вперед трактора.

— Стоп! — закричал он Черняеву. — Стоп! — И показал руками крест.

— Давай теперь ты вперед! — махнул он Петру Мазину. — Да не рядом!

Трактор Мазина пошел, через речку, все время убыстряя ход, явно беря лишку вправо.

— Куда же ты, дурья башка... — крикнул охрипший Тимофей Ильич. — Куда загнул?..

И он, крича и размахивая руками, бросился вдогонку. Трактор вдруг остановился, как-то странно дернулся, словно его внезапно испугали. Под гусеницами вяло прогнулся лед, тяжелая машина начала медленно оседать и одновременно крениться на бок.

— Мать твою... — зло выругался мастер.

Мимо него торопливо пробежали Иван Черняев и Володька.

— Ты что же, гад, в работу игра-

ешься? — услышал Тимофей Ильич возбужденный голос Володьки. — За людей нас не считаешь? По образине хочешь? Так это мы сейчас...

— Брось парень! Остынь! — осаживал его Черняев. — Ежели все только кулаком решать, за неделю насмерть друг друга переколотим.

— Да ведь что отколол! — не унимался Володька. — Ни за что, ни про что сунул трактор в воду.

— Братцы... Ребята... Хотел для уверенности подальше объехать, да чуток перебрал... Не нарочно же! — еще не оправившись от испуга, лепетал Мазин.

Из-под катков и вытертых до блеска гусеничных плит лениво выныривала густая и темная дымящаяся вода. Она показала Тимофею Ильичу уставшей и сонной. «Без теплого солнышка и вода дегтем кажется», — подумал он и зашагал вокруг майны.

Рабочие стояли и удрученно смотрели, как вода захлестывала пол кабины, и ледяные крошки кувыркались где-то между броней и отвалом бульдозерной навески.

— Что делать будем? — ни на кого не глядя, спросил Тимофей Ильич.

— Выбираться надо, — ответил за всех Черняев.

— Это понятно. А как выбираться-то? Ты-то что скажешь, Мазин?

— Я как все, — пробормотал тот.

— Как все! — передразнил Володька. — Гляди, согласный какой... Гони его, шеф, к костру, а то загнетса, как гнида. Мокрый ведь.

В заиндевелых валенках перепуганный тракторист стоял на снегу неуверенно, враскорячку, штаны бутулились и повыше колен парили.

— Давай к огню, да поживее! — командовал Тимофей Ильич.

Целый час они тщательно исследовали речное дно. Результаты оказались неутешительные — илистое дно справа и слева упиралось в невысокие, но обрывистые берега.

— Крепко влипли! — подвел вслух итоги Тимофей Ильич. — Тут одним «эсом» не обойтись, тут два, а то и три тягача надо.

— Это чего же получается? — пристынул Иван Черняев. — Приехали? Станция Березай, кому надо, вылезай...

— Кумекать будем. Тебе, Иван, берег ковырнуть надо. Если снимешь две трети высоты — считай полдела. Потопрапливайся. Сам знаешь, зимний день — раз, два и нету.

— Молоток ты, Тимофей. Голова у тебя — дом советов, — сказал Володька. — Если бы туда еще грамотешки чуток, большой человек из тебя получился бы.

Тимофею Ильичу было приятно слушать о себе похвалы. Он знал, что Володька не лукавит, — говорит откровенно и прямо, без каких-либо выгод для себя. Да и какие могут быть выгоды в глухой тайге, один на один с работой. Не сделаешь ее — сама она не сделается.

Приятные разговоры, но расслабляться сейчас нельзя. Тимофей Ильич нарочито сухо и даже чуточку грубовато буркнул:

— Мели, Емеля...

А бульдозер Ивана Черняева, натужно рыча мотором, уже вспахивал береговой грунт, постепенно равняя отметку съезда с отметкой речного льда.

Тимофей Ильич несколько минут оглядывал невеселую картину: ползатонувший трактор, бульдозер, ковырявший мерзлую землю, неокрепший лед речки — и легонько тронул Володьку за рукав:

— Мотнись-ка за ломиками.

— Зачем ломы-то?

— Дорожку для этой железяки прорубим.

Подошел Мазин. Подсохший и повеселевший, он первым принялся энергично крошить ломом лед, тут же проводя под панцирь крупные иссиня-белые глыбы.

— Ну что, попробуем? — спросил всех Тимофей Ильич, когда широкая освобожденная полоса воды парила под тусклым зимним солнцем.

Сцепленные буксиром тракторы медленно и тяжело тронулись с места, тут же остановились.

— Глохнет... — махнул рукой Черняев, выпрыгивая из кабины. — Не под силу одному. Может, на пускаче попробуем? А? Правда, рискованно. Пускач заклинить может. Но надежда тоже есть.

— Стойте, мужики! — крикнул Володька. — Мысльшка имеется. Попробуем его, прохвоста, полиспастом... Точка опоры есть? Есть! — и он указал на стоявшую неподалеку разлапистую ель, — трос и блоки тоже...

— А как ты этим полиспастом?.. — неуверенно спросил Мазин.

— Темнота! Тут же налицо закон Архимеда: чем рычаг длиннее, тем меньше — что?.. — и сам себе ответил: — Тем меньше надо приложить сил. Вот мы сейчас сообразим парочку тросовых струн на полиспасте, и считай — Иван Черняев за троих тянуть будет. А если три струны ухитримся — тогда твоя телега из этой грязи — чмок и нету... Понял, деревня ты довоенная!

Володька действовал лихо и уверенно. Никто не пытался ему даже возражать. И как-то незаметно получилось, что вся инициатива по спасению мазинского трактора перешла к нему, Володьке Иванову. Мужики молча выполняли его команды, понимая, что в их положении нужна именно только эта работа.

Володька, раскорячившись на кромке льда, до локтей погрузил в воду руки, пытался закрепить тросом блочок за транспортную серьгу трактора. Возился он долго, но безрезультатно.

— Ни черта не получается! — подымаясь, ругнулся он. Побежал за трактор, торопливо сбросил с себя одежду и, сверкая белыми незагоревшими ягодицами, шагнул к парящей майне. Громко

и шутиливо — для храбрости — подвывая, Володька прыгнул в воду и быстро закрепит блочок на скобе.

Тимофей Ильич был на берегу. Он увидел Володьку лишь в момент, когда тот уже выползал на лед.

— Сукин ты сын! — заругался Тимофей Ильич, — в Могилевскую губернию захотел? — И резво побежал к костру, стал расшуровывать его, подбрасывая поленья.

Когда утонувший трактор стоял уже на берегу, к сидевшему у костра Володьке подошел Тимофей Ильич, держа в руке эмалированную большую кружку.

— Прими-ка лекарство, да в балок на боковую... Мы уж тут одни.

— Не откажусь! — весело откликнулся парень, — хотя могу и без этого. Корень наш ивановский, крепкий. Дед мой говорил: «Трудно, паря, первые сто лет прожить. А там пойдет, как по маслу...»

— А сам-то он как? Вместо ста да полста? — засмеялся мастер.

— Не, дед мой сто три года отмахал! — сказал Володька, возвращая пустую кружку. — Двух жен пережил. Пятерых сыновей да семерых дочерей на свет пустил. Может, жил бы дольше, да бог подвел. Последние годы в слуги господни старик подался. Читал старухам церковные книжки, правил службы, одним словом, верховодил деревенскими верующими. И до того вошел в роль, что вызвался выполнить ритуал освящения Иордани, то бишь нашей речки Маралихи. Небольшая речка, вроде этой, а глубина имелась...

Подошел к костру Черняев и Мазин, прислушались.

— На молебен дед собрался еще с вечера, — продолжал Володька, поощренный вниманием, — надел свежие штаны, валенки и полушубок младшего сына, который ушел на войну. А на улице буран, холодрыга. Лежать бы старому на печи. Да куда там. Гордыня! А ритуал этот только ночью, на утренней

заре исполняется. Подумал бы головой, кого понесет в такую ночь на речку. Но все же пошел. Пошел дед и заблудился. Где и как плутал — никому не известно. Только в седьмом часу утра домой его притащил пожарник Гошка. У деда была откромсана борода, в лохмотьях штаны и полушубок.

«— В проруби нашел! — рассказывал пожарник. — Чокнутый старик. Когда отдирал ото льда штаны и полушубок — молчал. Дошло дело до бороды — хоть плачь, не дается. — Не прикасайся! — кричит, — к бороде, арид! Лик мой не погань...» — Бился пожарник, бился, взял топор и — плакала дедова борода... После этого старик сник. Хиреть начал. Год только и протянул...

Захмелевший уже Володька рассказывал свои деревенские были и небылицы, а Тимофей Ильич глядел на него, слушал и в душе удивлялся. «Думал, ботало он. Пустышка. А он — мужик. К тому же с головой. Такие не подведут. Такие в огонь и в воду...» И, усмехнувшись, припомнил, как Володька, выскочив из воды на лед, не бросился тут же к одежде и к костру, а начал голышом выделывать ногами какие-то хитроумные колена, смешно приседал и подпрыгивал, по-цыгански дергал плечами,

громко выкрикивал: «А-с-са... Ас-с-са...» Подбежавший Иван Черняев бросил под ноги ему телогрейку, а Мазин накинул на него свою шубу...

Все это было только что. Только что стало прошлым...

Тимофей Ильич отошел к реке. Тихо опускалось, просвечивая макушки елей, холодное декабрьское солнышко. И сразу же тенью накатился на людей морозный вечер. Он крался по распадкам, по речной долине, стрелял в людей из-за озябших, придавленных снегом елей колючими стрелами холода. Прорубь курилась густым тяжелым туманом. Тимофей Ильич ступил на светящиеся в сумерках тесно сбитые бревна, прошел по ним из конца в конец. Настил лежал на заснеженном льду надежно и прочно.

От огромного, ярко полыхающего костра доносился Володькин хмельной и веселый голос и гогот парней. Будто и не было для них этого тяжелого дня, этой на пределе сил работы. Что значит молодость...

«Ну вот и все», — вздохнул мастер. Томительной, клонящей к земле усталостью гудели плечи, старая рана в ноге все отчетливее накапливала боль. Он тяжело, неторопливо зашагал к балку.

Сергей Донбай

* * *

Ветка осени — простыла
До прожилок листва.
И горит, горит пустынно
Золотая синева.

Улетели — тихо-тихо —
Перелетные на юг.
Воробей и воробья —
Наши — тоже не поют.

И над помыслом живого
Вьсь безмолвно глубока,
Будто ищущая слово, —
Дума, музыка, строка.

* * *

Крикну!
Откликнется горный
Медленный, как исполин,
Неизмеримо огромный
Голос в сравненье с моим.

Земли, пространства и воды...
Разума тайная месть!
Может быть, мы-то и есть
Слабое эхо природы
С опереженьем на миг?..

УТРЕННИЙ СНЕГОПАД

Тихий-тихий, удивительный
Этим утром снегопад.
Непроснувшихся родителей
Малыши ведут в детсад.

Все как будто нарисовано.
Ты и сам шагнул в этюд.
Тонны снега невесомого
Рядом в воздухе живут.

За домами белобровыми
Звуки спрятались совсем.
Тишина лежит сугробами,
Как верблюды возле стен.

Понимаю: звук не видно ведь...
Снегопад — не услышать...
Только странно слово вымолвить,
Чтоб себя не испугать.

* * *

Поле оглохло — кузнечик
Выключил травы. Тайга
Прячет за пазухой певчих.
Мглой задохнулись стога.

Кладбище, речка, дорога...
Воздух в овраге продрог.
Спутанный грядкой гороха,
Оцепенел ветерок.

Водит вслепую по сенцам
Темень — толкаясь, звеня.
Печки чугунная дверца
Чудится в рамке огня.

Угомонилось как будто:
Стихли, уснули, ушли...
Чу! заиграла побудка
В нас побуждений души!

Владимир Куропатов

РАССКАЗЫ

ВЕРНЫЙ

1

Директор совхоза Rogozin долго терпел пьянство тракториста Васьки Потапова. Но всякому терпению приходит конец. И директор издал приказ о переводе Потапова в грузчики на молочнотоварную ферму.

Васька, конечно, сильно расстроился. И сильно разозлился на Rogozina. Что с трактора снял — это еще ладно, полбеда. Начнется посевная — снова посадит, еще упрасивать станет. А вот обещанного к весне мотоцикла теперь Ваське не видать. Как собственных ушей. Теперь его очередь не вторая, а хвостовая, последняя. Без приказа понятно.

Тут уж было с чего напиться. Причина самая уважительная. И Васька напился. И на чем свет стоит стал ругать директора. Но что толку ругать? Вот досадить бы Rogozinu чем-нибудь — это было бы да. Только чем бы досадить? Васька стал думать своей пьяной головой и придумал. Ловко придумал. Даже похвалил себя вслух:

— Молоток!

У Потапова была собака Пальма. Месяца два назад она принесла трех щенков. Все трое были черные, кончики хвостов белые. Прямо вылитые Трезор — директорский кобель.

— Отродье вонючее! Погань рогозинская! Не быть вашему духу в моем дворе!..

Скидал щенков в сумку и понес на речку — топить.

Двух он уже спустил в прорубь, достал третьего. И тут схватил Ваську за руку совхозный токарь Максим Кривошеков, мужик пожилой.

— Ты что же, ирод, над животными изгаляешься?! — и отобрал щенка.

— Мои! Что хочу, то и делаю, — Потапов полез на соседа с кулаками. Максим толкнул Ваську в грудь ладонью, и Потапов плюхнулся в сугроб, как на пуховик.

— Тебя бы, паршивца, самого в прорубь головой, — сказал Максим, сунул щенка за пазуху и пошел домой.

Собака Кривошеков никогда не держал. Не то чтобы не любил, а не видел в них никакой надобности. Поэтому Катерина, жена, удивилась, когда Максим добыл из-за пазухи щенка и опустил его на пол.

— Откуда ты его?

— С того света считай.

И рассказал, как было.

— А нам на что он?

— Для веселья, мать. Ты же все жалуешься: дети разъехались, скучно в доме.

Вот теперь и будем жить вчетвером: ты, я, Мурка да собака, — Максим поднял щенка, опрокинул вверх животом. — Кобелишка. Живи, карапуз.

Катерина подала ужин. Максим сел за стол. Чмокнув губами, поздравил щенка:

— А ну, иди сюда, барбос.

Щенок несмело приковылял от порога к ногам Максима, сел на задние лапы: «Что? Говори. Я слушаю».

— Так вот, брат. Не подоспей я, плыл бы ты сейчас подо льдом к морю-океану. Понимаешь?

Щенок моргнул и помолотил белым кончиком хвоста по полу.

— Ни черта ты не понимаешь. И не поймешь, в общем, спас я тебя. А за это ты мне будешь служить верой и правдой. Я тебе и имя такое даю — Верный. Понял?

Щенок мотнул головой и снова замолотил хвостом: «Все отлично понял».

— Ну и добро. А морда-то у тебя не бестолковая, гляжу, не-е-е-ет. — Максим выловил в тарелке кусочек мяса, бросил щенку. Щенок взял мясо, отнес к порогу и принялся там есть...

Так началась его жизнь в доме Максима Кривошекова. Жизнь, в которой не было ничего примечательного. Правда, в самом начале у него сложились было не очень добрые отношения с Муркой, показавшейся Верному большой задирой. Когда Верный вполне дружески приближался к ней, она выгибала туловище подковой, оскаливала зубы, шипела и даже замахивалась лапой, норовя царапнуть. Верный ничем дурным не отвечал ей, и Мурка постепенно перестала задираТЬся, свылкалась. А потом они даже подружались и стали играть. Бывало, до того разойдутся, поднимут такой тарарам в доме, что Катерина прикрикивала на них:

— Ну-ка, прохвосты! Вот выброшу обоих на мороз и беситесь там! — и замахивалась тряпкой или веником.

Мурка и Верный разбежались по разным углам и притихали. Но ненадолго.

Катерина бранилась на них и смеялась:

— До чего ж озорники! Прямо беда! — наливала в чашечку молока. — Ешьте вот.

Верный не жадничал. Сидел в сторонке и терпеливо ждал, когда налакается Мурка, а уж потом подходил к чашке сам.

— Гляди-ка, желтмен какой! — смеялся Максим, одобрял:

— Молодец! Так, брат, и надо. Женскому полу почет и уважение. Умен!

Наевшись, собака и кошка укладывались на подстилке в углу возле сундука. Мурка клала на шею Верного лапку, мурлыкала, и вскоре оба засыпали.

2

К лету Верный подрост. Ноги его выпрямились и подлиннели, вытянулось туловище, поднялись топориками уши, хвост свисел бубликом, — стал вполне взрослым псом. А в деревне взрослых собак в доме не держат. Весной Максим сколотил возле стайки конуру, постелил соломы, позвал Верного:

— Вот тебе и твой терем, вселяйся.

Садить его на цепь Максим не стал. Для умной собаки, рассуждал Кривошеков, цепь не нужна. Цепь для бестолчей. А бестолковой собаке в его дворе делать нечего.

Верный жил вольно, но не беззаботно. Были у него свои обязанности по дому. Когда Катерина уходила на ферму, а Максим в мастерские, Верный оставался хозяином двора и ревностно поддерживал надлежащий порядок.

Он не стоял, как часовой, на страже и не вертел головой по сторонам, не прикидывался, не настораживался. Верный спокойно лежал себе на солнышке или в тени, если день выдавался слишком уж жаркий. Прикрыв глаза, дремал. Но обстановку знал. Чутьем чувствовал, где что творится, кто что затевает. Курицы еще только высматривают, в какую бы дыру нырнуть, чтобы пробраться в огород на грядки — Верный уже тут. Клад, клад зубами — и хохлатки во главе с крикливым бестолковым петухом ошалело мчатся, куда глаза глядят.

Одна стена стайки выходила на улицу. Земля возле этой стайки была унавоженная, мягкая, как пух. И почти целый день здесь

был холодок. Это и привлекало сюда телят и свиней. Против телят Верный не имел ничего. Пожалуйста, приходите, ложитесь, как вам нравится, отдыхайте. Свиньям же такого Верный позволить никак не мог. Потому что вели они себя чисто по-свински. Видите ли, им, прежде чем лечь, надо вырыть яму. И не где-нибудь. Норуют под самый нижний венец стены подкопаться. За такое хамство Верный прогонял свиней прочь. Свиньи не связывались с ним. Боялись. Кроме одной. Старой, матерой. Уши у этой свиньи были большие, вислые, как лопухи за баней. Пузо тоже обвислое и чуть ли не по земле волочилось. Пятак самодовольно и нагло задран вверх. Очень противная свинья с виду. Нравом и того противнее. Когда Верный приближался к ней, она смотрела на него ядовитыми белесыми глазами и продолжала подрывать стену. Верный рычал угрожающе. Тогда свинья нервно взвизгивала и, приоткрыв пасть, кидалась на собаку. Верный забегал сбоку и «щекотал» зубами одну ляжку свиньи, другую. Такая щекотка лопухой вреднее не нравилась, она пронзительно, как если бы ее резали, визжала на всю Ивановскую, неслась под яр к ручью и скрывалась в зарослях ивняка. Дальше Верный ее не преследовал.

Постояв несколько мгновений и прислушавшись, он напружинивал ноги и бесшумно бежал вдоль забора к дальнему углу огорода. Обычно прибегал он сюда в самый раз. Оглядываясь по сторонам и пригибаясь, мальчишки перебежками пробирались по картофельной ботве к огуречным грядкам. Накостники присаживались возле грядок на корточки и уже протягивали было руки к тугим, в пупырышках, огурчикам, как перед ними вырастал Верный.

— Гав!..

Мальчишки вздрагивали, похватывались и, как курицы же, ошалело пускались наутек. Верный для порядка догонял кого-нибудь одного и хватал озорника за штаны.

Огородом Верный возвращался во двор. Возле конуры его ждала Мурка. Грациозная, лучезарная, завидев Верного, она поднимала хвост дугой, выгибалась подковой, пыхала

грозно, боком прыгала на шею другу. И они затевали игру. Которая однако не мешала Верному помнить о своих обязанностях.

Когда Максим возвращался с работы, соскучившийся по нему Верный не кидался на грудь хозяину, не заискивал, не визжал, а только улыбался с достоинством и молотил хвостом в знак приветствия.

— Здоров, здоров. Ну, как тут у тебя! — сухоато спрашивал Максим. — Порядок? Ну, молодец.

Нежности были не в характерах хозяина и собаки. Их взаимная привязанность была гораздо серьезнее и выше внешних чувствозлияний.

3

Очень уж быстро прошло веселое лето. Настала осень.

Жизнь Верного сделалась скучнее. Задудли холодные ветры, часто шелестел дождь. Носа из конуры не высунешь. Да и особо незачем. Свиньи под стеной стайки уже не рылись. Мальчишки в огород не лезли — все убрано, и курам теперь можно было ходить по нему свободно, без опаски.

Мурка из дома выбегала лишь изредка и то не дальше крыльца. Ей, конечно, очень хотелось подбежать к Верному и поиграть, но она была неженка и боялась холода и дождя. Ступив на мокрую доску крыльца, она дрыгала лапками, жмурилась, как от яркого света, стремглав убегала в сени и мяукала жалобно, чтобы ей отворили дверь.

Тянулись однообразные серые дни, длинные, промозглые ночи. Скучно. Неуютно.

Но однажды произошел забавный случай. Может, самый забавный за всю жизнь Верного.

Мало, что Васька Потапов был добрый выпивоха, он был еще и бестолковый хозяин. Впрочем, причина его бестолковости в том и крылась, что часто заглядывал в рюмку. Зима на носу, а у Потапова — ни угля, ни дров. Как-то в воскресенье взял два ведра и пошел к Кривошековым — одолжить топлива. Хозяев дома не оказалось. Но не возвращаться же домой с пустыми ведрами. Подошел к

углярке, набрал комочков получше и двинулся со двора. Верный, все время наблюдавший за Потаповым, вылез из конуры и, зарывав, преградил Ваське путь.

— Ты чего, розгинская морда? А ну! — прикрикнул на него Васька.

Верный не тронулся с места.

— Ты глянь на варнака. Мой кобель и меня же не пропускает. Пошел, дерьмо! — возмутился Потапов и занес ногу, чтобы хорошенько пнуть собаку. Но не вышло. Верный пружинисто отскочил в сторону, тут же забежал сзади, уцепился за полу Васькиного пиджака, потянул на себя. Васька под тяжестью ведер потерял равновесие и упал навзничь. Ведра, посыпая двор углем, раскатились в стороны. Калоши, надетые на босу ногу, спали. Матерно ругаясь, Васька поднялся, вслепую на шаривая ногой калошу, с опаской и ненавистью смотрел на собаку, которая уже вновь стояла впереди, косо поглядывала на самовольника и порывивала. Потапов понял, что шутки плохи.

— Паразит! Выходит, на свою беду не утопил тебя. Чего звереешь-то, гад! Пусти!

Верный отступил на два шага и уселся на задние лапы, как бы давая понять, что отпускать Ваську он скоро не собирается.

— Подлюга! — выругался Потапов, но тут же подумал, что зря он так, надо попробовать лаской. Чмокнул сочно губами: — Верный, Верный. Ты же хороший. Пусти, дурачок. Ну? Верный!..

К Васькиным увещаниям Верный отнесся с полнейшим равнодушием. Отвернул голову в сторону, мол, и слышать ничего не желаю.

Оставалось Потапову одно: стоять и ждать, пока придут хозяева. Прийти-то они, конечно, придут. Но скоро ли? А дождь между тем перешел из реденького в густой. Васька в пиджачке, накинутом на майку, без кепки, стоял, мок и ждал. Одно слева, другое справа мокли опрокинутые ведра, мок просыпавшийся уголь. Сидел на задних лапах, мок и тоже ждал Верный.

Явившиеся из гостей уже в сумерках Максим и Катерина немало удивились тому, что увидели во дворе.

— Ты что же это, брат, а? — строго сказал Максим Верному. — Нехорошо!

Верного эти слова ничуть не смутили. Он серьезно посмотрел в глаза хозяину и направился к конуре, считая свой долг выполненным.

— Вот паршивец! Ты уж не серчай, — повинился Максим перед Васькой. И тут же засмеялся не без издевки: — Видишь, какого молодца чуть не сгубил.

Васька, промокший до последней нитки, продрогший до костей, сверкнул глазами, выругался и пошел прочь, забыв о своих ведрах.

— Чего без угля-то? — напомнил ему Максим.

В ответ Васька зло стукнул калиткой.

4

Ударили первые заморозки. Сковало ручейки, болота, топи. Можно было вывозить сено. Покос в том году Максиму отвели в новом месте, за пасекой. И накануне того дня, когда обещали дать трактор, Максим решил пойти и посмотреть, где можно лучше протащить стог, чтобы завтра не искать путь в потемках — вернее всего, трактор дадут только к вечеру. Было воскресенье, торопиться некуда, и Максим прихватил ружье. Не в пример своим деду и отцу, он не отличался страстью охотника, но, отправляясь в лес, двустволку брал. На всякий случай. Вдруг рябчик попадет, заяц вывернется или дикая коза. Коз в последние годы развелось в этих местах множество. Переломив ружье, Максим в один ствол вставил патрон, заряженный пулей, в другой — дробью. Закинул двустволку за плечо, позвал Верного:

— Пойдем-ка, брат, разомнемся. Может, зайца возьмем. Вдвоем-то мы его ловчее...

В нагом лесу стояла прозрачная хрустальная тишь. Природа отходила к зимнему сну. Шаги человека и собаки в этой тиши казались неуместно звонкими, беспокоящими, слышными за три версты в округе.

«Какие тут рябки-зайцы», — подумал Максим и пошел без сторожки, не стал всмат-

риваться, вслушиваться. Шагал вольно и глазом прикидывал, где лучше проташить стог, чтобы не завалился на бок, не зацепился за дерево или валежину.

Верный бежал впереди. Часто сворачивал в сторону, обнюхивал пни, совал нос в норы, чихал, фыркал, вертел головой, принимался яростно разгребать лапами, но, убедившись в бесполезности своих стараний, бросал нору и догонял хозяина. Увидев или услышав что-то интересное, снова бросался в сторону.

Стог стоял в ложбине поодаль от густого низкорослого осинника. С небольшого взгорка Максим заметил, что завершен стог не ахти как. Чуток бы покруче и поплавнее надо было. Наверняка затек, и сено подпортилось. Максиму не терпелось убедиться, так это или нет, и он ускорил шаг. С ходу засунул руку как можно поглубже в стог, вытащил клоч сена. Вроде ничего — зеленое. Понюхал — прелью не пахло. Потер — сухое.

«Ну, а макушка-то наверняка подзаплесневела», — подумал Максим и отправил клоч сена назад, в проделанную дыру.

Не успел он еще вытащить руку назад, как почти над самым ухом его раздался трубно-оглушительный рев. Максим вздрогнул. Ему показалось, что вздрогнул, кольхнулся и весь лес, захохотавший эхом. Максим повернул голову вправо и остоленел: вывернувшись из-за стога, шел прямо не него матерый, с проседью в ломах шерсти медведь. Он косолапил на задних лапах, а передние с черными растопыренными крючками когтей были вытянуты вперед.

Максима обдало жаром, кожу на голове стянуло, волосы шевельнулись, вздыбились. Медведь в двух шагах, не успев ни вскинуть ружье, ни взвести курок. Максим смотрел на растопыренные когти зверя, на раскрытую, сочащуюся слюной пасть... Никакого спасения от этих когтей, от желтых клыков. Еще мгновение — и все, смерть.

Предвкушая добычу, медведь победно взревел. И вдруг этот рев перекрыл острый пронзительный визг. Выскочивший из мелколесья Верный со всего маху вскочил на горб зверю, вонзил клыки в загривок. Максим сделал

шаг назад и увидел, как медведь качнулся, потерял равновесие, стал крениться на бок. Больше Максим ничего не видел...

5

Он ничего не видел, не слышал, не помнил все два с половиной километра. Пришел в себя возле дома. Сердце стучало молотком, тело тряслось, ноги подкашивались. Максим опустился на осиновое бревно, лежавшее возле самых ворот. Приклад двустволки уперся в дерево, ремень соскользнул с плеча, ружье упало к ногам. «Верный! — больно кольнула мысль. Надо было сейчас же поднять ружье, подняться самому и бежать назад, к стогу, но никаких сил у Максима не было.

«Верный! Да как же это я... Оглошал, мерзавец...» — Максим застонал протяжно. Зачем-то выйдя на крыльцо, Катерина увидела за воротами мужа, сидящего в необычной позе. Отворила калитку.

— Отец, ты чего это?

Максим поднял на жену бессмысленные глаза.

— Да ты выпивши, что ли?..

— Медведь...

— О господи! — Катерина в испуге всплеснула руками. — Да хоть живой ли ты?

— Живой... не видишь... А вот Верный-то пропал...

Катерина подняла мужа, с трудом ввела в дом. Дала выпить валерьянки, еще каких-то капель.

— Пропал, мать, Верный...

— Слава богу, сам живой остался. Ты приляг на кровать.

— Какой приляг! Дай ружье, — Максим попытался встать, но из этого ничего не вышло. — Погубил... Пропала собака...

6

Верный, свившись клубком, откатился в сторону. Теперь должен был действовать хозяин. Верный надеялся, ждал. Но так не получилось.

Боль, причиненная собакой, подняла в звере всю ярость. Позабыв о человеке, он ринулся на собаку, лежавшую на спине, вонзил в нее когти. Верный укусил медведя за лапу. Медведь взревел, разжал когти. Верный, перевернувшись через голову, прыгнул в сторону, потом еще и еще. Оказавшись в чаще осинника, пополз. Медведь, скуля, тербил зубами укушенную лапу. Когда вспомнил о враге — его уже не было рядом...

Верный полз по жухлой траве, усыпанной полинявшими осиновыми листьями, оставляя за собой кровавый след. Полз, пока были силы. Возле старого пня, поросшего зеленым мхом, прилег на бок. Грудь жгло. Передняя левая лапа ничего не чувствовала, была неживой. Очень хотелось пить. Крохотный островок инея на бархатинках мха от частого дыхания собаки растаял, превратившись в росинки. Верный со стоном слизнул их и закрыл глаза.

Лежал он долго. Мало-помалу дыхание выровнялось. Но боль в груди не унималась, только сделалась тупой, ноющей. Сделав усилие, Верный поднялся. Передняя лапа была безжизненной. Он, преодолевая боль, поковылял туда, где кусты были пореже и было светлее.

7

— Да в уме ли ты! — плача говорила Катерина. — Ночь уже скоро.

Ничего не отвечая, Максим закинул на плечо ружье и вышел из дому.

Открыв калитку, он остановился и не поверил своим глазам.

Возле осинового бревна лежал Верный.

— Пришел! Верный! Живой! — радостно воскликнул Максим и шагнул к собаке. Но Верный, чуть приподняв голову, предостерегающе зарычал.

— Ты чего? — удивился Максим. — Ты чего? Друг ты мой!..

Дыша резкими толчками, Верный смотрел перед собой туманным сонливым взглядом.

— Обиделся? Ну прости, брат, если можешь. Оплошал я. Прости. Ну иди домой, иди, — Максим хотел склониться к собаке.

Верный опять зарычал, зло, отчужденно.

Верный отвел взгляд в сторону. Максим замаялся. Вдохнул горестно и смотрел на своего спасителя. Шерсть на нем была взъерошена, на боках и спине торчала ключьями. Левая передняя лапа будто вывернута, на ней запеклась кровь. Одно ухо завяло и тоже в сгустках крови.

— Вот беда-то, — выдохнул Максим. — Пострадал ты, брат... Ну ступай во двор. Голодный ведь...

Верный был глух к словам хозяина. Максим повернулся, пошел в дом.

— Пришел Верный, — сказал Катерине.

— Пришел?! Ну, слава тебе, господи!

— Налей ему чего. Пусть поест.

Катерина налила в алюминиевую чашку щей, положила кусок мяса, накрошила хлеба.

— Горячее. Пусть поостыло бы...

— Где горячее-то, — Максим отнял у жены чашку, пошел на улицу. Катерина — следом за ним.

— На-ка вот...

Но Верного возле бревна уже не было. На то место, где он лежал, падали легкие редкие снежинки. Максим пожал плечами, посмотрел по сторонам, позвал:

— Верный, Верный... Да куда он делся? — проворно пошел во двор, заглянул в конуру, она была пуста. — Где же он?..

Катерина боязливо покосилась на мужа.

— А не почудилось тебе?

— Чего почудилось-то?! Чего почудилось?! Когда вот здесь только что лежал... Верный! Верный! — звал Максим и смотрел в сгущающиеся сумерки. Отдав Катерине чашку со щами, он обошел вокруг погреба, спустился к речке, вернулся, прошел до совхозного телятника и все звал Верного. Но ничего не слышал в ответ, кроме посвиста усиливающегося ветра.

8

Не сняв фуфайки и шапки, не скинув сапог, Максим, ссутулившись, сидел возле кухонного стола и смотрел в окно. За ним чернела ночь, завывал ветер, по стеклам сухо шуршал снег.

Катерина в горнице разбирала кровать.

— Уймись, отец. Что теперь делать-то...

Максим молчал.

К ногам его подошла Мурка, заглянула в глаза, мяукнула, прыгнула хозяину на колени. Максим погладил ее по спине.

— Нету твоего дружка. Так-то вот...

В это самое время с улицы донеслось:

— Ву-у-у-ув... — и растворилось в тоскливом завывании ветра. Максим встрепнулся, напряг слух. За окном кружил и выл только ветер.

«Почудилось», — решил.

И вдруг снова. От ворот, не дальше:

— Ву-у-ув...

Максим поспешно вышел на улицу. Открыл калитку, позвал:

— Верный! Верный!

Неся белое крошево, гудел ветер.

«И впрямь, что ли, почудилось, язви ее».

Вернулся в дом. И вскоре опять, теперь уже от бани:

— Ву-у-ув...

— Слышишь? — сказал Максим Катерине.

— Что?

— Воет. Верный это.

Катерина прислушалась.

— Да то ветер в трубе.

— В какой там трубе! Верный это...

— Ву-у-ув...

— Слышишь? Слышишь?

Катерина с затаенной тревогой посмотрела на мужа.

— Чудится тебе что-то, говорю...

— Заладила: чудится, чудится! — в сердцах сказал Максим и кинулся в дверь.

Он осторожно пробрался к бане, обошел ее кругом, заглянул в предбанник — нигде никого.

— Верный! Дружок ты мой. Чего мучаешь-то, а? — дрожащим голосом зывал Максим в темь. — Будет тебе душу-то изматывать! Иди домой. Ишь, непогода-то какая разгулялась...

Ответа Максиму было только завывание и посвист бушующей вьюги...

Катерина встретила Максима печальным вопросительным взглядом.

— Нету...

— Не майся, отец. Ляг, усни.

— Лег бы, когда б знал, что усну... Сама-то ложись. Тебе-то чего? Мой грех — мне и маяться.

— И что за день такой! И что за наваждение, — вздохнула Катерина. Выключила в спальне свет, легла. Но Максим знал: уснуть она тоже не сможет...

Уже за полночь Максим снова услышал холодящее, корбящее душу:

— Ву-у-у-ув... Ву-у-у-ув...

— Мать, слышишь?

— Да вроде как... — отозвалась Катерина. — Он вроде...

— От речки? — Максим встал. — Из кустов?

— Вроде бы...

— Вокруг дома кружит. Чего кружить-то?..

Максим спустился к кустам. Он уже не звал Верного, только просил:

— Ужель сердца в тебе нет, а? Что со мной и собой делаешь?.. Виноват я, понимаю. Прости. Оплотка вышла. Прости, друг любезный ты мой...

9

Максим в тревожном напряжении прислушивался к тому, что делалось на улице и думал, пытался разобраться, понять, как, отчего все это случилось.

От страха, от боязни смерти?..

Страх был, конечно. Только мертвые не боятся смерти. Но ведь и раньше Максим переживал всякое. К примеру, в сорок четвертом, под Кривым Рогом. На них, дюжину бойцов, оставшихся от батальона, шло восемнадцать танков... Нет, если в те молодые годы, когда очень хотелось жизни, потому что еще ничего не успел в ней испытать, он мог подавить, смять в себе страх и заглянуть в самые зрачки смерти, не надеясь на ее милость, то минувшим днем он умер бы легче: считай, все уже пережито, испытано...

Так что же тогда?

Посчитал, что собака она и есть собака?

Нет, Максим любил Верного не меньше, чем человека, родного и близкого.

И все-таки что же?..

Слишком неожиданно все получилось. Рассудок поразило, не сам собой управляя, кто-то другой. Тот, кто заставляет тебя пригнуться, когда летит в тебя камень, кто велит дуть на чай до того, как убедишься, что он холодный. Вот этот другой и руководил Максимом вчера. Потом пришел в себя, опомнился, да уже поздно... Так объяснял Максим случившееся. Только объяснял. Но не оправдывал себя. Понимал: оправдывайся не оправдывайся, а грех, вина останутся на душе его. На веки вечные...

Время уже было к утру. Ветер за окном стал стихать, снег перестал шебормать по стеклам. Измученный переживаниями и думами, Максим незаметно для себя задремал, облокотившись о стол и прислонившись спиной к стене.

Началась какая-то путаница в голове, полезли кошмары. Максим видел танки. Они шли на него. Схватив связку гранат, Максим изо всех сил метнул ее вперед. Но она упала в двух шагах от него и превратилась в берему осиновых поленьев. А танки медленно, с ревом поднялись на дыбы и пошли на задних лапах. Они превратились в стадо лох-

матых медведей и шли прямо на Максима. «Беда! Смерть!» И тут откуда-то вывернулся Верный. Почему-то голый, без шерсти. «Верный!» — обрадовался Максим. — Ты пришел! Верный!» — и кинулся к собаке. Его окутал огонь, дым. Сделалось жарко, удушливо...

Максим очнулся.

10

Уже почти рассвело. Максиму показалось угарно в избе. Он надел свалившуюся на стол шапку, вышел в темные сени, открыл дверь на улицу.

И увидел: двор был весь ослепительно белый, будто покрытый большой чистой скатертью. Такой же белой скатертью было убрано крыльцо. А на нем, преданно положив голову на порог, лежал Верный.

— Верный! — вскричал Максим и опустился перед собакой на колени. Он бережно погладил собаку ладонью по шерсти. Верный не ответил ни единым движением. Он был тепл еще, но уже мертв.

Он простил своему хозяину. Словно бы понимал, что, если бы не Максим, у него не было бы даже и этой короткой жизни...

СТРАСТЬ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

Знаете ли вы, что такое диалектология?

— Не знаем, так сейчас узнаем, — и вы открываете словарь. — Вот написано: «Отдел языковедения, наука, занимающаяся изучением различных наречий и говоров какого-нибудь языка». К примеру, русского. Вот так.

Именно так. А чтобы было понятно всем и каждому, объясним проще, доступнее. Русская диалектология (речь пойдет о русской диалектологии) — это наука, изучающая, где говорят: «говорят», а где — «гаварят», а где — «гаварять», а где — «гувурят», а где — «грят» и так далее и так далее, потому что слово говорят в разных местах (областях, районах и даже в разных селах) говорят по-разному.

Но установить, где как говорят — это только сказать «А». Нужно сказать еще и «Б», то есть объяснить, почему в одном месте говорят так, а в другом — иначе. И диалектология объясняет, почему.

Диалектология, по мнению тех, кто изучал ее, наука непростая. Но если ее сравнить с другими науками, даже того же языковедческого цикла, скажем, с исторической грамматикой, которую можно смело назвать лингвистической математикой, — то диалектология не так уж и сложна.

Равно как и все науки — и простые, и сложные — диалектология требует, чтобы люди, занимающиеся ею, любили ее. А, известно, где любовь, там и глубокие прочные знания.

Кандидат филологических наук Василий

Иванович Панков не просто любил диалектологию. Он обожал ее. Она была смыслом всей его жизни. А потому знал он ее в совершенстве.

Студенты института, в котором он преподавал, и по сию пору, бывает, рассказывают якобы подлинный случай, происшедший в первые годы после войны. На одном крупном заводе разоблачили очень крупного шпиона. Но шпион заперся и доказывал, что он вовсе никакой не шпион, а честный советский гражданин. Что родился и вырос на Орловщине, за границей никогда не бывал и прочее. Те, кто занимается разоблачением шпионов, люди сообразительные и находчивые. Они пригласили Василия Ивановича Панкова и попросили его поговорить со шпионом. Просто так, о чем угодно. Василий Иванович поговорил. Всего каких-то минут пять или десять. И сразу же сделал заключение, что собеседник его никаким образом с Орловщиной связан не был, потому что в его речи абсолютно ничего орловского нет. Зато очень много обнаруживается баварского. А если не баварского, то саксонского. Сказать точно, какого именно, Василий Иванович затруднился, так как он занимался русской диалектологией, а не немецкой. В тот же день, рассказывают, шпион признался, что он действительно шпион.

Что в практике Василия Ивановича такого никогда не было, сомневаться не надо. Случай этот следует отнести к студенческому фольклору как легенду, сочиненную наивными первокурсниками. Однако сочиненную не на голом месте, а на реальной основе.

Разговаривая с кем-нибудь из студентов, Василий Иванович, бывало, спрашивал что-нибудь вроде:

— Вы когда были в последний раз на своей родине, в селе Беляевке Оханского района Пермской области?

Студент говорил, что в селе Беляевке Оханского района Пермской области он был тогда-то. А у самого от удивления глаза на лоб.

— Вы откуда, Василий Иванович, знаете, что Беляевка — моя родина?

Василий Иванович очень вежливо улыбал-

ся — у него была очень вежливая, мягкая улыбка — и говорил:

— Это установить очень просто.

Взяв для примера несколько слов из речи студента, Василий Иванович указывал на особенности их произношения и заключал, что все это признаки, характерные только для говора села Беляевки Оханского района Пермской области. В соседних с Беляевкой деревнях и селах говорят похоже, но уже не так.

Уроженца села Беляевки и всех, кто присутствовал при его разговоре с диалектологом, такое знание диалектологии восхищало. А что восхищает, то и ложится в основу легенд — закон устного народного (здесь — студенческого) творчества.

Да, о Василии Ивановиче Панкове рассказывали легенды. И уже одно это — признак его незаурядности.

Почти четыре десятка лет диалектология была смыслом жизни Василия Ивановича. И он искренно и страстно хотел, чтобы и для его студентов она стала тем же. Для всех. Или, во всяком случае, для большинства. Но вопреки желанию Василия Ивановича получилось так, что для большинства студентов его предмет становился тяжким игом. И лишь только некоторые находили в диалектологии благо.

Как и все одержимые, Василий Иванович был большим педантом. В аудиторию он приходил точно по звонку. Ни на секунду позже. Но и ни на секунду раньше. Ни единого мгновения не теряя попусту, начинал лекцию.

— Продолжим, товарищи, — это он произносил, идя от двери к кафедре. — Тема сегодняшней лекции «Основные черты среднерусских говоров», — и делал паузу. Небольшую, но вполне достаточную, чтобы студенты успели записать и подчеркнуть тему, а сам он — сесть на стул и, облокотившись на стол, подпереть голову рукой. Будто размышляя вслух, размеренно говорил: — Как уже отмечалось, среднерусские говоры

имеют относительно четкие границы распространения. Северная их граница...

И уже не делая никаких остановок до самого звонка. Перед Василием Ивановичем не лежало ни тетрадки, ни листков — ничего. Зачем? Ведь он обожал и знал диалектологию. В лекциях его все было предельно четко и ясно. Ни единой лишней или пустой фразы. Никаких отступлений, повторов, вариаций или вольностей. Обнаженная доступная суть — и больше ничего. Ведь на курсе диалектологии, по мнению Василия Ивановича, отводилось такое мизерное количество часов, а сообщить студентам необходимо было так много.

Ровно сорок пять минут Василий Иванович, будто вслух беседуя с самим собой, говорил. Ровно сорок пять минут студенты, не поднимая головы даже для того, чтобы утереть пот со лба, скрипели перьями, записывая то, что говорил преподаватель.

Звенел звонок. Василий Иванович, не закончив фразы, даже слова не договорив, поднимался.

— Прервемся, товарищи...

Выходил в коридор, останавливался возле подоконника, закуривал «приму». Его окружали студенты, тоже закуривали, кто что имел. Не имеющим ничего Василий Иванович услужливо предлагал свою «приму», подносил огонька. И начиналась беседа. Но, разумеется, не о чем-то постороннем, далеком, а опять же о ней, о диалектологии. Василию Ивановичу задавали вопросы, он с нетерпением и жадностью выслушивал их и тут же с обстоятельной щедростью давал ответы.

— Понятно. Интересный вопрос. Поясняю. В речи вашей бабушки, уроженки Ставропольского края, изысканнейшей на украинском языке, замечаются элементы курского наречия по очень простой причине. В пятидесятых годах прошлого столетия черноземное Ставрополье, как и нижнее Поволжье, заселялось украинцами и крепостными крестьянами из центральной России, в том числе и из Курской губернии. Помните рассказ Лескова «Продукт природы»? Он как раз о переселенцах курыах... Произошло

смещение языков, украинского и русского. Преобладать стал украинский при сохранении курского наречия. Все просто... Пожалуйста. Теперь слушаю вас!.. Так. К какому конкретному диалекту относятся слова «балбес», «дрыхнуть», «шляться» и другие, употребляемые в устной речи повсюду, но не входящие в норму литературного языка? Это просторечия, которые надо отличать от диалектизмов. Основной их признак в том как раз и состоит, что они не закреплены ни за какой областью, а представляют собой стилистический слой общенародного языка... Пожалуйста. Что у вас?..

Вопросов задавали много, а перерыв был короткий — всего лишь десятиминутный. И каждую секунду его Василий Иванович использовал тоже разумно, без неоправданного расточительства. Выслушав очередной вопрос, он, бывало, говорил:

— Через две лекции мы будем вести речь о севернорусском цоканье. После этой лекции вам станет все понятно. Так что чуть-чуть обождите. Так. Что-то хотели спросить вы... Прошу прощения — звонок. В другой раз. Непременно...

Диалектология преподавалась на первом курсе. И влюбчивым первокурсникам Василий Иванович виделся человеком очаровательным. Он был сама тактичность, сама вежливость, сама душевная щедрость. И поэтому с сомнением, даже с открытой враждебностью воспринимали первокурсники слова старшекурсников, произносимые с иронией и самодовольством счастливых, переживших этот этап:

— Вот пойдете ему зачет сдавать.

— Пойдём. Ну и что?

— А то. Ох и просеет же он вас! Его на факультете так и зовут — Решето.

Это была правда. Василия Ивановича Панкова звали на факультете Решетом. И, говорят, пошло это прозвище не от студентов, как чаще всего бывает, а от его, Василия Ивановича, коллег. Говорят, однажды на ученом совете кто-то из преподавателей бросил в лицо Василию Ивановичу запальчиво и резко:

— Вы — решето филфака!

— Но разве это так плохо? — чуть-чуть удивившись, но ничуть не возмущившись, говорят, спросил Василий Иванович.

— Так просевать, как просеиваете вы, — плохо!

Василий Иванович только пожал плечами, как бы в некоторой мере соглашаясь, что просевать так, как он, может, и действительно нехорошо, но как, извините, быть иначе? Иначе же невозможно...

Пророческие намеки старшекурсников, к сожалению, сбывались.

Принимать зачет Василий Иванович, как человек до чрезвычайности пунктуальный, начинал ровно в назначенное время — в восемь утра. А заканчивал в двенадцать. Бывало, что в два часа. Бывало, даже в три. Нет, не дня. Ночи, разумеется. И опять же потому (и тут нет никакого парадокса), что он был человеком до чрезвычайности пунктуальным. Ведь с чрезвычайной пунктуальностью одержимых всегда идут под руку чрезвычайная требовательность и чрезвычайная дотошность.

Василий Иванович приглашал в аудиторию первую пятерку студентов, просил положить на его стол все, что у них было с собой — сумки, конспекты, учебники, — просил садиться только за первые столы, на которых уже лежали чистые листы бумаги. Потом каждого поочередно просил записать вопрос.

— Готовьтесь. И, пожалуйста, не спешите. Все хорошенько обдумайте, взвесьте. Прошу вас...

Студенты обдумывали и взвешивали свои ответы, а Василий Иванович зорко, хотя и с простодушным видом, наблюдал за ними и одну за другой курил сигареты «прима».

Курить, убеждают нас медики, вредно. Можно нажить рак или какую-нибудь другую болезнь. Больным же вредно курить вдвойне, втройне... Василий Иванович Панков был болен. Он уже много лет страдал открытой формой туберкулеза, который состарил его раньше времени. Василию Ивановичу не было еще и шестидесяти, а выглядел он глубоким старцем, сухим и бледным.

Коллеги, жалея его, говорили:

— Василий Иванович, вам непременно надо лечь в больницу.

— Да, да, — соглашался Василий Иванович. — Нужно подлечиться. Обязательно. Только вот как быть с диалектологией? Лекции, контрольные работы заочников, зачеты, приближается зональная конференция языковедов, на которой запланировано мое выступление. А там уже ехать со студентами в экспедицию. Да и потом я же работаю над докторской диссертацией... А заметили вы совершенно справедливо. Подлечиться надо... Желательно бы. Но вот как быть с диалектологией?..

Уговаривать Василия Ивановича было все равно что вилами воду черпать, и его не уговаривали. Только советовали:

— Тогда уж берегите себя. Получше и вовремя кушайте. почаще гуляйте на свежем воздухе. И обязательно бросьте курить. Табак вас погубит. Бросьте немедленно.

— Да, да, — соглашался Василий Иванович. — Курить надо как можно меньше. Желательно вообще не курить. Вы верно заметили, — бросал в пепельницу догоревшую до самых пальцев сигарету и доставал новую. — Лучше, конечно, вообще...

— Вот и бросайте. Сейчас же, — говорили коллеги. Но знали, что сам Василий Иванович никогда не бросит, и отнимали у него — как правило, делали это женщины — сигареты и спички. Василий Иванович не протестовал.

Однако побуждаемые добрыми чувствами и намерениями коллеги, наизусть знавшие характер Василия Ивановича, упускали из виду, что когда человеку что-то запрещается, ему хочется запретного еще больше. Курить Василию Ивановичу хотелось еще нестерпимее. Он вкрадчиво просил сигаретку у преподавателей мужчин. Ему отказывали. Тогда просил у студентов. Студенты знали, что Василию Ивановичу курить нельзя, но знали, как хочется курить, когда закурить нечего, и давали ему сигарету с той же услужливостью, с какой, бывало, давал им он. Василий Иванович прятался под лестницей первого этажа и, озираясь как пятиклассник, жадно курил. Считая, что это его компроме-

тирует как преподавателя, коллеги переставали отнимать у него сигареты и спички...

Курить во время зачета для Василия Ивановича было все равно что дышать. Никаких других потребностей он не испытывал. Ему не хотелось ни есть, ни пить... Ничего ему не хотелось. Он курил и дышал. Курил и дышал... отравленным дымом воздухом. И внимательно, терпеливо — выслушивал ответы студентов. Перебивал только в тех случаях, если студент излагал мысли нечетко, сумбурно. Но такое бывало редко. Старшекурсникам все-таки удавалось ко времени зачета вдолбить в головы наивных первокурсников, что обаятельный диалектолог очень прилично решит, и все старались хорошенько подготовиться.

Когда студент умолкал, давая тем самым понять преподавателю, что он сказал все, что имел сказать, Василий Иванович произносил:

— Хорошо.

Произносил инертно, бесцветно и в любом случае. Даже если студент отвечал не хорошо, а в лучшем случае удовлетворительно, или напротив — не хорошо, а отлично, блестяще.

— Хорошо, — повторял диалектолог и просил: — Запишите-ка такой вопросик...

Эта просьба ничуть не зависела от того, как отвечал студент — неудовлетворительно, хорошо или отлично, — дополнительные вопросы, по характеру и объему равные основному, получали все без исключения. И в придачу то же благожелательное, заботливое наставление:

— Только, пожалуйста, не спешите. Все хорошенько обдумайте, взвесьте...

— И обращался к очередному студенту:

— Теперь послушаем вас. Вы готовы?..

Очередной отвечал, умолкал, Василий Иванович говорил «хорошо», просил записать дополнительный вопросик, наставлял: «Пожалуйста, не спешите. Все хорошенько обдумайте, взвесьте», — и призывал к ответу следующего. И таким образом три-четыре раза каждого. Каждый студент получал кроме основного три-четыре дополнительных вопроса, равных трем-четырем основным. А

в результате всего трем-четырем — чаще четверем — из пяти человек Василий Иванович говорил:

— Хорошо... Знаете, я прошу вас: подготовьтесь еще. И тогда приходите — побеседуем...

А пятому прежде чем расписаться в зачетной книжке, задавал свой последний неперенный вопрос:

— Скажите, вы с моей кандидатской диссертацией знакомы?

— Нет, — блекло отвечал пятый, обмирая от страха.

— Хорошо... Я вам ставлю «зачтено», но рекомендую настоятельно: познакомьтесь с моей кандидатской диссертацией. Она в читальном зале есть. Вы мне обещаете?

Ну скажите, кто чего не пообещает, когда преподаватель уже держит ручку, чтобы поставить зачет, но еще не поставил его?

— Конечно! Сегодня же! Сейчас же!..

— Хорошо... — и еще чуть поколебавшись, Василий Иванович писал в соответствующей графе зачетной книжки «зачтено» и ставил подпись. — А мою кандидатскую диссертацию посмотрите, пожалуйста...

— Конечно, — обещал студент, принимая из рук Василия Ивановича зачетную книжку. — Сегодня же...

Ну скажите, кто не позабудет об этом обещании в тот же миг, как выйдет в коридор и спрячет в карман зачетную книжку с заветным зачетом? Да нет таких! А если бы они были, то выглядели бы очень смешными. Вот если бы от выполнения данного обещания зависело получение зачета, тогда было бы другое дело...

А между прочим, в первое время, как только Василий Иванович Панков защитился и получил ученую степень кандидата филологических наук, так оно и было.

— Скажите, а с моей кандидатской диссертацией вы знакомы? — задавал Василий Иванович пятому из пяти свой последний неперенный вопрос.

— Нет, — обмирал от страха пятый.

— Хорошо, — говорил Василий Иванович. — Я вам рекомендую: ступайте, позна-

комьтесь с моей диссертацией и приходите. Мы с вами побеседуем...

Да, да. Так и было.

Студенты, известно, народ дошлый. Некоторые пятые шли на уловку и на последний вопрос диалектолога вместо «нет» бодро и уверенно отвечали «да».

— Хорошо — говорил Василий Иванович и сиял от удовольствия.

— И как вы ее находите? — и тут же задавал вопросы, на которые можно было ответить, только будучи знакомым с диссертацией.

Получались заминки, маленькие конфузы. Нужно ли говорить, что в конце таких неполучившихся бесед Василий Иванович рекомендовал:

— Ступайте, познакомьтесь с моей диссертацией и приходите...

Студенты спускались на первый этаж, в читальный зал. Некоторые же, главным образом заочники — люди бывалые, кое-что уже испытывшие и повидавшие на своем веку — напротив, поднимались на третий и резко открывали дверь кабинета декана, или «отца» — проректора по заочному обучению, или даже самого ректора...

На одном из ученых советов всеми уважаемому Василию Ивановичу Панкову настоятельно рекомендовали впредь не рекомендовать студентам знакомиться с его диссертацией и получение зачета по диалектологии не ставить в зависимость от этого знакомства. Василий Иванович не соглашался. Упорно стоя на своем, он убеждал коллег, что в его диссертации приводятся любопытнейшие для науки факты, не знать которых студентам просто нельзя. Его с таким же упорством убеждали, что он занимается саморекламой, а это не совсем тактично. Что же касается «любопытнейших фактов», то против них никто ничего не имеет, но в министерской программе его труд никак не фигурирует, и, значит, Василия Ивановича Панкова никто укорять не будет, если его студенты не будут знать «любопытнейших фактов» из его диссертации. Если же кто проявит к ним добровольный интерес, то, как говорится, дай бог. Но подчеркивали: интерес должен быть добровольным.

Василий Иванович на это возражал... Ему возражали... Он снова возражал... Ему опять же возражали...

Наконец, дебаты кончались компромиссом. Василию Ивановичу позволялось рекомендовать студентам знакомиться с его диссертацией, но зачеты ставить до этого знакомства. Коллеги сочли бесполезным вообще запрещать ему рекомендовать знакомиться с его диссертацией, потому что он все равно рекомендовал бы.

Далее на этом же ученом совете Василию Ивановичу рекомендовали заканчивать прием зачетов пораньше. Не ночью, а еще засветло. При его состоянии здоровья недопустимо уходить из института на рассвете. Да и вообще это не нормально...

— Но как! Как раньше?! — воскликнул Василий Иванович с присущим ему простодушием.

Коллеги указали Василию Ивановичу реальный путь: не требовать от студентов таких же знаний диалектологии, какими обладает он сам, кандидат филологических наук. Со студентов пока достаточно того, что предусмотрено программой. А чтобы выяснить, как они усвоили программный материал, достаточно побеседовать с каждым двадцать, от силы тридцать минут.

— Нет! Это невозможно! — воскликнул Василий Иванович.

— Это и возможно, и нужно, — возразили ему. — На филфаке большой отсев, и в основном из-за диалектологии.

— Но разве виноват в этом я? — наивно спросил Василий Иванович.

Эта наивность привела в раздражение одного коллегу, который и бросил запальчиво и резко:

— Вы виноваты! Вы решето филфака!..

На что, как мы уже знаем, Василий Иванович сказал чуть-чуть удивившись, но ничуть не возмущившись:

— Но разве это так плохо?

Ему ответили:

— Так просевать, как просеиваете вы, — плохо!

И привели цифры. Сухие, но очень красноречивые и убедительные, как все цифры.

Против них всегда трудно что-либо возразить, Василий Иванович возражать не стал, согласился. И вообще он на том ученом совете со многим согласился из того, что ему говорили коллеги.

Только вот мало что в нем переменялось. Да и как могло перемениться?

Природа человека такова, что если он чем-то страстно увлечен, то хочет, чтобы и все отдалось той же страсти. Ревнивый болельщик желал бы, чтобы все обезумели от хоккея и кричали: «Шайбу! Шайбу!». Филателист мечтает о времени, когда все будут бредить марками во сне и наяву. Поклоннику Солоухина грезится, что все сплошь читают только «Владимирские проселки» и «Третью охоту». Турист убеждает всех, что человек, не бывавший в походе, не может себя считать полноценным человеком... И так все увлеченные, влюбленные, одержимые. А коль так, то почему Василий Иванович Панков, одержимый диалектологией, преданный ей, как Тристан Изольде, должен был стать исключением и перестать хотеть, чтобы все студенты были преданы его науке так же, как он сам? Нет, он не мог перестать хотеть этого. Он любил свою науку.

А любовь — всегда подвиг. А подвиг достоин награды.

Заметив, что кто-то из студентов проявляет к диалектологии повышенный интерес и обладает способностями к этой науке, Василий Иванович радовался, его бледное болезненное лицо молодело.

У вас замечательное чувство языка! Это самое главное! — с пафосом говорил он студенту. — Я рекомендую вам заняться диалектологией всерьез. У вас получится! Непременно! Да! Не желаете ли вы летом поехать с нами в экспедицию?..

Ежегодно во время летних каникул группа одаренных студентов во главе с Василием Ивановичем отправлялась в экспедицию по описанию местных говоров Южной Сибири и привозила богатый материал, представляющий несомненный научный интерес. По этому материалу студенты готовили доклады к научным студенческим конференциям, доклады печатались в коллективных инсти-

тутских сборниках, а иногда статейки и короткие сообщения студентов публиковались в центральных научных журналах. Для некоторых питомцев Василия Ивановича диалектология становилась тоже делом всей их жизни.

Студенты-заочники в межсессионный период должны были выполнить контрольную работу. Министерские темы контрольных работ Василий Иванович отверг как несерьезные и, значит, никуда не годные и разрабатывал свое, уникальное по своей универсальности задание: «Описание местного говора». Чтобы выполнить это задание, студент-заочник волей-неволей должен был вначале проштудировать не больше, но и не меньше, чем весь курс вузовской диалектологии. А поскольку студент-заочник всегда может проштудировать меньше, чем курс, то с зачетом контрольных работ дело обстояло еще хуже, чем со сдачей самого зачета. На девять из десяти работ Василий Иванович писал уничтожающие рецензии, а одну зачитывал. И то с великой болью в сердце — до того они были примитивны и беспомощны. Но однажды...

Вот какую рецензию написал однажды Василий Иванович на контрольную работу одного заочника:

«Дорогой товарищ Семенов Г. А.!

Не могу сдержаться: я просто восхищен Вашей работой!

Произведенные Вами записи убеждают, что Вы обладаете отличным чувством языка, таким же отличным слухом и емкой памятью. Ошибок в пользовании транскрипцией я не заметил. Верно подмечены, за исключением, может, одного-двух сомнительных случаев, дифтонги. Разбор текста произведен в полном соответствии с заданием, с соблюдением всех правил и условий. Разбор этот убеждает, что с курсом русской диалектологии Вы освоились великолепно. Я счастлив за Вас! Хочется позжать Вашу руку и сказать Вам: «Молодец!» До встречи в институте.

В. Панков».

Настала летняя сессия, и они встретились. Заочник Семенов пришел со своей группой

сдавать зачет по диалектологии и волновался и переживал не меньше других. Когда он вошел в аудиторию и подал Василию Ивановичу рецензию (без положительной рецензии на контрольную работу заочники к сдаче зачета, как и положено, не допускались), Василий Иванович пробежал ее, лицо его озяло восторженной улыбкой.

— Так это вы?! Рад! Очень рад вас видеть! — встал и крепко пожал руку Семенова. — Отличная работа! Просто отличная!.. Кстати, ваши имя и отчество?

— Геннадий Александрович.

— Знаете, Геннадий Александрович, я думал о вас... Я рекомендую вам заняться диалектологией всерьез. У вас получится. Я в этом ничуть не сомневаюсь. Если желаете, то продолжим наш разговор позже. Завтра, если хотите.

Семенов сказал, что согласен встретиться завтра.

— Ну и отлично! А сейчас давайте вашу зачетную книжку. Я ставлю вам «зачтено», — Василий Иванович взял ручку, перо уже ткнулось, было, в графу, чтобы начертать «зачтено», как вдруг рука диалектолога дрогнула, перо приподнялось. Да, оно должно было приподняться, потому что его держал Василий Иванович Панков, который всегда и во всем оставался Василием Ивановичем Панковым. — Геннадий Александрович, я хочу вам предложить один небольшой вопросик...

И Василий Иванович задал Семенову вопрос и тут же получил на него исчерпывающий ответ.

— Хорошо, — сказал Василий Иванович. — И еще один, последний вопрос: вы смотрели мою кандидатскую диссертацию? Она в читальном зале есть.

— Я не смотрел ее, Василий Иванович. Я изучал ее.

Василий Иванович засиял, как первоклассник, получивший первую «пятерку».

— И как вы ее находите?

Семенов сказал, как он ее находит, и при этом привел несколько цитат из диссертации Панкова.

Василий Иванович смотрел на заочника

очарованным взглядом странника, увидевшего восьмое чудо света.

— Спасибо! Спасибо! — и голос Василия Ивановича дрогнул.

Вот она награда за подвиг, имя которому — любовь! Некоторое время Василий Иванович не мог от волнения вымолвить ни слова. Мало-помалу пришел в себя и сказал:

— А сейчас я работаю над докторской диссертацией. Работа продвигается хорошо. Я доволен. И вами очень доволен...

Василий Иванович с удовольствием поставил Семенову зачет, и на этом они расстались. А на другой день встретились вновь и долго беседовали как две родственные души.

Институт заочник Семенов окончил досрочно, за четыре года. Все науки он изучал с большим интересом, но сердце его уже принадлежало диалектологии. После сдачи государственных экзаменов его пригласили работать в институт ассистентом на кафедру русского языка. Приглашение он принял и сразу же взялся за работу над диссертацией, тему которой выбрал не без участия Василия Ивановича Панкова. А примерно через полгода Геннадий Александрович Семенов уже преподавал диалектологию. Вместо Василия Ивановича. С которым произошла трагедия.

Но вначале была драма.

Зачет. Экзамен. Чтобы сдать их, студент жертвует многим: сном, прогулками, развлечениями, разными удовольствиями, порой даже ленью. Это хороший студент. Другой студент, чтобы получить заветную «удочку» или зачет, идет на многое, на все идет: на грубость, чаще на лесть, на обман, на задабривание, на разные уловки. И у него часто получается. Но это плохой студент.

Хороших студентов Василий Иванович уважал. Плохих просто не замечал. Вот с ним-то у плохих студентов никогда не получалось. Хотя диалектолог встречался и беседовал с ними, как и со всеми, когда угодно и где угодно. Случалось, что и у себя дома. Домой к Василию Ивановичу плохой студент особенно любил заглянуть, рассчитывая по своей наивности и недалекости, что дома Василий Иванович уже не Василий Ивано-

вич и получить желаемое будет гораздо проще. Диалектолог, впуская плохого студента в свой кабинет, усаживал за стол и перво-наперво угощал сладким чаем с печеньем. Обязательно. Он хорошо помнил годы своего учёния в Томском университете и знал, что значит для студента сладкий чай. Да еще с печеньем. Попотчевав плохого студента, Василий Иванович на место стакана с блюдцем клал листки чистой бумаги, забирал у студента «все лишнее» и просил записать вопрос... Что и как было дальше, пожалуй, рассказывать нет смысла. Все было так, как если бы это было в институтской аудитории.

Везде и всюду Василий Иванович оставался самим собой. Он требовал от студентов — и хороших, и плохих — очень, как ему казалось, «все лишнее» — знаний, глубоких, прочных, безукоризненных. Больше ничего.

Однажды, закончив прием зачета в группе стационара, Василий Иванович, будучи человеком аккуратным, любящим везде и во всем порядок, стал убирать со столов бумаги и обнаружил среди них шпаргалку, написанную маленьким почерком на узкой полоске тетрадного листа. Машинально сунул руку в стол и извлек из него еще несколько точно таких же шпаргалок. Василий Иванович расстроился так, что его стало лихорадить. Кто-то обманул его. Возможно, один из тех семи студентов, кому он сегодня поставил зачеты. Ужас! Возможно, он поставил зачет студенту, который что-то списал и, значит, чего-то не знает! Что теперь делать? Ну, разумеется, прежде всего как можно быстрее уничтожить эту пакость — узкие полоски бумаги, исписанные мелким убористым почерком. Василий Иванович безразлично порвал шпаргалки на какие только мог мелкие кусочки и хотел выбросить их в мусорницу. Но передумал. Завернул в газету, положил в портфель и вышел из института. Взойдя на мост через небольшую речку, протекающую по городу, достал сверток, чтобы бросить его в воду. Но опять передумал. Спустился под мост и там сжег сверток. Дождавшись, когда он сгорел дотла, тщательно растоптал пепел, черную пыль спихнул ногой в реку. Когда убедился, что

течение подхватило ее, поднялся наверх и пошел домой. Было уже светло.

Несколько часов Василий Иванович провел в мучительных переживаниях. Ходил по своему кабинету и курил, курил... Едва дождавшись нового рабочего дня, отправился в институт. Зашел к заведующему кафедрой и заявил, что все студенты, кому он вчера поставил зачеты, будут сдавать диалектологию вновь.

— Кто-то из них... вы представить себе не можете... — в горле Василия Ивановича стал ком.

— Что? — встревожился завкафедрой.

— Кто-то пользовался шпаргалкой. Я обнаружил шпаргалки...

— Но, Василий Иванович, нельзя же из-за одного несчастного студента переэкзаменовывать всех.

— Я настаиваю.

— Я не позволю.

— Тогда я иду к декану.

С деканом у Василия Ивановича произошел точно такой же диалог, как и с заведующим кафедрой.

— Тогда я пойду к ректору.

Еще раз повторился тот же диалог в кабинете ректора. Идти больше некуда. И Василий Иванович сказал:

— Я буду писать в министерство...

— Министерство тоже не разрешит, — сказал ректор.

«Не разрешит», — мысленно согласился Василий Иванович.

Это был жестокий по своей силе удар.

В тот же день к вечеру Василий Иванович почувствовал себя плохо. Совсем плохо. Его стал душить кашель... Но нет, надо устоять. Ведь столько дел, которые некому перепоручить, нужно заканчивать докторскую диссертацию... Столько лет!.. Он только на миг представил себе, что не успеет, что ценнейший для науки материал... И испугался. И ему сделалось еще хуже... И еще страшней...

Через два месяца Василий Иванович Нанков умер в тубдиспансере. С последними страницами докторской диссертации на груди.

Светлана Мекшен

Последняя весна

Памяти поэта Сергея Орлова

Дышала тяжело крымская погода,
истерзанная лихорадкой гроз...
Но южная надменная природа
не принимала этого всерьез.
Сады цвели с какой-то силой страшной,
как будто на веку последний раз.
Тогда был болен мой товарищ старший,
себя скрывавший от досужих глаз.
Сирень к недолгой нежности взывала
в разнообразье милых пустыков,
к любви склоняла и в ладонь роняла
созвездие счастливых лепестков.
Но мой товарищ по другим приметам
своей судьбы секреты раскрывал,
вдыхал сирень... но лепестки при этом
губами обожженными сдувал.
Меж сонных сплетен, ценностей разменных,
под грамофонно-микрофонный бред,
он, скромный летописец дней военных,
все шел и шёл по насыпи тех лет,
где каждая коряга и колючка,
где и цветок добра, и корень зла,
и меж страниц блокнотных закорючка
деталью исторической была.
Там каждый неизвестный был известен,
заросший или стриженный под ноль.
Там не было ничейных слов у песен
и не могло там быть случайных пуль.
Все было в цель и смыслом обростало,
и дольше века длился малый миг,
когда броня родная прикипала
к живым — и становилась частью их.

И надо было умереть и выжить
не для того, чтоб местью множить месть,
но чтобы подтвердить (все силы выжать!):
прекрасна жизнь, пока живые есть!
Прекрасна жизнь, и вкус ее не горек,
когда б теперь у старых крымских скал
не нюхавший и пороха историк
о подвигах своих не вспоминал,
когда б не стал певцом торжеств парадных
тот, кто в большой грозе был безголос,
когда бы избежавший бед блокадных
себя в ее герои не занес.
Прекрасна жизнь, где все за всех в ответе —
на том он и стоял, товарищ мой.
А та весна в своем горячем цвете
была его последнею весной.

* * *

Твое ли, чужое участие —
рубить по себе, не любить.
Но нету смертельной несчастья,
несчастья отвергнутой быть.
И волос, и голос, и разум,
которым играешь, губя —
все будет зачеркнуто разом
тем, кто не заметил тебя.
Хоть в нищенском рубище жалком,
хоть в платье безумной цены —
ему что? Ни зябко, ни жарко.
Пройдет, будто мимо стены.
Хоть девой святой непорочной,
хоть грешницей стань, увлеку...
А он ни всерьез, ни нарочно
тебе не протянет руки.
Да что ж это,
что в самом деле?
Не любит. Смирись. И прости.
Все силы твои — на пределе.
Все слезы иссякли почти.
А жизнь переменится круто.
Обида до свадьбы пройдет.
Тебя, что отвергнута будто,
он сам нерешительно ждет.

НОВОКУЗНЕЦК — ЛИПЕЦК

* * *

Когда надежна тишина,
друзья вблизи, враги незримы,
увы, не наша в том вина,
что мы по-прежнему ранимы.

Нет-нет а за сердце щипнет
слушок, что вроде бы невольно
тебе таинственно шепнет
доброжелатель сердобольный.

А там и письмецо найдешь,
где правдолюбец, весь в досаде,
расскажет, чем ты нехорош,
из собственных пороков глядя.

Полусмешок, полукивок,
полунамеки... И все.
И все же —
а что там дальше, между строк?
Подумаешь — мороз по коже.

И мой приятель-ветеран
сегодня скажет чуть устало:
— Мы не умрем от этих ран,
но их осилить — жизни мало!

Первая публикация

Евгений Богданов

РАССКАЗЫ

ДЕНЬ ОБЕЩАЕТ БЫТЬ ХОРОШИМ

Большие твердые руки обхватили голову, подняли ее с подушки, и Янис проснулся. Окошки в доме были темными, но тот, кто склонился над его кроватью, не был матерью, — ее-то он узнал бы и не открывая глаз, по запаху парного молока, которым пахли ее полные руки, по глубокому дыханию и еще бог знает по чему, — но узнал бы. Мать держала в одной руке белую длинную свечку, а другая ее рука лежала на плече того, кто шершавыми пальцами гладил спутанные волосы мальчика. Янис еще поморгал спроронок и вдруг выкинул из-под одеяла худенькие руки, вцепился в склонившегося над ним человека:

— Папка, папка пришел!

У отца были бородатые щеки, и пахло от него лесом, травой, землей и еще чем-то дымным, чего Янис пока не мог разобрать. Запах этот шел от рук, от бороды, от френча, и Янис с наслаждением вдыхал этот тревожный, незнакомый запах.

— Ты насовсем пришел, папка?

Свеча в руке матери качнулась. Марта всхлипнула, опустила голову, и Янис рассердился на нее:

— Ты чего, мам? Ведь папка с войны пришел!

Марта вытерла пальцами глаза и погладила Яниса по голове.

— Это я так, от радости. А ты поспи еще, сынок, поспи. Иди, Арвид, я уложу ребенка.

Она отдала мужу свечку и уложила Яниса в кровать. Сама присела рядом и опять погладила его. Мальчик даже удивился: чего это она сегодня беспрестанно его гладит?

— Спи, Янис, а то папка рассердится и опять уйдет от нас на войну.

— А утро скоро будет?

— Скоро. Ты только поспи, и сразу будет утро.

— А ты не обманываешь меня?

— Ну, что ты, Янис?

Янис поспешно закрыл глаза и стал просить у боженьки, чтобы тот послал ему скоро утро.

Однако сколько ни хлопал мальчик глазами, утро не наступало, и тогда он решил перехитрить старого бога. Он повернулся на бок, закрыл один глаз, а другим стал поджидать утро сам.

Мать и отец сидели на кухне. Мать кутала плечи в старомодную шаль с желтой бахромой, отец громко чавкал, а когда пил молоко прямо из кринки, то было видно, как ходил кадык под на-

тянувшейся кожей, а белые капли скачивались на бороду, и мать полотенцем вытирала их, потом терла себе глаза, и Янис так и не мог понять, отчего это мать плачет, когда надо радоваться.

— Хватит нить, Марта, — наевшись, сказал отец, вытащил темный мешочек с табаком и свернул самокрутку. Едкий дым пополз по комнате, но Янису этот запах понравился, и, втягивая его носом, он чувствовал себя большим и сильным, таким, как отец.

— Марта, что слышно? — донесся до Яниса шепот.

— Ищут тебя, — всхлинула мать. — Сюда приходили... Может, сам... Может, простят... А, Арвид?

— Да нет уж, не простят, — усмехнулся отец.

— Так куда же ты теперь?

— Пока здесь. Надо выждать время. Скирда на прежнем месте заметана?

Отец задул свечу, стало совсем темно, и тут старый бог вспомнил про маленького Яниса и закрыл ему второй глаз.

Снился Янису бог, поразительно похожий на того, который был нарисован на желтой пластинке и которого по вечерам о чем-то долго просила мать: только был этот бог бородатым, как и отец, он куда-то вел Яниса сначала через хутор, потом через лес с высокими соснами, куда они однажды ездили с отцом за дровами, потом мимо дома дядюшки Мартинса, мимо озера с белыми цветами на воде, все дальше и дальше в какие-то незнакомые Янису места.

— Когда мы придем? — спрашивал Янис бога.

Бог сердито хмыкал и ничего не отвечал. А потом вдруг внезапно исчез куда-то...

Ставни в доме были открыты, и солнечный зайчик примостился на подушке, прямо перед носом мальчика.

Янис потер кулачком глаза и огляделся.

Мать в новом платье цедила на кухне

молоко, топилась печка, пахло жареным. Утро пришло.

— Мама, а где папка? — соскочив с кровати, закричал Янис.

Мать поставила кринки в подполье, присела напротив Яниса, опять погладила его своей пахнувшей молоком ладошкой и, отворачиваясь от распахнутых глаз мальчика, сказала:

— Папа ушел в гости к дядюшке Мартинсу. Только ты никому не говори, а то папа рассердится и не придет к нам больше.

— А дядюшка Мартинс тоже придет к нам в гости?

— Обязательно придет. Ты помнишь его?

— Конечно, помню. Он еще худой такой и все время курит трубку. А он сделает мне свистульку?

— Обязательно сделает. Ведь он любит тебя. Только ты никому ничего не говори, Янис.

— Это будет моя военная тайна, ладно, мам?

— Ладно, — довольно сказала мать.

— А когда они придут, мам?

— Вечером. Ведь туда долгая дорога. Помнишь, как с папой, еще до войны, вы ездили туда?

— Я там еще в озере купался.

— Ну, ладно, иди ешь, а то ты у меня совсем худющий.

Пока они разговаривали, мать то гладила Яниса, то поправляла кровать, а сама все глядела куда-то в сторону, и Янис никак не мог понять, почему это мать не такая, как всегда. Но думать он долго не мог и пошел есть.

Янис проглотил лепешку, выпил кружку молока и выбежал во двор. Погода стояла отличная — вот уже неделю не было дождей. На дорожке было полно листьев, и они перекатывались с сухим шелестом. Старый пес Тэк валялся на солнышке, но, увидев хозяина, приподнял голову и дружелюбно шевельнул кончиком хвоста.

— Тэк, к ноге, — крикнул Янис.

Пес нехотя поднялся и подошёл.

— Служить! — опять закричал Янис.

Тэк помотал головой и приподнял лапу.

— То-то, — довольный, погрозил ему Янис и полез под крыльцо. Там был его боевой склад — сабля и два автомата: один с диском, другой, немецкий, с рожком. В зависимости от того, кем он был, тот автомат и приходилось брать. Сегодня по очереди врагом быть выпадало ему и поэтому Янис вытащил немецкий «шмайссер». Оружие, правда, было деревянным, но Яниса это мало смущало: когда вырастет большим, у него будет настоящий автомат или уж, в крайнем случае, пистолет.

— Тэк, за мной! — проверив наличие вооружения, скомандовал псу Янис и побежал к дому своего дружка Луциса, который был сегодня русским разведчиком. Пес, гавкая, прыгал сзади. Своим гавканьем он и выдал Яниса.

— Та-та-та, — застрочил из-за скирды автомат Луциса.

Янис ничком повалился в желтую колючую траву и сразу же закричал:

— Ранен, ранен!

— Куда? — откликнулся Луцис.

— В ногу.

— В какую?

— В левую.

— Ладно, но теперь ты можешь только ползать.

Янис полежал в траве и, обдирая локти, но соблюдая все правила предосторожности, пополз в обход скирды. Псу он приказал лежать на месте, чтобы тот вторично его не выдал. Однако Луцис перехитрил его и на этот раз. Он забрался на крышу сарая и сверху расстрелял Яниса. И тому ничего не оставалось, как картинно раскинуть руки и ноги по желтой сухой траве. Потом мальчики уселись на бревна, однако оружия из рук не выпускали.

— Ладно, на этот раз твоя взяла. —

нехотя согласился Янис, — но завтра не жди от меня пощады.

— Это еще посмотрим, — загадочно ухмыльнулся Луцис.

— А что? — насторожился Янис.

— Мне папка обещал кобуру подарить!

— Настоящую?

— Настоящую!

Янис с завистью поглядел на дружка и, сплюнув сквозь зубы, сказал:

— Подумаешь, кобура. Если я попрошу, мне папка настоящий пистолет подарит.

— Так твой же отец пропал где-то?

— А он сегодня ночью нашелся. Знаешь, какая у него борода?

— Пойдем, посмотрим!

— Его сейчас нет. Он только вечером придет.

— А где он сейчас?

— Тайна, — гордо ответил Янис.

— Настоящая?

— Настоящая!

Теперь завидовал Луцис.

Мальчики еще посидели, поспорили, на что походят облака, которые плавали по бледному небу и были похожи то на цветы в озере за домом дядюшки Мартинса, то на чудовищ с рогами и без ног; потом на крыльцо вышла мать Луциса и позвала его обедать. Янис тоже поплелся домой. Он без аппетита поел картошки и хотел было снова отправиться к Луцису продолжать войну, но мать ему не разрешила, и он, усевшись на крылечке, стал ждать, когда закатится солнце и придет вечер.

Но солнце на этот раз катилось по небу очень медленно, особенно долго висело оно над красной крышей дома Райнисов, и лишь когда мать Луциса затопила печку и из трубы повалил дым, солнце нехотя спустилось вниз. Но вечер пришел, а отца с дядюшкой Мартинсом все не было. Мать подоила корову, заставила Яниса выпить кружку парного молока и, вздохнув, велела ему ложиться спать.

— А когда же папка придет, мам?

— Скоро, сынок. Дорога-то долгая, да, видно, не может наговориться с дядюшкой Мартинсом. Ты усни, а как он придет, я тебя обязательно разбуджу.

— А ты не обманешь?

— Я тебя разве когда-нибудь обманывала? А если ты не будешь слушаться — папка совсем не придет.

Янис поворочался, повздыхал, но все же закрыл глаза, и опять ему приснился бородатый бог. Он посадил Яниса на колени и стал щекотать своей бородой.

— Папка, ты пришел?

— Раз обещал, вот и пришел.

— А где дядюшка Мартинс?

— Дядюшка Мартинс? Он придет в следующий раз. А пока он велел передать тебе вот это.

Отец разжимает ладонь, а там — деревянная свистулька. Янису тут же хочется попробовать, как она свистит, но отец не разрешает. «Завтра, завтра попробуешь», — говорит он.

— А ты завтра никуда не уйдешь?

Отец ничего не отвечает и, как тогда, сжимает его голову своими твердыми, большими руками.

— Пап, Луцису отец кобуру обещал подарить. А ты мне что подаришь?

— А что ты хочешь?

— Подари мне настоящий пистолет. Тогда я всегда буду Луциса побеждать.

— Ладно, Янис, завтра я пойду и поищу тебе настоящий пистолет. А вечером вернусь. Договорились?

— Договорились, — соглашается Янис.

— Только пусть это будет нашей военной тайной!

— Клянусь! — и Янис хлопает себя кулачком в грудь. Отец закрывает Яниса одеялом и уходит на кухню. Марта молча ставит на стол молоко, хлеб, картошку и даже яичницу, смотрит, как жадно ест Арвид, как белые капли катятся по бороде, и она полотенцем вытирает ему бороду и тоскливо заглядывает в глаза:

— Может, простят, Арвид?

— Нет, — качает тот головой.

Ее полные плечи начинают вздрагивать, и она подносит к глазам полотенце. Потом они задувают свечу, и тут про Яниса вспоминает его бог и берет его за руку.

Просыпаясь, Янис не видит рядом с собой солнечного зайчика. Может, еще не утро? Но в доме уже все видно, и кто-то настойчиво стучит в дверь.

— Мама, это же папка пришел! — догадывается Янис и бежит открывать дверь.

— Янис, сейчас же иди спать, — успевает крикнуть мать, но мальчик уже скинул крючок, он уже тянет руки, но дверь распахивается, и в нее, держа перед собой настоящий автомат, заходит сначала дядя Улкис, отец Луциса, а за ним еще несколько солдат. Они, прижимаясь к стенам, оглядывают комнаты, а отец Луциса тем временем говорит:

— Здравствуй, Марта. Знаешь, зачем пришли?

Марта, успевшая накинуть на плечи шаль, молчит, только плетут да расплетают ее пальцы косички из желтой бахромы.

— Ну, ладно, — говорит тогда дядя Улкис. — Я ведь знаю, где сейчас Арвид. Скажи, пусть добровольно сдастся. Может, он тебя послушает.

Марта молчит, только тревожно смотрит то в окошко, за которым едва начинается утро, то на Улкиса, то на солдат у двери, то на Яниса, который дергает ее за рукав рубашки и, всхлипывая, шепчет:

— Мама, а где папа?

— Слушай, Марта, — опять говорит Улкис, — Арвид под скирдой. Еще вечером я сам видел, как он выходил оттуда. Если он оттуда выйдет сам, тогда... — Улкис пожимает плечами...

— А его простят, если он выйдет? — наконец, открывает рот Марта.

— Этого я не могу тебе обещать.

Они тебе могут рассказать, — кивает Улкис в сторону солдат, — сколько на его руках крови. Им и судить. Но если сам сдастся, то хоть какая-то надежда будет, — понижает голос отец Луциса.

— Я попробую, — торопливо кивает Марта и, схватив Яниса, тащит его на кровать: — Сейчас же спи.

Потом выходит вслед за солдатами во двор. Прохладно, сыро, но небо чистое, и день обещает быть хорошим. Напротив скирды прижались к земле несколько солдат. Марта, в белой плотной рубаше, проходит меж ними, подходит к скирде, где лаз, и громко шепчет:

— Арвид, родной, пожалей Яниса, меня пожалей, может, простят, я тебя до самой смерти ждать буду.

— Нет, Марта, конец один. Отойди!

— Арвид!

— Уйди, говорю! — кричит из-под скирды Арвид и посылает очередь в метре от ее ног. Марта хватается за голову и убегает за угол риги.

Прижавшиеся к земле солдаты стреляют в скирду, их автоматы стучат, как швейные машинки, но едва они замолкают, как из скирды раздается ответная очередь.

— Придется поджигать, иначе его не достанешь, он там в яме, — говорит молоденький командир, у которого белые, еще не успевшие огрубеть руки.

— Тогда загорятся и дом, и постройки, а жена его и ребенок здесь ни при чем, — отвечает Улкис.

— А как же быть?

Улкис думает и лезет на крышу.

— Арвид, последний раз говорят тебе, сдавайся!

— На, собака, получай, — кричит снизу Арвид и стреляет на голос.

Улкис морщится — по левому предплечью расплзается темное пятно, по-

том прицеливается и посылает сверху, в середину скирды длинную очередь.

Раздается крик, и потом все — тишина.

Улкис слезает с крыши и, зажимая ладонью рану, идет к скирде.

Тишина.

И тогда долго и протяжно кричит Марта. Она выбегает и падает на сырую траву. Двое солдат подхватывают ее и уводят в дом.

— Гончаренко, Рехтин, — говорит командир отряда, — достаньте его.

Маленький верткий Гончаренко и молоденький, совсем еще мальчишка, по фамилии Рехтин, лезут под скирду, копошатся там, ругаются и, выползая ногами вперед, вытаскивают убитого. Он весь в крови, в трухе, солдаты измазались, Рехтин вдруг кидается в сторону, блюет, и Гончаренко, махнув рукой, оставляет труп прямо у скирды.

— Гончаренко, — опять говорит командир отряда, — пойдешь с Улкисом и приедешь сюда на телеге.

Гончаренко козыряет, и они с Улкисом уходят.

Все же вырвавшись из рук рыжеусого, Янис выбегает во двор, бежит к отцу, пытается приподнять вдруг ставшую тяжелой голову с белым окаменевшим лицом. Странно, от отца почему-то не пахнет ни лесом, ни травой, ни дымом.

— Папка, папка, ну, чего ты, папка! — захлебывается Янис.

— Кондратьев, — тонко кричит командир с белыми руками, — забери мальчишку!

Рыжеусый старый солдат Кондратьев отрывает Яниса от отца и уносит в дом.

Всходит солнце. На подушку падает желтый зайчик, которому нет дела до того, что творится в этом мире.

БЕЛЫЙ КОЛОКОЛ

Вечером приехал сын. Мать была дома: только присела отдохнуть, положив на колени отяжелевшие за день руки, и вдруг услышала за спиной дыхание — оно не было дыханием мужа, но оно было таким знакомым ей:

— Господи, Гриша!

Гриша, до невозможности исхудавший, сконфуженно улыбался и вдруг, подхватив мать под вялые подмышки, посадил на тумбочку.

— Здорово были, мам.

Матери неловко было сидеть на тумбочке, она собралась, было прикрикнуть на сына, но радость уже раздвинула губы и теперь подбиралась к глазам.

Гриша снял мать и шагнул к двери:

— Динка, заходи!

На пороге появилась длинноногая девушка в таком коротком платье, что мать невольно вздохнула: это девочке можно простить, голые ноги, но перед ней была женщина, и мать это сразу поняла, поняла не столько по зрелому телу, сколько по обволакивающему взгляду ее зеленых глаз и еще по чему-то такому, чего она и не смогла бы объяснить.

Гриша, бегая глазами, встал между ними:

— Вот, значит, это Дина, а это моя мама, Надежда Васильевна.

— Что уж там по отчеству-то? Зови, дочка, тетей Надей.

— Мам, а где папка?

— На работе еще. Господи, да что же это я? Вы ведь поди, голодные.

Она побежала в огород, нарвала помидоров, сняла с гряды две небольшие дыни, потом кинулась копать картошку, и все ей казалось, что делает она это слишком медленно, что сынок ее с девочкой сидят голодные, и, бросив резать помидоры, она полезла в подполье, достала банку клубничного варенья, кринку с молоком.

— Вот, перекусите пока, а я сейчас картошечку вам молоденькую... Молочко вот... Не свое, правда: Жданка у нас стельная, у Клавды берем, но тоже ничего, хорошее.

Гриша допил молоко, лениво потянулся длинным мосластым телом.

— Ну, как тут живете-можете без меня?

— Да хвалиться нечем, сынок, — но, вспомнив о Дине, мать осеклась, — живем помаленьку. Ты про себя лучше расскажи.

— У нас все в порядке. Обеспечили рыбой страну до конца пятилетки. Ты в магазине тихоокеанскую селедку видела?

— Выбрасывают иногда.

— Так вот, я, может, именно ее в руках держал, которую ты покупала. Здорово?

— Сюда-то надолго?

— Два месяца — гуляй не хочу!

— Дома будешь или как? — осторожно спросила мать, искоса взглянув на девушку.

— Везде, мам. Здесь отдохнем, потом к Динке съездим, а потом — потом куда-нибудь махнем.

— Это куда еще?

— Да хоть куда — хоть на Черное море, хоть на Белое.

— Ох, господи, да ведь все деньги расфугуешь!

— А чего их жалеть? Вы вот все берегли, а толку. Дальше деревни и не были нигде.

— Отец на курорт ездил.

— В соседнюю деревню? Нашли курорт! Ну, а ты где была?

Мать промолчала.

— А мы везде побываем, — беззаботно продолжал Гриша.

— Я слышала, Ленинград очень красивый город, — сказала вдруг мать и, вытерев руки о передник, долгим взглядом посмотрела в окно.

Шипела на сковородке молодая картошка, гудел в печке огонь, через открытую дверь летней кухни было видно, как тень от крыши надвое разделила чистый деревянный тротуарчик, упирающийся в калитку, и как белая курица топталась на нем, пытаясь что-то выключить из щели.

Пришел отец, усталый, будто мукой, обсыпанный дорожной пылью.

Гриша вышел ему навстречу, важно протянул руки:

— Здорово были.

— Здорово, летун, — заметив девушку, отец улыбнулся, обнажая почерневшие у корней зубы, и пошел умываться. Умывшись, сходил в дом, догадался надеть свежую рубашку, брюки и поманил жену:

— Сбегай-ка в магазин.

— Не видишь — у меня ужин.

Отец заглянул в кухню:

— Гриша, не забыл еще, где магазин?

Гриша как-то хитро улыбнулся:

Это мы мигом, — и, схватив Динку за руку, убежал с ней в дом.

Вернулись они, пряча за спиной руки.

— Попрошу внимания, — стягивая расплывающиеся в улыбке губы, торжественно объявил Гриша и, выждав, выткнул вперед обе руки.

— Подарок от рыболовецкого флота — брест, как гладит, — фирма, короче. А это КВВК — коньяк выдержанный высшего качества.

Передав отцу подарки, Гриша толкнул в бок Дину и крикнул:

— Мам, зажмурься!

Мать, неловко улынувшись, пожала плечами, но зажмурилась. И когда на ладошки лег продолговатый легкий сверток, она подумала, что это платок. Гриша раньше всегда дарил ей платки. Она их не носила, складывала стопкой в шкафчик, и когда эти два года сына не было дома, она перебирала платки и вспоминала, вспоминала.

— Все, можешь открывать, — нетерпеливо закричал сын.

В мягком прозрачном мешочке лежало что-то белое-белое. Она осторожно вытащила это что-то и развернула. Тонкая и похожая на дым ткань, падая, прикоснулась к локтям и так замерла, поблескивая мягко и тихо.

— Что это? — растерянная, повернулась мать к сыну.

— Пеньюар, — ответила за Гришу Дина и пояснила, — ну, вроде как ночная рубашка.

— И сколько такая?

— Сто.

— Сколько?

— Сто рублей, — радостно улыбаясь, подтвердил сын.

— Ох, господи, да зачем это такие деньги-то? Сроду этих пеньюаров не носила. Это же надо додуматься — сто рублей!

Мать сокрушалась, бранила сына, но в душе была рада дорогому и непонятному ей подарку. Так рада, что если бы не Дина и не муж, который, глядя на нее, кривил губы, она бы даже заплакала. И тихонько проплакала бы так долго-долго.

— Ну спасибо, сын, за подарки, — сдержанно сказал отец, — правда, нам, старикам, такие дорогие бы ни к чему, ну да, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. Айда ужинать.

Пужинали. Дина что-то шепнула Грише на ухо, тот вышел с ней и тут же вернулся.

— Туалет где, показал, — объявил он весело.

— Кто такая? — спросил отец.

— Динка? Работаем вместе на судне.

— Я спрашиваю, тебе она кем будет?

— Ты в смысле женитьбы? Мы пока решили подождать с этим грешным делом.

— Гляди, доиграетесь!

— Ну, что ты, мам, маленькие мы, что ли?

— Откуда она?
— С Алтая, соседи, считай.
— Дал бог соседочку.
— Зря ты на нее косишься, мам, — хорошая девчонка.

— А я разве чего говорю?
— Я же вижу.
— Денег-то сколь заработал? — неожиданно спросил отец.

— На двоих шесть тысяченок.
— Ты, сынок, чужие не считай, — качнула головой мать.

— На книжку положил? — не отставал отец.

— Успеется — погуляем сначала.
— Бестолочь, — сказал отец сердито, даже зло, — положи на книжку, чем транжирить. Деньги всегда пригодятся. Женишься вот — куда без денег?

— А съездишь, сынок, в другой раз. Жизнь у тебя долгая — успеешь еще, наездишься. Послушай мать.

Гриша тоскливо посмотрел в темное окошко. Услышав, что возвращается Дина, вышел ей навстречу.

Отец, упершись руками в колени, сузил губы:

— Вот вырастили оболтуса. Ну, я с ним еще поговорю.

Мать взялась за посуду, но зашла Дина и отняла тряпку.

— Идите, отдыхайте, тетя Надя, я помою.

Мать вытерла о подол фартука руки и пошла стелить постели. Прежде она отозвала сына в сторону и, смущаясь, грубовато спросила:

— Вам как стелить-то, по отдельности или ... как?

— Вместе, мам, чего уж там, — хотнул сын.

Они с мужем уже несколько лет спали раздельно, и только когда приезжали редкие гости, мать ложилась с ним, но и тогда старалась лечь попозже, когда он уже спал. По ночам муж часто просыпался и курил, а она терпеть не могла табачного запаха, но молчала, потому что уже устала ругаться.

Мать взбила подушки, присела. Ей хотелось посидеть просто так, ни о чем не думая, но то беспокойное, что привез с собой сын, ворочалось в ее душе, и мать, незаметно для себя улыбаясь, грустно и протяжно вздыхала.

Зашла Дина. Мать пересела с кровати на сундучок. Дина сняла платье, вытащила из сумки щетку-массажку и стала расчесывать волосы. Мать глядела на ее округлый тугой живот, на длинные и тоже тугие ноги, и ей опять стало грустно.

— Мужики-то где? — сглотнув слюну, спросила она.

— На крылечке сидят, разговаривают. Дина расчесала волосы, села на кровать.

— Теть Надя, а вы пеньюар еще не мерили?

— Что ты, дочка, конечно, спасибо вам, да только куда мне теперь эти пеньюары носить.

— Нет, вы померяйте, — воодушевилась Дина, — знаете, как красиво. Это мой Гриша посоветовал купить.

Слово «мой» ревниво кольнуло мать, но Дина, не давая ей опомниться; уже уговаривала ее и даже тихонько подталкивала в плечо легкими пальцами.

Мать достала спрятанный в шкаф сверток и нерешительно сняла платье. Ей было отчего-то неудобно перед девушкой, стыдно за свое старое, дряблое тело, за выгоревшие цветастые трусики и лифчик, и она торопливо, путаясь, стала надевать пеньюар.

— Вот и все, — сказала, наконец, Дина и отошла в сторону.

Легонькая прохладная ткань непривычно ласково окружила тело.

— Здорово! — Дина стала обходить мать кругом. А матери опять вдруг стало стыдно и неловко, что ее разглядывают, она стала снимать пеньюар, но Дина не дала, сбегала в залу, принесла большое зеркало.

— Теть Надя, вы хоть посмотрите, как хорошо-то!

Мать краем глаза взглянула в зеркало и ойкнула: уж больно белой и красивой была рубашка, такой красивой и белой, что мать не узнала себя в ней.

— Ну как? — нетерпеливо улыбнулась Дина.

Мать тоже улыбнулась неловкой, стеснительной улыбкой и присела.

— Так и спать ложитесь.

— Да что ты! — мать взмахнула рукой, и улыбка ее погасла, — куда мне...

Но Дина принялась настойчиво уговаривать, легкими пальчиками мешая матери раздеваться, мелькая тугим загорелым телом, улыбаясь полными малиновыми губами. И уговорила. Еще проводила ее до спальни, и не отступилась, пока та не легла. Сама присела на краешек кровати.

— А мне Гриша о вас рассказывал.

— Что он еще там рассказывал? — настороженно пошевелилась мать.

Но тут в сенях закрипела дверь, и Дина, мелькнув узкой, продолговатой спиной, убежала.

Муж пришел злой — видно, не поладили они с Гришкой. Мать догадалась об этом по тому, как он, суетливо и шепотом матерясь, раздевался и пожалела, что послушалась эту настырную Гришкину подругу.

— И ты тоже туда — дура старая.

И не стала ничего возражать. Она только хотела, чтобы он больше ничего не говорил и поскорее уснул.

Вверху, в углу, над ее головой была проделана в стене квадратная небольшая дыра, чтобы теплый воздух проходил из кухни через эту спальню на прямую. Гришка, видно, забыл про дыру, потому что мать вдруг услышала бесстыдный его шепоток:

— А почему не раздеваешься?

— Мы ведь в гостях, Гриша, неудобно...

— В каких это еще гостях? Дома мы... Ну, Дин...

— Перестань, я кому говорю?

— Я же тебя люблю, ведьма.

— Опять обзываешься?

— Я же любя.

— Все равно. Будешь целовать меня за это сто раз.

Мать услышала, как они там тихонько засмеялись и зашептались. Рядом тяжело повернулся муж, уперся острым локтем в бок.

«Сто раз» — вдруг пришла на ум матери эта цифра — неужто и вправду будет сто раз целовать? А этот как только не называл, а хоть раз поцеловал, когда обижал?! Он вообще-то за всю жизнь столько раз не целовал. Даже когда в девках ходила.

Мать повернулась на бок, зажмурилась и стала вспоминать себя в девках.

Шла из райцентра — ходила туда за материей, — а он на машине ехал, остановился. Потом через день, может, через два, но скоро после этого, сам приехал. Повез кататься. Вот тогда целовал. На свадьбе еще целовались. После — тоже, но уже редко-редко. А последние годы и не помнит, разве когда пьяный придет, так хуже пытки его целованья.

Четверть века прошло, как они живут вместе, а что вспомнить? Редкий день пройдет, чтобы не поругались. Сколько она слез выплакала, — наверное, целое ведро будет. И так вот жили, жили... Никогда слова ласкового не скажет, не поговорит по-человечески... Сначала она горько плакала от обиды, когда он минуту спустя после близости начинал храпеть, а потом свыклась и подчинялась ему, уже не испытывая от этого ни радости, ни обиды. Утрами она просыпалась рано, кормила скотину, доила корову, готовила завтрак, потом шла на ферму и там опять кормила и доила, вечером все повторялось. А еще был огород, и еще надо было стирать, гладить и воспитывать сына, И так всю жизнь, как белка в колесе — одно и то же. Да, считай, уже всю — сколько ее там осталось-то? А что вспомнить? Мать пыталась вспом-

нить хоть один день, в который ей было светло и радостно, и не могла вспомнить такого дня. И тогда что-то медленными толчками заворачалось в ее душе, заняло, и ей не стало хватать воздуха. Она несколько раз глубоко вздохнула, однако легче все равно не стало. Мать откинула одеяло, сдавила правой грудь.

— Господи, милостивый, да за что же ты мне дал такую жизнь?

Ей захотелось заплакать. Когда приходилось трудно, она всегда плакала, и это помогало. Но теперь слез отчего-то не было, как она ни моргала и ни сглатывала слюну — только заломило под надбровьями. И тогда ей стало так одиноко и страшно, что она, пересилив себя, схватила мужа за плечо:

— Митя, Митя, проснись.

Муж проснулся, поднял голову.

— Что, отелилась?

— Кто отелилась? — не поняла она.

— Корова, кто, не ты же.

— Ей на этой неделе еще рано, — машинально ответила она. — Да я не про это!

— Что еще? — муж сунул руку в карман брюк, которые висели на спинке кровати, вытащил папиросу.

— Что-то у меня в душе неладно, нехорошо как-то.

— Валидолу выпей: маленькая, что ли?

— Да валидол тут ни к чему.

— Ну что-нибудь другое выпей.

— Да это не от болезни — в душе у меня будто что-то качается.

— Приснилось, что ли? — муж глубоко затынулся, огонек на короткое время высветил сморщенную кожу у носа и ближе к глазам. И она пожалела, что разбудила его.

Муж, перегнувшись через спинку, даванул в пепельнице окурок, молча бухнулся и тут же захрапел. До конца не потушенная папироса противно чадила, мать встала, пошла на кухню,

вывалила все из пепельницы в ведро и, зачерпнув ковшиком из бочки, долго пила теплую воду.

Легла. И тут до нее дошло, что сыно с девчонкой тоже слышали, как она тут с мужем разговаривала. Гришка — ладно, но ей-то не надо бы это слышать. Хорошая вроде девчонка-то. Как же это она позабыла? Мать досадливо вздохнула. Не спалось. Чудились какие-то шорохи. Подумала, что надо будет с утра завести тесто, пострепать сыну шапочки, он их любит. Сколько они погостят у них? Потом матери вдруг ни с того ни с сего вспомнился веселый паренек Мишка, с которым она познакомилась года через три после свадьбы, когда лежала в больнице с желудком. Мишка был ласковым. И слова ласковые говорил. Когда он вечером однажды только взял ее за руку, ей было приятно, хоть она от него и убежала.

«Господи, придет же в голову!» — застыдилась мать этих воспоминаний и стала думать о том, что надо будет завтра послотить помидоры — может, Гриша еще дождетсЯ соленьких?

«А зря убежала-то...» — опять прысочила на ум шальная мысль.

«Господи, да что же это сегодня!» — мать тряхнула головой, повернулась на бок и крепко зажмурила глаза. Больше всего ей хотелось уснуть сейчас, провалиться в сон от измучивших ее дум. До утра, когда надо будет заводить тесто, поить скотину, бежать на работу, когда не будет времени ни на день вчерашний, ни на день завтрашний, будет только день сегодняшний, который закрутится, как беличье колесо... Колесо... И оно будет крутиться пока есть силы, пока есть жизнь.

...Она уснула, когда уже засветлели окна. Приснился ей отчего-то колокол, белый такой колокол на крыше их дома, и она, неведомо как удерживаясь на остром коньке, пробует раскатать его язык.

Михаил Небогатов

ПЕЙЗАЖИ

Из «Летнего цикла»

* * *

Что-то спать этой ночью не хочется
В тихом доме, как будто пустом.
Синим дымом плывет одиночество
По-над белым бумажным листом.
Тишина. И за дверью балконною —
Только звездный далекий пунктир...
Строчки полнятся грустью исконною
Оттого, что во мраке весь мир...
Но уж близится зорька веселая.
Гоним с ней одиночество прочь!..
Летом всякая грусть-меланхолия
Коротка, как июньская ночь.

* * *

Еще не рассвет, а намек на него.
Густые деревья — как тени в аллее.
Над югом и западом тьмы торжество.
И лишь на востоке немного светлее.
Еще вся река — как под темным

мостом,

И только вдали, за лугами, неброско,
Как рыба, блестя серебристым

хвостом,

Чуть-чуть обозначилась плеса

полоска...

Сто раз это было — и все-таки нас
Волнует по-новому, с новою силой
Тревожный и сладкий предутренний

час,

Как час ожиданья свидания с милой.

* * *

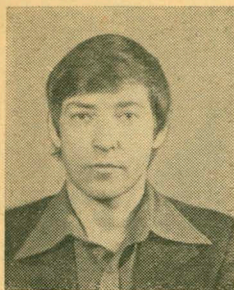
Зной, как вино в бокале дня,
Иссяк почти до дна.
Спит тополь, голову склоня,
Хмельной с того вина.
Сейчас его допьет закат.
И тоже ляжет спать.
А утро
Винный аромат
В бокал нальет опять!

* * *

Прохладно в доме, как зимой —
Он окнами на север.
За речкой — с глянцевою каймой,
Как снег, белеет клевер.
Но лес, поля и пыль дорог
Под ярким, жарким светом.
Пахнёт в окошко ветерок —
И пахнет лето летом!

* * *

Лес негромким мерным шумом,
Весь в зеленой полумгле,
Клонит к самым светлым думам
О прекрасном на земле.
Все в нем юно, изумрудно.
Слыша бодрый этот шум,
Нам сейчас поверить трудно,
Что зимою лес — угрюм.

Павел Майский

* * *

Где домны держат небо на копрах
Бессменно и сурово, как атланты,
Где кедрачи, как море, на ветрах
Несут девятый вал вершин атласных,
Где с гор таежных сходят, как

стада,

В долины рек большие города,
И миллионы жителей тайги
Печатают в асфальт свои шаги,
Где в бухтах, на искусственных

морях

Томятся корабли на якорях,
И сотни серебристых кораблей
Спешат в туман заоблачных полей,
Есть крохотный затерянный лужок
В логу у безымянной тихой речки...
Здесь зайцы собираются в кружок
Вокруг стожка, когда наступит

вечер.

А по утрам, как солнце разведет
По пихтачам холодные туманы,
Просохший лес вершинами гудет
И травы растекаются дурманом...
Вот здесь, в забытой временем

глуши,

В нетронutom таежном этом мире
Постигнуть можно таинство души
Ушедшей и явившейся Сибири!

г. НОВОКУЗНЕЦК

* * *

Темнеет... По крутому логу.
Сгустились тени сосняка,
И остывает понемногу
Тяжелый дождевой закат...
Колышет травы зыбкий ветер,
Туман уводит горы в сон...
И пригорюнившийся вечер
Глядит с тоской за горизонт.

* * *

Тайга в цвету... Сиреневые травы
На вырубках захмеленных парят,
И копалухи гордые, как павы,
Ведут к ручьям пушистых глухарят.
В озерах темных сытые линии
Бьют камыши на теплом мелководье,
И рыжики пятнистые в тени
Вокруг пенька толкуют в хороводе...
Как здесь светло! Как радостно

вокруг!..

И, нагоняя облака под вечер,
Прикосновеньем теплых детских рук
Июльский ветерок теребит плечи,
И жаром сосен веет тишина,
И ослепляет солнца свет высокий...
А за рекой прозрачная луна
Уже видна на голубом востоке.

Софрон Тотыш

РАССКАЗЫ

Первый урок

В Кемеровском книжном издательстве готовится к изданию в 1980 году книга рассказов «Сын тайги». Автор ее — Софрон Сергеевич Тотыш. Читателям уже известно это имя: в 1959 году в Кемерове вышел сборник «Сказки Шапкая», который познакомил с миром поэтических преданий, сказок, легенд шорского народа.

Маленьким читателям полюбилась веселая и остроумная книжка, издательство получило большое количество писем от ребят. В 1965 году вышло второе издание «Сказок Шапкая» с гравюрами Рейнгольда Берга.

С. Тотыш — автор не единственной книги: в 1951 году в Новосибирске в сборнике «Молодые силы» было опубликовано пять его рассказов о Шории, а в 1953 — первая книжка «В тайге», где он рассказал о природе Горной Шории, этого уникального уголка Сибири, о том, как изменилась жизнь шорского народа с приходом Советской власти. В 1961 году в Кемерове вышла еще одна книга для детей — «Хозяин гор», в которой воспевался подлинный хозяин природы — умный и добрый человек.

Тема новой книги С. Тотыша — человек и природа, бережное, рачительное отношение человека ко всему тому, что окружает его, помогает ощутить свою силу, пробуждает доброту.

Предлагаем вниманию читателей рассказы С. С. Тотыша из книги «Сын тайги». Литературная обработка текста сделана Л. В. Глебовой.

Первую свою охоту я помню, как сегодняшний день. Это было так. Наш дед По-стан жил круглый год в тайге на пасеке далеко в горах. Летом ухаживал за пчелами, а зимой собирал калину и охотился. Я частенько бывал у него в гостях. Каждый раз он угощал меня чем-нибудь вкусным: сотовым медом или малиновым вареньем. Знал, что я люблю сладкое. Но больше всего меня тянули к деду его рассказы о тайге. Я всегда слушал его, затаив дыхание.

Но как только начну проситься с ним на охоту, дед покачает головой и с большим сомнением скажет:

— Не знаю я, есть ли у тебя, Анчол, к такому занятию задатки. На охоте непросто. Думаешь, пошел в лес да поймал зверя? Походишь-походишь по тайге, и покажется дело-то тягостным. Может быть, из тебя получится ладный мастер делать седла, а ты ударишься ловить зверя. Охота станет невозможной, а время учиться мастерству упустишь.

Я не соглашался. Видел в кино море, бывал с мамой в Сагайской степи. Но больше всего мне глянется наша горная тайга. Идешь и чувствуешь: каждый кустик и каждое дерево живет своей жизнью. Откуда-нибудь послышится шорох зверя. А то пенье птиц. А какие приятные запахи у таежных цветов! Зимой тайга спит. И так тихо, что даже слышишь стук своего сердца. Не на-

любуетесь заснеженной тайгой, стоишь, будто зачарованный.

— Ладно, что тайгу любишь, — кивнул головой дед Постан, поглаживая свою острую серебристую бородку. — Однако, Анчол, может, тебе лучше за пчеловодство взяться? Охотником быть — и призвание, и терпение иметь надо. Но если тебе все охота снится, помаленьку учись-ка на лыжах ходить да из ружья стрелять.

Начал я после уроков каждый день бегать на лыжах, а в выходной день пропадать в тире. В новогодние каникулы я в школьных соревнованиях по лыжам и по стрельбе занял первое место. Получив грамоту, на второй же день помчался на лыжах к деду. Он долго разглядывал бумагу с печатью, одобрительно кивал головой и говорил:

— Может быть, с тебя и будет толк. Конечно, не заходя в воду, плавать не научишься.

И тотчас же угостил меня жареными рябчиками и сотовым медом.

А вскоре дед взял меня впервые на охоту.

День стоял тихий. Ни одна веточка не шевелилась. Не слышно было никакого шума. Тайга вся в белом. Даже ели и пихты и те стоят вроде бы седые и светлые. Я шагаю позади деда. Иногда, увидев на ветках кедра снежных зайчат, останавливаюсь, не стерплю и говорю об этом Постану. Он строгим голосом делает мне замечание:

— В тайге с разговорами не охотятся. Мы не ленивые хомяки, идем дальше.

Вот уже прошли три долины. Кроме цепочек мышиных следов и легких следов зайцев на снегу ничего не видно. Дед опять говорит:

— Ты, Анчол, полукругом не гляди и шибко не напрягай глаза. Иди, будто просто проходишь. На деревья гляди снизу вверх, как они растут. Иначе голова заболит и зрение начнет туманиться. Если зверь аль птица пошевелится, все равно в глаза попадет. Знай — в лесу птицу или зверя движение выдает.

Я кивнул головой и опять пошел за дедом. Однако не прошли мы еще и полста

шагов, как вдруг дед тихонько останавливает меня:

— Ты слышал, кто это за елями звук подал?

Я замер на месте и только пожал плечами — нет, не слышал. Я даже подумал, не показалось ли деду. А он сказал:

— Ты, Анчол, неладно слушаешь!

Взглянув на деда, я заметил, что он, вслушиваясь в таежную тишину, оказывается, открывает рот. Я сделал то же и сразу понял, что это для того, чтобы шум дыхания не мешал слушать.

Наконец, до моих ушей донеслись из-за деревьев тихие-тихие звуки: кух-кух.

— Запомни, — сказал дед. — Это белка прыгает с дерева на дерево. Видно, она где-то кормилась и возвращается в свое гнездо. Видишь, по земле идти тяжеловато — снег лежит, как пух.

И правда: за елями мы увидели свежий след белки. Она прошла по шее в снегу и вскарабкалась на березу. По кухте видно: зверек перепрыгнул на осину, а оттуда на ель и прошел поверху.

— Теперь, Анчол, твоя задача — ее найти, — сказал дед. — У тебя глаза большие, черные и острые — ищи белку.

Я начал искать. Сначала хорошо определял, где прошел зверек, — по свежей кухте, сорвавшейся с веток. Но когда белка вошла в густой ельник, я потерял ее. Тайга была настолько густой, что кроны деревьев почти смыкались. Не пойму, то ли пушистохвостая ушла дальше или, заметив меня, затаилась.

Я несколько раз прошелся вдоль и поперек сплошной стены деревьев, весь взмок. Но это было все равно что иголку в стогу сена искать. Наконец, я вышел к деду. Он снимал с березы чагу. И спросил:

— Ну как, с удачей? Выстрела что-то не было слышно.

— Она, оказывается, хитрее меня, — откровенно признался я. — Запутала следы и удрала.

— Бывает, однако, — проговорил дед. — Первый блин всегда комом. — Потом он глянул на полдневное солнышко и спросил:

— Уморился, есть, видно, хочешь?

— Да, — кивнул я.

— Вот видишь, как неловко у нас получилось, — сказал дед. — Заторопились и не взяли с собой еды. В спешку всегда шайтан вмешивается. Полдня походили, и вот надо возвращаться ни с чем. Запас охотнику плечо никогда не давит.

Он посмотрел на меня зорко, словно искал на моем лице разочарование. И направился в сторону пасеки. А когда было уже совсем недалеко от избушки, остановился и спросил:

— Теперь ты понял, Анчол, что не каждый охотник, кто близко к тайге живет?

— Да, — ответил я. — Но эту белку я все равно найду.

— А как ты ее найдешь в густом лесу? — удивился дед и даже остановился.

— Ты, помнишь, дед, лет пять назад рассказывал мне, как находить белку в густом лесу?

— Нет, что-то не помню, — пожал плечами Постан. Помолчал и добавил: — Сказывай, сказывай, Анчол, что я говорил тогда.

— А вот что. Если белка притаится в густой верхушке ели или в своем гнезде, надо сильно ударить по стволу дерева. Она непременно выскочит. Белки не любят резких звуков. Эх, зря я не взял с собой топор. После обеда опять пойду искать хитрую белку.

— Этак! Этак! — обрадованно кивнул головой дед. — Знать, ты давненько охотничье учение себе на память брал.

И он легко побежал вперед.

Потом остановился, обрадованно показал рукой на крупные следы.

— Маралы прошли, — сказал он. — Теперь их никто не трогает. Видишь, спокойно гуляют даже возле пасеки.

Но через полсотни метров он опять остановился, будто ошеломлен. Лицо его застыло, словно камень. Наступив на след, он покачал головой.

— Росомаха, вишь. Прошла прямо к нам на пасеку. Однако разбойница окающая подалась по нашей лыжне к нам. Разорит омшаник.

Дед зачистил ногами, не оглядываясь.

— Что белочка? А вот за этим зверем надо нам поохотиться!

След росوماхи привел нас прямо к нашей избушке. Она обошла вокруг нашего жилья. Чует, дома никого нет, подалась прямо к омшанику, где хранятся пчелы и мед. Там она тоже покружила, покопалась у отдушины и пошла на гору.

— Теперь росوماха, пока свое дело не сделает, далеко не уйдет, — сказал дед. — Мед любит не меньше медведя. Надо ее пугнуть хорошенько. Убивать к чему? Лохматая, на шапку не годится.

Мы вернулись в избушку. На скорую руку поели, положили в сумку жареное мясо и полную фляжку воды. Когда поднимались на гору по следу росوماхи, я предложил:

— Дед, тебе трудновато по горам лазить. Может быть, я один отгоню зверя?

— Ты что говоришь, Анчол? — удивился Постан. — По горам мне не ходить! Жирный или старый стал? Мне же ста лет еще нет.

И он сейчас же обогнал меня и быстро и проворно стал подниматься на гору по самой крутизне. Я с трудом поспевал за ним. А когда поднялись на гряду горы, дед посмотрел на солнышко и сказал:

— Конечно, я мог тебя, Анчол, отпустить одного. Теперь ночи светлые. В лунную ночь кто же заблудится? Но зверь может тебя крепко измотать.

— Как? — улыбнулся я. — У меня же ружье за плечами.

— Ружье, ружье... — пробормотал дед и махнул рукой. — Слушай, нежелание знать — это большой порок для охотника. Неуклюжая росوماха не шибко мастер бегать. Ее по глубокому снегу легко можно догнать. Но у нее есть против охотника оружие: если некуда деваться от погони, она пускает такой газ, что снег вокруг желтым делается, а у человека сразу голова кружится. Она тогда спокойненько бежит дальше. За ней опытные охотники и не гонятся. От беды и святые убегают.

— А что, дальше не пойдём за ней? — спросил я.

— Пошто не пойдём? Я рассказал, чтобы ты знал, какое у нее оружие есть против охотника. Я еще не сказал, какая она пакостная. В прошлое лето без меня в избушке на

кочки разодрала подушку и одеяло. Сухари унесла и попрятала в разных местах.

Мы пошли дальше по следу росوماхи.

Сумерки быстро сгущались. Даже след под ногами стал плохо виден. Однако вскоре из-за гор поднялся полный желтый месяц. Вокруг все забелело и засияло, и лишь в тени деревьев пряталась темнота. И тут на снегу мы увидели маралы следы.

— Прошли три пантача, — сказал дед. — А наша росوماха подалась за ними. Ай-ай-ай, что будет? — покачал головой Постан.

— Неужели маленькая росوماха, меньше собаки, охотится на маралов? Они же с лошадей величиной? — удивился я.

— Зубастая хищница за всеми ходит, — ответил дед. — Видишь, маралы шли спокойно, не чуя ее. Они сыты. Нигде не подняли снег и не подходили за мхом к пихтам или елям. А росوماха часто останавливалась и пряталась за пнями. Видишь, она преследует маралов? — сказал дед. — Ждет, когда стадо ляжет на ночлег. Тогда она нападет на них. Если в эту ночь не сумеет взять, то на вторую или на третью непременно возьмет.

— Деда, мы можем защитить маралов! — сказал я.

— Можем, можем, — повторил Постан. — Когда человек захочет, он может много сделать. Конечно, росوماха сама к нам в мешок не полезет. За ней охотиться надо.

Дед постоял, подумал и продолжал:

— Разбойница еще та. Бывает, своих кормильцев съедает.

— Как? — удивился я.

— Зимой росوماхе добывать еду тяжело: на коротких ногах по рыхлому снегу не всякого догонишь. Тогда хитрая росوماха ходит за проворной охотницей рысью. Бродит за ней по следу, как тень. Глаз с нее не спускает. Рысь добудет зайца или рябчика — пока она ест, росوماха — в стороне: ждет, что останется. Уйдет рысь дальше — росوماха тут как тут. Подкрепляется остатками пищи. Потом, когда лесной кот состарится, росوماха нападает на него и съедает.

Дед проверил, заряжено ли ружье, и зашагал по следу разбойницы. Я поспешил за де-

дом и внимательно следил за каждым его движением.

На открытом месте Постан замедлил шаг и держался кромки леса.

Вот он крадучись пошел вперед, ни одним движением не нарушая тишины. Кажется, не скользит на лыжах, а плывет по воздуху. Я всматриваюсь. Но все тихо и неподвижно.

Мы уже спустились в устье широкой долины. Но никаких признаков зверя не обнаружили. Я уже начал сомневаться, догоним ли хищницу.

Вот мы вышли на поляну. Месяц здесь светит ярче. Снег вокруг блестит нежно и мягко. Брось иголку — найдешь.

Я двигаюсь за дедом тихо-тихо. Даже дыхание сдерживаю, чтобы не поймали его чуткие уши осторожного зверя.

Впереди опять чистый склон горы, туда тянутся следы маралов и росوماхи.

— Наверно, маралы лягут на той поляне, — остановившись, шепчет дед. — Теперь гляди да гляди в оба. Хищница должна быть где-то совсем близко.

Я еще осторожней стал передвигать ноги. Гляжу — дед плавным движением руки снял с плеча ружье. Я сделал то же.

Наконец, мы увидели спокойно лежащих на снегу в открытом поле у кустиков маралов. Им, верно, и в голову не приходило, что совсем рядом находятся друзья их — мы с дедом — и тут же недалеко враг — росوماха.

«Где же она? — подумал я. — Ведь мы ни разу не свернули со следа хищницы. Только бы она не заметила нас!»

След вел к самой кромке леса. По отпечаткам лап росوماхи дед прочитал, что в одном месте она залезла на пенек с теневой стороны. Видно, осматривалась, запоминала, где легли маралы. Дальше преследовательница пробралась, прячась за сугробы. Но где же она спряталась на открытой поляне?

Не могу я этого понять. Про такое дед никогда мне не рассказывал. Расспрашивать сейчас, когда мы стоим, прячась за ели, и боимся даже дышать, было бы очень глупо.

Маралы спокойно лежат.

«Не улетела же мохнатая?» — подумал я. И тут же мы с дедом увидели ее. Правда, не

всю, а только голову, высунувшуюся из-под снега между нами и маралами.

«Вот хитрюга, зарылась в снег!» — с невольным восхищением подумал я.

Росомаха, оказываясь, кралась под пышным снегом и время от времени осторожно высовывала голову и посматривала, далеко ли еще до маралов.

Как только темная голова скрылась под снегом, дед дал знак рукой — выйти из-за елок.

Постан и я, держа ружья наизготовку, заскользили по открытой местности. Маралы заметили нас. Они вскочили и бросились в лес.

Росомаха вдруг высунула голову.

Мы с дедом вскинули ружья и выстрелили. Мой выстрел раздался чуть позже, чем деда Постана. Зверь остался лежать в сугробе.

Дед повернулся ко мне и важно сказал:

— О, Анчол, ладно стреляешь!

— С опозданием нажал курок, — улыбнулся я.

— Пошто так говоришь? — возразил дед. — Добыча твоя. Бери ее сам.

Мне пришлось росомахе перетянуть ремнем, взять ее на плечо и нести до самой избушки.

Я первым открыл дверь и бросил на пол мертвую хищницу. Дед поднес к ней керосиновую лампу и, внимательно осмотрев добычу, сказал:

— Твоя, Анчол, пуля ее успокоила. Мойто патрон был дробью заряжен. Теперь маралы будут жить.

И он по старому обычаю взял ухват из-за печки и, весело улыбаясь, переломил его пополам. Это означало сильное восхищение деда Постана. Он сейчас же засуетился, чтобы чем-нибудь вкусным меня угостить. Сварил прошлогодний сушеный кандык со сгущенным молоком и на стол выложил сахар-рафинад и печенье. Потом весело сказал:

— О, из тебя, Анчол, будет ладный охотник! Как время есть, ходи ко мне на пасеку. Помаленьку таежной грамоте будешь учиться.

— Обязательно! — заверил я деда.

Птичий пир

Не было еще и полудня, когда я вернулся на пасеку. Дед Постан посмотрел внимательно на мою котомку за спиной и понимающе закивал головой:

— О, конечно, Анчол, какая теперь в тайге рябина? Время к весне клонится. Зачем лыжи зря тереть!

Я потряс своим мешочком и похвалился:

— Я все же пригоршни две-три принес.

— Не высыпай рябину, — сказал дедушка. — Сегодня тебе придется сбежать в поселок, принести спичек. А попутно рябину занесешь тетке Атос. Она просила недавно рябины: заболела что-то. Или... — дед ухмыльнулся: — Или лукавит старая...

— Ты же, деда, себе хотел лекарство из рябины делать! — удивился я.

— Я и подождать могу, — махнул рукой дед Постан. — Спросит она, пошто так мало принес, скажи ей — птицам голодно в тайге. Всякая ягода идет им, что нам блин в масле. Отдохни маленько да и ступай.

Я не устал и есть не хотел. Скорей надел котомку на плечи и снова стал на лыжи. Запал по старой лыжне, вниз по речке Тетензи.

Дед все говорит — время идет к весне, а я не вижу никаких перемен в тайге. Вокруг все так же белым-бело.

«А может быть, на гриве горы есть признаки весны? — подумал я. — Поднимусь, а потом тихонько буду катиться по уклону до самого поселка».

Недолго размышляя, я стал взбираться на гору. Обшитые камусом лыжи мои не скользили, и я взобрался быстро.

Какой простор вокруг открылся! Подо мной раскинулась тайга, а на горизонте виднелись далекие горы и глубокие долины. Здесь, на гриве горы, деревья стояли без кучты. Только на высоких пихтах белели большие шапки снега. Они накренились, будто яркие лучи солнца сдвинули их. От пней поднимался чуть заметный парок. Вокруг звенящая тишина. Даже не слышно синичек.

Я двинулся дальше. Темные ели растут рядом с белоствольными березами.

Но вот возле толпы белых берез я увидел совсем неожиданное и от восхищения даже остановился: на фоне белого снега, словно покрытая красной цветастой шалью, пылала кистями ягод развесистая красавица-рябина.

Я, привыкший ко всему в тайге, долго стоял, как очарованный. Не с чем было сравнить нарядную и статную красавицу. Ветвигнулись под тяжестью ягод, как бы ожидая, кого одарить своим богатством.

Но странно: ни одна ягодка не тронута никем. В эту пору дрозды и сойки в поисках корма летают у самых деревень и поселков. Неужели они оставили эти ягоды себе про запас, на черный день?

С нижней веточки я сорвал гроздь и попробовал ягоды. Они, пережившие январские и февральские морозы, были сладкие, словно виноград.

Я набрал полные карманы ягод и все ел их, как конфеты, идя в сторону поселка. Завтра примчусь к этой рябине. Наберу целый мешок, будем варить варенье. Дедушка не откажется. Он не меньше меня любит сладости.

Вот под горой уже наш поселок. Третий от края, с синими ставнями — домик тетки Атос. Она вышла из стайки с почти полным ведром молока и, увидев меня, спросила:

— Анчол, откуда ты? Не от деда ли Постана?

— Да, — ответил я.

Тетка Атос внимательно поглядела на мою котомку и невесело сказала:

— Заходи, Анчол, ты у меня совсем не бываешь.

Я пошел за ней. В сених она споткнулась об какой-то мешок.

Вот шайтаны! — выругалась тетка. — Привезли вчера куль пшена для курей и бросили возле самой двери. Чуть не упала.

Она в сердцах схватила мешок и оттащила в сторону. «Ничего себе, — подумал я, — больная!»

— Садись-садись, Анчол! — приглашала тетка, процеживая молоко. — Дед Постан с тобой ничего не посылал?

— Немножко рябины, — ответил я. И высыпал из котомки на стол ягоды.

— О, как же деду не стыдно! — покачала она головой. — Послал курам на смех! Скупостью, что ли, он заболел? В прошлом году тоже вместо целого ведра прислал только туес меду.

Потом, помолчав, добавила:

— Конечно, лиса всегда сытнее волка живет.

— Нет, дедушка не жадный! — возразил я. — По ягоды в тайгу ходил сегодня я. Птицы начисто обообрали черемуху, калину и рябину. Дед себе даже ни одной ягодки не оставил. А ему для лекарства очень нужна была рябина.

— Я тоже думала настой из рябины сделать, — сказала Атос, — совсем обессилела. Ходить не могу. Еле на ногах стою.

Тут я из кармана высыпал крупные ягоды рябины и сказал:

— По дороге сюда наткнулся на рябину. Ягоды вкусные, как конфеты. Попробуйте, тетя!

Она бросила в рот себе несколько ягод, и черные глаза ее загорелись:

— Как сливы. Сыпь, Анчол, все на стол. — И затоквала Атос вокруг меня, словно глухарка:

— Вот молодец, племянничек! Вырастешь, Анчол, большой будешь, еще красивей и проворней. Женю тебя на первой красавице в поселке. Я на твоей свадьбе буду плясать до упаду.

И вдруг тетка моя пригорюнилась:

— Надо бы тебя, Анчол, угостить, да как раз перед твоим приходом все съела.

Она подошла к печке и показала мне блестящую от масла пустую сковородку.

— Видишь, Анчол, я не обманываю. Ты, наверное, уже подходил к поселку, а я в то время доедала остатки. Почему ты не спешил? Я ведь не знала, что сегодня ты ко мне зайдешь. Всегда проходил мимо моего дома, как зимнее солнышко, стороной. Теперь у меня в печке только кипятки.

— Ладно, дома поем, — сказал я. — До свиданья.

А тетушка вдруг остановила меня:

А что у тебя, Анчол, в мешочке? — спросила.

— Жареное мясо и полкалача, — ответил я. — Утром брал в тайгу и не съел.

— Вот как! — обрадовалась тетюшка. — Кто домой несет обед? Это все равно, что дрова нести в лес.

И она засуетилась. Из печки вытащила горячий чайник, налила по кружке кипятку, аккуратно острым ножом разрежала мясо и хлеб из моего запаса и пригласила меня за стол.

— Кушай, кушай, милый племянничек, — повторяла Атос.

— Спасибо, ем, — кивал я головой, сдерживая смех.

А тетюшка аппетитно уплетала мясо кусок за куском. А когда все съела, спросила у меня:

— Анчол, налить тебе еще кипяточку?

— Не хочу, — улыбнулся я.

— О, ты ничего не хочешь есть! — как бы с сожалением произнесла Атос. — Видно, сыт по горло. А я еще себе налью кружечку молочка.

Выпив одним духом пол-литра парного молока, перевела дух.

— Молоко через силу пью. Мне оно помогает от малокровия.

Я встал. Атос, тыча меня пальцем в грудь, наказывала:

— Ты, Анчол, дома долго пятки не суши. Завтра же иди туда, где видел рябину сегодня. Нарви мешок и тартай ко мне.

— Если птицы не опилиют, — сказал я. — Для них время самое голодное.

— Сделай возле рябины чучело! — кричала тетка. — Или застрели двух-трех дроздов и повесь их на дереве. Торопись, ягода сама в мешок к тебе не ползет! А из нее такое варенье получится... — и осеклась, будто что-то лишнее сказала.

Вернувшись на пасеку, я рассказал деду, как был в гостях у тетки. Дедушка тяжело вздохнул и горестно сказал:

— Ну что сделаешь, она такая уж уродилась. Родня она нам, куда денешься! Придет-ся тебе, Анчол, идти по рябину. Будь она

неладна, экое дело: ведь ущерб птицам и самому дереву.

— Почему дереву ущерб? — удивленно спросил я.

— Когда звери и птицы едят ягоды рябины, они семена по тайге разносят, — объяснил дед Постан. — У семени рябины сила жизни не пропадает, хоть через желудок птиц и зверей пройдет.

После обеда я взял мешок и пошел к моей рябине. Было так же тихо, как и вчера. Скоро за пихтами, возле березняка, должна быть моя развесистая рябина. Но странно: вдруг послышался громкий птичий щебет. Я спрятался за елку. Осторожно выглянул и увидел: дерево все усыпано птицами. Они усердно клюют рябину.

Удивительно: пернатые целую зиму не прикасались к этим плодам, а как только я прошел здесь вчера, сразу слетелись, как будто их предупредил кто, что я приду за рябиной.

В это время на верхушку дерева села вертячая и крикливая сойка. Она, словно гостеприимная хозяйка, на своем птичьем языке приглашала всех клевать досыта.

Птицы весело клевали и на разные голоса благодарили сойку за угощение. Вот синички. А там целая стая певчих дроздов и красногрудых жуланчиков. Быстро, как пули, прилетали лакомиться красной ягодой рябины рябички. А вот резким взмахом крыльев на рябину опустились косачи из далеких полей... Ликующий писк, скрип и свист раздавались далеко округ.

Я загляделся на птичий пир, позабыв о цели своего прихода. Из-под веток ели наблюдать было удобно; птички же меня не видели.

Одна стая улетела, а другая прилетела. Я удивился, что ни одна из сильных больших птиц не отгоняла малых и слабых. Они как будто понимали: чтобы жить — есть надо каждому.

Ни одну веточку не сломали птицы. Только иногда упадет кисточка ягод на снег.

Но это хорошо: глядишь, ночью сюда прискачут звери, любители рябины: хорек или

трусливый зайчик... Рябина растёт для всех жителей тайги.

Я долго стоял, любуясь многоголосным птичьим пиршеством. Но мне ведь надо уладить дела с тетушкой Атос. Я же пообещал ей принести ягоды с этой рябины. Как же быть? Обещал — значит нужно держать слово. А сдерживать слово — значит обречь птиц на голодную смерть. И вдруг в голове моей родилась новая мысль.

Я тихо повернул лыжи назад и налегке побежал в посёлок...

Тетушка Атос встретила меня у ворот своего дома. Увидев пустой мешок, удивленно вытаращила глаза:

— Что случилось, Анчол? — спросила она. — Почему ты пришел ко мне с пустыми руками?

— Птицы уже нашли мою рябину, — ответил я. — Они едят ягоды.

— Ты что, не мог их спугнуть? — закричала. От возмущения она даже задыхнулась.

А я спокойно сказал:

— Рябина для птиц — жизнь. Если у них отобрать ее, они могут погибнуть от голоду. А тайга без птиц, что дом без жильцов, —

мертвая. А если вам, тетя Атос, эти ягоды нужны для здоровья, давайте сделаем с вами товарообмен.

— Какой это товарообмен? — удивилась тетка. — Ты это о чем?

— У вас, тетя, есть в сених целый мешок пшена, — продолжал я. — Насыпьте мне хотя бы полкуля. Я отнесу крупу птицам в лес. Под рябину на бересту высыплю. А вам взамен наберу ягоды, целый мешок. Будет товарообмен. Овцы целы и волки сыты.

Атос закрутила носом, будто тертого хрена понюхала. Потом сердито сказала:

— Ты что, Анчол, разорить меня хочешь? Не нужен мне такой товарообмен и твоя рябина не нужна! Слава богу, хворь не пристаёт!

Она резко повернулась и закрыла за собой ворота. Не оглядываясь, вошла в дверь, заперлась на засов.

К вечеру я вернулся на пасеку и все рассказал деду Постану. Он выслушал меня, засмеялся, махнул рукой.

— Я так и думал, Анчол, что ты верный ход найдешь. Знаю, у тебя голова не только для того, чтобы шапку носить...

Виталий Крёков

* * *

Люблю, Мария, я твой дом
в печали северного сада,
саран, крытые ладом,
герани, овощные гряды.
Под воскресенье с вещмешком
(но почему же сердце плачет?)
спешу до сумерек пешком
денисовской Зеленой Дачей.
Увидеть снова ширь полей,
услышать родственное слово,
узнать про жизнь твоих детей,
твоих внучат желтоголовых.
И вновь мечтать светло о ней,
которой очень-очень нужен,
о вьюге свежих простыней
и сквозняках домашних кружев.

* * *

Как остро чувствуют глаза...
Над крышами нависла нега...
Собачий лай и голоса
туда скользят по хлопьям снега.

Герани поздней алый ком
в окне. Заботы утро будят.
Уже за ранним молоком
спешат с бидончиками люди.

И там, где замирают дни,
высокое тревожит слово,
как будто детство пронесли
охапкой сена молодого.

* * *

Когда весенний дождь, как голос нежный,
истает до прозрачной глубины,
войдут березы в свежие одежды
и сосны зашумят из новизны —
тогда очарование прибудет
и сквозь него — сквозь преломленный свет —
вдохнув голубизны, я полной грудью
скажу: «Как ты прекрасен, человек!»
Я вижу: как плоты, большие пашни
устремлены до горизонта всклень.
Во мне запечатлелся день вчерашний,
и сквозь меня проходит новый день.

Григорий Умнов

ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ И РАССТОЯНИЕ

Однажды жарким летним днем Андрей Степанович Деренков, седой, как лунь, старик, сидел на берегу речки Алчедат неподалеку от мельницы и удил рыбу. Оглянувшись, он заметил, как по дороге, лентой пролетшей на бугре, запылила «Победа». «Наверное, опять за мной!» — догадался Деренков. Он не ошибся, приехали за ним. В последние годы Андрей Степанович часто бывал в Доме пионеров имени А. М. Горького, рассказывал школьникам о встречах с великим пролетарским писателем, обо всем, что связывало его с Алексеем Максимовичем на протяжении всей жизни...

Они встретились в трудное для России время. Встретились, не зная, что один из них станет великим писателем, а другой, приютивший этого высокого, немного сутулого парня, будет героем одной из замечательных его книг — «Мои университеты». Дружба эта сохранится на всю жизнь, хотя те казанские встречи в общем-то были недолгими. Но они были очень важными для обоих. Потом, много лет спустя, разыскав друг друга снова, начнут они переписку. Ей не станет преградой расстояние от покрытого пальмами и кипарисами острова Капри до сибирского местечка Лебедянка, окруженного необозримой тайгой.

Необычна и удивительна жизнь Андрея Деренкова, этого полукупца-полуреволюционера. Родился он в 1855 году в семье крепостного крестьянина Владимирской губернии. В Казань привез его отец восьми лет. Позже,

имея трехклассное образование, помогал отцу в торговле. В это время в России проходили громкие процессы: Веры Фигнер, 193-х и другие. Молодого Деренкова крайне интересовали мотивы, побудившие людей на борьбу, сами процессы и вошедшие потом в историю знаменитые речи подсудимых Алексева, Мышкина. Сильно волновала Россию, в том числе и Казань, морозовская стачка.

Чтобы понять смысл этих событий, разобраться в них, Деренков собирает революционную литературу. Журналы и запрещенные правительством книги можно было купить на толкучке очень дешево. Нередко он их покупал по весу, как оберточную бумагу. Затем как-то достал «Челябинский каталог», руководствуясь им, делал отбор нужных книг.

Студенческая Казань хорошо знала Деренкова. Он к тому времени, вспоминает М. Горький, «обладал лучшей в городе библиотекой запрещенных и редких книг, ими пользовались студенты многочисленных учебных заведений Казани и различные революционно настроенные люди... в темных сенях между пристройкой и домом, в углу прятался чулан и в нем скрывалась «законченная библиотека». Часть ее книг была переписана пером в толстые тетради, — таковы были «Исторические письма» Лаврова, «Что делать» Чернышевского, некоторые статьи Писарева, «Царь-голод», «Хитрая механика», — все эти рукописи были очень зачитаны, измяты».

«...Действительными хозяевами в квартире

Деренкова были студенты университета, духовной академии, ветеринарного института, — шумное собрание людей, которые жили в нагромождении забот о русском народе, в непрерывной тревоге о будущем России. Всегда возбужденные статьями газет, выводами только что прочитанных книг, событиями в жизни города и университета, они по вечерам сбегались в лавочку Деренкова со всех улиц Казани для жаростных споров и тихого шепота по углам».

...Вот в это-то беспокойное время и сошлись они. М. Горький вспоминает: «Кто-то познакомил меня с Андреем Деренковым, владельцем маленькой бакалейной лавки, спрятанной в конце бедной, узенькой улицы, над оврагом, заваленной мусором». Познакомил их, как утверждает Андрей Степанович, осенью 1885 года студент-медик Кудрявцев. Много лет спустя Деренков, будучи уже в Анжеро-Судженске, пробует написать об этой встрече воспоминания. И написано было лишь несколько страничек ученической тетради карандашом. Некоторые слова стерлись, однако и эти странички хорошо воспроизводят то время. А. С. Деренков пишет:

«В Казани на Старо-Горничной улице в отцовскую мелочную лавку, где я в свободное от учебы время (приходское училище) помогал отцу, вошел студент-медик Петр Филиппыч Кудрявцев, он привел молодого человека.

Высокий, сутулый, задумчивый, в простом русском костюме, внешностью своей он напоминал обыкновенного крестьянского парня. Пока я был занят с покупателями, он стоял молча и скромно, чем заинтересовал меня. «Зачем с ним зашел Кудрявцев?», — думал я.

Покупатели ушли. П. Ф. говорит:

— Вот я тебе привел Алексея Пешкова, пристрой у себя. Он нам в кружке пригодится.

У меня в то время была богатая по подбору библиотека, которой пользовались те, кто занимался в кружке самообразования. У меня на квартире проводили собрания этого кружка, место было надежное и незаметное для посторонних взглядов. Приходил иногда полицейский Никифорыч, сидел у меня в лавочке, беседовал я с ним о расколе (он был рас-

кольником), а в это время за капитальной стеной проходило занятие кружка по самообразованию.

Наш новый гость проявил особый интерес к книгам. Сидел он в чулане, где были книги, день и ночь, а на лето перебирался в другое место и не расставался с книгой. Первая книга из моей библиотеки, которая ему очень понравилась, была повесть «Подлиповцы» Решетникова.

Когда Алексей познакомился с литературой кружка, он почувствовал себя крепче в нашей среде и стал посещать кружок самообразования. Придет, сядет в сторонке и слушает. В споры не вступает.

Все члены кружка были дети сапожников, прачек, портных и другой городской бедноты. Многие не имели возможности уплатить за право учиться в гимназии».

Безусловно, кружок самообразования был прикрытием истинных целей встреч у Деренкова. Об этом говорит и сам Максим Горький. Андрей Деренков доверчиво сообщил ему, «что скромные доходы его торговли целиком идут на помощь людям, которые верят: «счастье народа — прежде всего». «Он вертелся среди них, точно истинно верующий дьячок за архиерейской службой, не скрывая восторга перед бойкой мудростью книголюбцев, счастливо улыбаясь, засунув сухую руку за пазуху, дергая другой во все стороны мягкую бородку свою. Он спрашивал Пешкова:

— Хорошо? То-то же!

С тихой радостью верующего он говорил:

— Накопятся сотни, тысячи таких хороших людей, займут в России все видные места и сразу переменяют всю жизнь!»

Для того, чтобы как-нибудь обеспечить растущие расходы на книги, печатание брошюр, летом 1886 года при содействии студента Кудрявцева и по договоренности с Алексеем Пешковым Деренков открывает булочную, купив всю обстановку за 400 рублей на Мало-Лядской улице.

Об этом Андрей Деренков вспоминает:

«У меня зародилась мысль организовать булочную на артельных началах, а для того, чтобы управлять этим хозяйством, требуется специалист, знающий дело. Таких людей не

было. Тогда мы решили на это дело поставить А. М. и упростили его, как более подходящего человека (тогда он уже имел авторитет как глубокомыслящий, а главным образом любознательный человек), поступить в булочную В. С. Семенова для изучения хлебопечного дела.

Он был принят. Семенов был самодур, пьяница и развратник. Жилось А. М. у Семенова нелегко, но Алексей знал, какой цели посвятил себя и никогда не жаловался. Там он познакомился с рабочим Коноваловым, которого впоследствии вывел в одноименной повести. А. М. рассказывал прочитанное очень мастерски и за это среди рабочих слыл за студента.

Через год я открыл свою пекарню, А. М. работал в ней главным пекарем».

Но «все чаще случалось, — рассказывает М. Горький, — что люди, не считаясь с ходом дела, выбирали из кассы деньги так неосторожно, что иногда нечем было платить за муку. Деренков, теребя бородку, уныло усмехался:

— Обанкротимся».

«— Несерьезно все. Все берут, — без толку. Купил подюжины носков — сразу исчезли!»

«Это было смешно — о носках, — но я не смеялся, — пишет Максим Горький, — видя, как бьется скромный, бескорыстный человек, стараясь наладить полезное дело, а все вокруг относится к этому делу легкомысленно и беззаботно, разрушая его. Деренков не рассчитывал на благодарность людей, которым служил, но — он имел право на отношение к нему более внимательное, дружеское и не встречал этого отношения».

...Деренков пишет в своей тетради: «Жил он у меня два года. Разъединил нас случай, который описан М. Горьким в одном рассказе. Начитался Шопенгауэра, обстановка была тоже не из хороших... Он покушался на свою жизнь. Лег в больницу, и мы расстались. Он уехал на Волгу, а я попал в Сибирь».

Обстановка была, действительно, «не из хороших». 1887 год — один из самых мрачных годов реакции. В стране был голод. Тысячи безработных скитались по Казани, начались

студенческие волнения. Усилился полицейский террор.

4 декабря 1887 года в Казанском университете проходила сходка студентов, одним из организаторов которой был Владимир Ульянов. Студенты потребовали изменения университетского устава, прекращения полицейского произвола. За эту сходку сорок студентов, в том числе и Владимир Ульянов, были арестованы.

1887 год лично для Алексея Максимовича был исключительно тяжелым. Сомнения в полезности деренковского кружка для революционного движения, непосильный физический труд, смерть друга Якова Шапошникова, аресты друзей, безответная любовь к Марии Деренковой — все это привело Максима Горького к острому душевному кризису — он решил покончить с собой, чего не мог потом простить себе всю жизнь.

Выздоровел Горький, как говорил, «на долгую и упорную жизнь». За покушение на собственную жизнь над Пешковым был учрежден 31 декабря 1887 года церковный суд, который решил в наказание отлучить его от церкви на семь лет. По этому поводу Горький писал тогда:

Только я было избавился от бед,
Как от церкви отлучили на семь лет!
Отлучение, положим, не беда,
Ну, а все-таки обидно, господа!
В лоне церкви много всякого зверья,
Почему же оказался лишним я?

Казань оказала большое влияние на будущего писателя. Позднее М. Горький писал: «Физически я родился в Нижнем Новгороде, духовно — в Казани». Значит, встреча с Андреем Деренковым и его окружением не прошла бесследно.

Начались преследования, аресты выслезенных полицией людей. А. С. Деренков в Казани человек был приметный. В донесении жандармского управления говорилось, что булочная «имела чисто конспиративный характер, служила местом подозрительных сборищ учащейся молодежи, занимаются там, между прочим, совместными чтениями тенденциозных статей и сочинений для самообразования

в противоправительственном духе, в чем участвовал и Алексей Пешков».

Как-то в лавочке Деренкова появился новый человек. Высокий, длинноволосый, он показался постоянным посетителям странным — в споры не вступал.

Вместе с ним была женщина, тихая и немного печальная. Всегда садилась рядом со своим спутником, вступала в разговор редко, но когда говорила, ее слова проникали глубоко. Только она так умела беречь слова и улыбки, и в этой тихой девушке угадывалась какая-то сила. Ее чувствовали все.

Вскоре узнали, что высокий и его спутница — студенты медицинского института Константин и Ольга. Они быстро вошли в круг, стали здесь своими.

Однажды Константин не пришел. Прибежала Ольга, упала на стул и, закрыв руками лицо, разрыдалась.

— Костю, — прошептала она, — арестовали.

Деренков смутился, тербил бородку, растерянно оглядывал присутствующих, но ничего не мог придумать. Потом, обняв Ольгу рукой за плечи, увел на вторую половину дома.

Вышел он встревоженный.

— За Константином следили. Не пришли бы сюда, — сказал он. Виноватая улыбка тронула его губы. Помолчал и выложил:

— Ольга-то беременна. Сберечь бы девку надо...

Студенты заволновались.

— Уехать придется, в Казани худо ей будет.

А через неделю проводили Ольгу Подольскую в дальнюю дорогу: сначала в деревню, а там предполагалось, когда потянутся студенты в институты, пристроить ее к группе томичей.

Деренковскому кружку действительно грозила опасность.

Оставив на произвол судьбы свои дела в Казани, Деренков с восемьюдесятью рублями в кармане бежал от ареста в Сибирь. До Тюмени он ехал по железной дороге, дальше железнодорожного пути не было, и он пробирался по сибирским рекам: по Туре, Оби до Томска и дальше за Томск — в село Лебедянка.

Так переменчивая судьба из бурливой Казани забросила незадачливого купца Деренкова в Сибирь.

...Сначала Андрей Деренков обосновался в селе Лебедянке в нескольких верстах от Судженских копей. Деренков пристраивался, присматривался. Прошло немного времени, и Андрей Степанович с началом строительства шахт открыл в Судженке лавку. Дело привычное, было бы с чего начинать.

Но чем бы ни занимался Деренков, он никогда не забывал о книгах. Уже в Лебедянке в чулане стояло два шкафа с литературой. Здесь были: «Подпольная Россия» С. Степняка, сборник о русских революционерах, «История революционного движения», «Критические и этические очерки».

Книги привозились в Сибирь ссыльными, бежавшими от полиции, кое-что от них перепало Деренкову. Большую же часть книг приобрел в Томске, главным образом в магазине Макушина.

Так была собрана вторая после Казани деренковская библиотека. Нельзя выразить словами, как человек дорожил этим своим сокровищем.

...Сразу же после революции семья Федора и Александра Чучиных из Нарымской ссылки прибыла в Томск. Отсюда Федор Чучин направляется томским Совдепом на Судженские копи комиссаром. Его жена Александра Васильевна развернула культурно-просветительную работу среди шахтеров. Она организовала на Судженке детский сад для детей горняков. В этом ей помогала приехавшая из Томска Мария Ланге — худенькая, хрупкая девушка, но очень живая, энергичная, отдававшая всю себя новому делу.

А. Чучина руководила курсами рабочих, на которых обучались три группы — «неграмотные», «среднеграмотные» и «хорошо грамотные» — 300 человек. Но самым, пожалуй, большим делом было создание первого proletарского драматического кружка.

Он в то время имел огромное политическое значение. Как-то вечером, во время перерыва на курсах для взрослых, организованных объе-

диненным союзом горнорабочих при участии большевиков, к Чучиной подошел служащий шахты, молодой парень Дымчак и застенчиво попросил ее дать согласие руководить постановкой небольшой комической пьесы, которую молодежь собирается разыгрывать.

Меня очень удивило, — вспоминает А. В. Чучина, — вместе с тем обрадовало обращение эсера ко мне, большевичке, с подобного рода просьбой, и я учла это, как первый признак его разочарования в своих партийных вождах и как попытку найти правду у большевиков.

На копиях в то время было два кружка — один при клубе большевиков, другой при клубе эсеров, и они не только конкурировали между собой, но и враждовали, будучи вовлеченными в партийную борьбу. Большевики решили объединить их в один — пролетарский.

Начинать было не с чего. Не было репертуара. Довольствовались пока незатейливыми, простыми пьесами Смирнова «Сума переметная», «Порченный», «Раздор». Позже кружковцы перешли к Островскому («Не так живи, как хочешь»). Наконец, разучили и поставили «На конспиративной квартире», «Мать будущих» Евдокимова.

С каждой новой постановкой, новым занятием курсов все острее ощущался недостаток литературы. Судженский Совдеп решил на копиях открыть рабочую библиотеку. Она организовывалась и складывалась с большими трудностями. В Анжеро-Судженском каменноугольном районе насчитывалось в то время 50 тысяч рабочего населения. Многие тянулись к знаниям. Но культурно-просветительную работу было начинать нелегко — не было литературы.

Стояла суровая стужа, когда зимой 1917 года приехал на Судженку работать библиотекарем В. О. Болдырев, приглашенный комиссаром копей из Томска.

На другой день комиссар копей Федор Григорьевич Чучин ввел Болдырева в библиотечные владения, но книжные «богатства» не обрадовали новичка: это были остатки от библиотек служащих, вестившиеся в двух небольших шкафах — главным образом толстые журналы и приложения к ним.

В. О. Болдырев встретился с секретарем клуба большевиков Михаилом Рабиновичем, также приехавшим сюда работать из Томска. Посмеиваясь над растерянностью нового библиотекаря, он сказал:

— Не унывай, товарищ Болдырев, все заново будем делать — и жизнь, и труд, и само государство.

Михаил Рабинович тут же выделил и передал из библиотеки клуба часть литературы по общественным вопросам. Но этого, конечно, было далеко недостаточно. Вот тут-то и вспомнили о Деренкове. На его квартире не раз бывал Болдырев и даже сам комиссар. Деренков охотно давал книги для чтения почти всем желающим, но ни за что не хотел пожертвовать ее в общий фонд.

Но после уговоров совдеповцев старик все-таки сдался, однако попросил выдать ему охранную записку. Пример Деренкова заразил и других. Книги стали поступать от рабочих и служащих.

В 1957 году Н. Антонов, корреспондент «Правды» по Кузбассу, писал:

«После победы Октябрьской революции А. С. Деренков передал свою библиотеку, насчитывающую до двух тысяч книг, судженскому Совдепу. Книги были переданы шахте № 5-7 и явились основой первой библиотеки». С помощью председателя объединенного союза на копиях И. Н. Кудрявцева и комиссара Ф. Г. Чучина Болдыреву удалось получить 500 рублей на закупку книг для библиотеки. Таким образом было собрано всего до 10 тысяч названий. Росла рабочая библиотека, росла ее популярность. Количество читателей достигло более тысячи.

Насколько библиотека была дорога читателям и насколько она действительно отвечала названию рабочих, показала година испытаний — чехословацкий переворот и колчаковщина. В это тревожное время читатели забегали в библиотеку, предлагая для ее спасения разобрать книги по домам и переждать черные дни. Надо очень любить и ценить книги, чтобы думать о них в такое время.

Потребность народа в книге хорошо понимали многие издатели, которые немало сделали для просвещения народных масс. К таким,

безусловно, относился сибирский издатель П. И. Макушин. Он являлся одним из создателей «Передвижного университета» в Томске. Не случайно в честь его в 1916 году в Томске была выпущена книга Г. Крекнина «Ревнитель света — П. И. Макушин. 50 лет просветительной деятельности в Сибири». Издателями книги были рабочие и служащие Макушина, а весь валовой сбор от ее продажи предназначался для устройства в одном из сел Томской губернии бесплатной читальни имени «Служащих и рабочих П. И. Макушина в Томске».

П. И. Макушин пожертвовал в 1919 году большую сумму на постройку в Томске спроектированного им «Дома искусств», а также на создание «Сибирского литературного фонда» и на премии за книги для народа о Сибири.

В книжный магазин Макушина Деренков заходил всякий раз, когда бывал в Томске. И вот однажды здесь его внимание привлекли портреты писателей. На одном был изображен Лев Толстой. У другого очень знакомое лицо, но подпись «Максим Горький» ни о чем не говорила. Деренков обратился к продавщице:

— Кто это — Горький?

— Известный писатель Алексей Максимович Пешков, — ответила она.

Деренков поразился. Возвратившись домой, он не откладывая написал М. Горькому в Нижний Новгород, просил прислать что-нибудь из его книг. Вскоре в Сибирь, на Судженские копи, на имя А. С. Деренкова пришли от Алексея Максимовича три книги — «Былые люди», «Фома Гордеев» и пьеса «Мещане».

...О встречах М. Горького с А. Деренковым хорошо знают в Анжеро-Судженске, чему во многом помогла развернутая в свое время в Доме культуры имени Михаила Рабиновича экспозиция музея А. М. Горького в Казани. Фотоснимки и рисунки художников о жизни М. Горького в Казани в 1884—1888 годах. Это был замечательный период, давший великому писателю материал не для одной книги. В 1957 году «Правда» писала: «Недавно директор Казанского музея А. М. Горького Ма-

рия Николаевна Елизарова вручила Дому культуры шахты № 5-7 памятный подарок — полную экспозицию музея в копиях фотоснимков, рисунков и документов о жизни А. М. Горького в Казани в 1884—1888 годах».

С 1885 по 1887 годы Максим Горький жил в тесном общении с Деренковым и его окружением. И, естественно, музей не мог обойти вниманием и самого Андрея Деренкова.

Сколько раз А. М. Горький собирался в Сибирь. Позже был даже составлен проект прилета его на самолете в эти края. Разработали его проживший в Забайкалье более 30 лет редактор дореволюционной газеты «Якутский край» (после следующих одно за другим закрытий — «Якутская жизнь», «Якутская мысль», «Якутская окраина») А. Семенов и его жена Наталья Петровна, участница гражданской войны в отряде Сергея Лазо, позднее дикпурьер, сотрудница журнала «Советская Азия». 4 мая 1929 года они направили следующее письмо в редакцию газеты «Известия»:

«Мы, жители Якутска, являемся свидетелями переворота в сообщении нашем с миром. Организована воздушная линия Москва—Иркутск—Якутск, и теперь мы, вместо того, чтобы ехать целый месяц до ближайшего вокзала, можем долететь до него в два дня, а летом меньше, чем в сутки.

Из газеты мы знаем о предстоящем приезде в СССР А. М. Горького. Налаженная дорога из Москвы в Якутск возбуждает у нас желание видеть его в Якутии, где большие люди бывали раньше лишь поневоле.

Просьба ко всем — помочь осуществить это желание.

Якутянин А. Семенов

Уважаемая редакция!

Убедительно прошу о напечатании этого письма. Мы обращаемся к некоторым писателям с просьбой о содействии. Сам я пишу Алексею Максимовичу (я бывал у него на Капри в 1912 году), прося пожертвовать для Сибири и Якутии 10—12 дней».

Трудно назвать другой край, которым бы писатель интересовался так же горячо, как Сибирью. Он встречался с революционерами, отбывавшими наказание в Сибири, вел пере-

йску со своими читателями-сибиряками, с сибирскими писателями. Поэтому получить письмо из Сибири для него не было чем-то необычным. Однако письмо от А. С. Деренкова его особо обрадовало. Горький ответил своему приятелю по Казани в августе 1928 года: «Был бы рад видеть тебя, был бы очень рад!.. Сколько мы с тобой вспомнили бы хорошего! На зиму я уеду в Италию, весной — возвращусь и обязательно поеду в Сибирь, в Новосибирск. Буду и в Томске... Сообщи мне, как можно добраться до трущобы, где ты укоренился».

С тех пор, как писала «Правда», еще долгие годы продолжалась дружба великого писателя с сибирским книголюбом.

В 1958 году мне пришлось встретиться с дочерью Андрея Степановича Таисией Андреевны Башевой. На улице Сахалинка, что в Анжеро-Судженске, в ее доме можно было увидеть много интересного: в семейном альбоме, на стенах самые различные фотографии и портреты Горького, Шалапина, Чехова. Вот кабинетная карточка Андрея Степановича. На ней запечатлен старик с пушистой белой бородой, из-под мохнатых бровей смотрят умные ласковые глаза. На другой фотографии А. С. Деренков снят с Екатериной Павловной Пешковой, женой Алексея Максимовича, и И. Ф. Шалапиной, дочерью Федора Ивановича. Снимок сделан в 1949 году в Казани.

В 1929 году Деренков побывал в Москве в гостях у писателя, Горький оказал ему материальную помощь, обещал приехать к нему в Сибирь.

Совсем недавно члены краеведческого клуба «Поиск» Анжеро-Судженского Дома пионеров имени Горького совершили поход в подсобное лесничество Яйского района, которое находится в трех километрах от села Щербиновки. Цель похода — более подробно узнать о жизни друга А. М. Горького. От старейшей учительницы Л. П. Шубиной они узнали, что в лесничестве живет сын Андрея Степановича Евдоким Андреевич Деренков. С ним ребята и решили встретиться.

Евдоким Андреевич передал юным краеведам подлинное письмо А. М. Горького к Деренкову, написанное 20 декабря 1928 года из Сорренто. В письме Алексей Максимович назначает встречу в Москве в 1929 году, спрашивает Деренкова, куда выслать деньги на дорогу, интересуется, как прожил Андрей Степанович эти сорок лет. Сейчас письмо находится в краеведческом музее Дома пионеров.

При Советской власти Андрей Степанович не раз выезжал в Москву, встречался с писателем, в Нижнем был в гостях у Екатерины Павловны Пешковой. Его приглашали в Казань работать в музей Горького. Но всякий раз, скучая по Сибири, он уезжал обратно. В одну из таких поездок у Деренкова в дороге пропал маленький ящичек, в котором хранились драгоценные письма Горького. Об этом рассказала мне Таисия Андреевна Башева.

А. С. Деренков умер в 1953 году, не дожив два года до ста лет. Похоронен он в селе Лебедянке, первом своем пристанище в Сибири после побега из Казани.

За активное участие в пропаганде вопросов охраны природы постановлением Президиума Центрального совета Всероссийского ордена Трудового Красного Знамени общества охраны природы альманах «Огни Кузбасса» награжден памятной медалью Всероссийского Центрального совета. Редколлегия альманаха с благодарностью принимает эту награду и выражает признательность авторам рубрики «Человек и природа». Надеемся, что их сотрудничество с альманахом будет постоянным и вдохновенным, как любовь к родной природе.

Илья Зыков

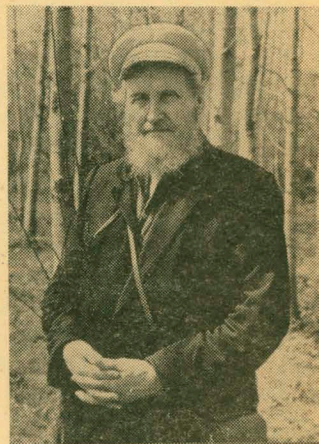
ЖУРАВЛИ, ЖУРАВЛИ ЛЕТАТ!

Весна. Прошел лед на больших и малых реках. Поймы в воде. Одна за другой летят стаи уток. Полетели гуси. В пойменных зарослях слышны многочисленные голоса пернатых путешественников, уже вернувшихся с зимовок. Там и сям видны перелетающие птицы, воспрянул пернатый мир.

Но все-таки кого-то еще недостает в природе, кто-то такой близкий и желанный однако еще не слышен. И вот в один ясный день с высоты на землю донеслись громкие, согласные и как будто торжественные голоса. И прав поэт, сказав: «В журавлиные трубы весна затрубила!».

Дружно, неторопливо, взмахивая большими крыльями, по синему ясному небу летели журавли. Один косяк, другой, третий. Теплою весной они летят один за другим. И непременно с громкими, радостными, как приветствие, голосами: «Курлы-курлы-курлы!» И птицы летят не так высоко, как будто радуются восходящим токам весеннего прогретого воздуха.

Так в конце апреля — начале мая над на-

28 июля нынешнего года исполняется 80 лет Илье Васильевичу Зыкову — писателю-натуралисту, человеку, влюбленному в природу, отдавшему всю жизнь воспеванию родного края. Перу Ильи Васильевича принадлежат книги «Очерки природы Кузбасса» (1956 г.), «С ружьем и котомкой по тайге» (1957 г.), «Календарь природы» (1960 г., переиздания — 1962 и 1972 г.), «Соболиный след» (1965 г.), «Облака над горным перевалом» (1966 г.). Рассказы, очерки, статьи И. В. Зыкова печатались в различных изданиях.

Страстное природолюбие Ильи Васильевича неугасимо, свидетельство тому его новый очерк, который мы предлагаем вниманию читателей альманаха.

Редколлегия «Огней Кузбасса» от имени всех литераторов области сердечно поздравляет Илью Васильевича с его славным юбилеем и желает ему крепкого здоровья и новых творческих удач.

шей страной летят станицы журавлей, переливчатые крики их народ принимает как гимн весны. Любит народ эту величественную птицу, и издревле население встречает журавлей, выходя на красные горки за околицами селений. Встречает, как желанных гостей. И невольно вспоминаются трогательные стихи Владимира Солоухина:

Журавли, наверно, вы не знаете,
Сколько песен сложено про вас,
Сколько вверх, когда вы пролетаете,
Смотрят затаманившихся глаз!

С журавлями прилетает устойчивая весна. Не напрасно бытует поговорка: журавли прилетели и теплынь принесли.

Однажды вот в такое время весны мы в окрестностях Кемерова увидели, как только что около небольшого колка опустилась стайка пролетных журавлей, видимо, отдохнуть и подкормиться. Почти все бывшие тут ребята видели этих птиц впервые. Мы долго не уходили, разглядывая пернатых гостей.

Птицы были от нас не особенно далеко, и можно было наблюдать, как они держали себя, кормились (что они ели, мы не могли разобрать), как держались сторожевые птицы. Часа через два гости поднялись, на высоте построились клином и полетели по своему пути.

И целый день разговор у нас был только о журавлях. Я видел, что эта маленькая короткая встреча никогда ребятами не забудется. Своими глазами видеть в первый раз и столь близко таких величественных, красивых птиц! И, может быть, у многих тогда зародилась или окрепла любовь к пернатым, к природе. В самом деле: когда бы мы ни видели журавлей, в полете ли, на гнездовьях, во время весенних игр, мы всегда испытываем удивление, чувство радости, словно повидали хороших друзей, редких друзей. Надо быть бесчувственным, деревянным человеком, сухарем, чтоб равнодушно отнестись к летящим журавлям и их торжественному маршу.

Журавли, в том числе и из Западной Сибири, осенью отлетают далеко в Африку, в верховья Нила. Там на обширных болотах они находят себе пристанище и корм. Огромное

количество местных и прилетных птиц собирается на равнинах Центральной Тропической Африки, где не бывает зимы.

Но вот приходит март. Местные африканские журавли держатся спокойно, о дальних перелетах не думают. А точно такие же птицы, но прилетевшие сюда на зимовку из северных стран, теперь собираются в стаи и начинают отлетать на далекую родину. Им предстоит, — например, в Западную Сибирь, — огромный путь, даже по прямой — около десяти тысяч километров. Тяжелый путь! Ураганы, хищники, голод, охотники, многие другие опасности и лишения подстерегают пернатых путешественников на этом пути через знойные пустыни и высокие горы, через густонаселенные области. И все же птицы летят! А ведь, казалось, могли бы там остаться. Но они летят. Что же ими движет, что заставляет тратить столько энергии? Ведь часть птиц гибнет на этом длительном пути. Нет, здесь дает знать не только инстинкт размножения. Но главным образом — чувство родины. И не случайно ведь они прилетают точно в те места, где родились, где выросли.

Антон Павлович Чехов писал поэту Плещееву в марте 1888 года: «...холодно чертовски, а ведь бедные птицы уже летят в Россию! Их гонят тоска по родине и любовь к отечеству; если бы поэты знали, сколько миллионов птиц делаются жертвою любви и тоски к родным местам, сколько их мерзнет на пути, сколько мук они претерпевают в марте и начале апреля, прибыв на родину, — то давно бы воспели их».

В Кузбассе есть несколько мест, где держатся, гнездуют крупные скопления журавлей: Шестаковское болото на Кии уже в лесостепной части; болото Красуля на Яе тоже в лесостепной части; озеро-болото Ата-Анай на Салаире у селения Журавли; Новоивановское болото на Песчанке; Банновские болота и окрестности Косого порога на Томи. По многим рекам и речкам, где имеются заболоченные участки поймы, гнездуют журавли небольшими группами или даже отдельными парами: по Антибесу, Чумышу, Берикуюлу, Дудету, Кондоме, Мрассу, Усе, Тонгулу, Долгоуну и другим более мелким речушкам.

Вообще говоря, журавлиных угодий у нас немало, но нельзя забывать, что они непременно убывают. Очищаются поймы от кустарников и трав, осушаются болота. Не может же осторожная птица гнездовать на открытом месте, доступном для всякого проходящего. Интересно, как же эти осторожные, солидные птицы реагируют на сокращение угодий? Они ищут новые удобные места и вот теперь с каждым годом начинают облюбовывать, например, горные болота и селятся даже в горной тундре.

Как-то я, будучи в горах Кузнецкого Алатау, разговорился с охотниками о местной фауне и спросил о журавлях.

— Как же, появился и у нас, в горах, на горных болотах журавль. Деваться некуда, вот и облюбовал. Ну, кормов ему и тут достаточно, ягод — хоть завались, лягушки держатся, змеи, жуки и разная мелочь. Будь плохо с кормами, не поселились бы, это умная птица.

— Охотничаете? — спросил я.

Собеседники даже удивились вопросу:

— Нет, журавля мы не били и не бьем. Солодная птица. Да и не такая уж мясная. Не бьем.

Журавля мне приходилось видеть в очень многих местах нашей области и не раз в горах. Слышал я, что видели его даже в районе Небесных Зубьев. Какая приспособляемость к природным условиям, какая любовь к родным местам!

У нас гнездуется главным образом серый журавль, редко встречаются журавль-красавка и уже совсем редко, можно сказать, исключительно редко — черный журавль.

Журавль — полезная птица. Уже одно его существование в местной фауне обогащает и украшает природу. Речные долины, болота, переувлажненные кочковатые поляны в тайге без журавля кажутся бедными, пустынными. Еще бы! Самая крупная у нас птица, к тому же и красивая. Любовь народа к ней стала традиционной и выражается в ласковых названиях — журка, журавка. Надо прямо сказать: раньше мало кто охотился на журавля. Он был как бы священной птицей русского народа. И нередко журавли гнездовали по

соседству с селениями, и тогда люди старались не нарушить их спокойствия, не тронуть гнездо.

Ценит народ эту птицу и за то, что она очищает болота, поймы от пресмыкающихся. Где прижился журавушка, там скоро под его покровительством начнут гнездовать мелкие певчие птицы, особенно те, что устраивают свои гнезда на низких кустарниках. Известно, что змеи, жабы разоряют птичьи гнезда, расположенные на земле и там, где до них легко добраться.

Любят селиться около журавля утки, чирки, кулики. И тоже понятно: пернатый хищник-разоритель ведь не посмеет напасть на огромную птицу, которая ударом клюва и крыла может смертельно ранить противника. И не мудрено, что места скопления гнездящихся журавлей имеют и другую пернатую фауну. Побывайте на крупных болотах и вы убедитесь в этом.

Картину такого содружества мы наблюдали, например, на Шестаковском болоте, где вообще богата фауна, в частности, много уток. Там много и разорителей, особенно серых ворон. Так что содружество гнездящихся птиц очень оправдано.

Вообще-то журавль добродушен и доверчив. Не трогай его, так поселится рядом с человеком, впрочем, как и многие другие птицы. Дикая природа вообще доверчива к человеку, если человек не разоряет, не бьет, а, наоборот, имеет милосердие к «меньшим братьям». Некоторые знатоки говорят о журавле, что он очень осторожен. Если мы вспомним, как далеко он летит, как много испытывает трудностей, неприятностей от того же человека, будет понятным, почему стая внимательно осматривает местность, прежде чем сделать посадку на отдых и кормежку.

И одновременно можно привести немало примеров из литературы и наших личных наблюдений, когда маленький журка легко привыкает к человеку, делается в полном смысле слова домашним жителем и отзывчивым на человеческую любовь.

Да, начинается весна, и полетят журавли. Радостно закурлычат, увидев родные места. Весною курлыканье бывает бодрое, ра-

достойное и, пожалуй, даже торжественное—это сказывается чувство родины. Ну как же не встретить их затуманенным слезами взглядом! Только бесчувственный человек может весною поднять на них ружье.

Внешний облик, жизнь и поведение, до некоторой степени и характер этой птицы известны многим еще из школьного учебника. Кто бывает в пойменных местах, на болотах и вообще в тайге, наверно, видывал незатейливое, но хорошо упрятанное гнездо обычно с двумя крупными яйцами коричневатого зеленого цвета с темными пестринами—под цвет окружающего пейзажа. Очень редко в гнезде лежат три яйца.

В августе молодые уже начинают летать. Птицы собираются в определенных местах подкормиться перед осенним отлетом. Это обычно хорошо защищенные места в соседстве с полями. И когда в эту пору идешь по тайге, то довольно часто видишь пролетающих журавлей, но большей частью три-пять птиц. Это семейные группы. Их путь—на места осенних сборищ, куда птицы летят из года в год.

В Кемеровской области такими «сборными пунктами» являются Шестаковское болото, Ата-Анай, Красуля, Банновские болота и другие. На Шестаковском болоте в отдельные осени собираются по несколько сотен птиц. Где больше, где меньше, но—из года в год. Здесь, на соседних полях они и подкармливаются, жируют. Здесь корм и тренировки для молодых. Здесь формируются стаи.

А в середине сентября журавли улетают на зимовку в далекую Африку. И как мы не раз замечали, улетают с этой, если можно так выразиться, базы все. Еще ночью были слышны голоса птиц, а утром—тишина...

Впрочем, в более теплые осени отлет несколько задерживается, но не дольше 25 сентября. На сроках отлета погода, конечно, сказывается, но главным образом это зависит от уборки хлебов. Убраны поля, и птицам надо улетать.

И полетят с прощальным курлыканьем почти на уровне облаков. В осеннем пролете они стараются лететь высоко.

Мы говорили о сером журавле. Журавль-

красавка держится главным образом в степных местах. Он меньше серого, но, как отмечают знатоки, еще более статный и красивый. Общая окраска бледно-серо-стального цвета, горло и зоб—черные; на зобу выделяющиеся по длине перья; с каждой стороны головы позади глаз—пучки длинных белых перьев.

Степи у нас почти полностью распаханы, но красавка кое-где еще встречается. Например, по речке Сосновке на грани с Новосибирской областью. Замечали красавку и на Шестаковском болоте, но трудно решить, держалась она здесь летом или откуда-то явилась только под осень, перед отлетом на зимовку. Можно предполагать, что в наших степных районах (Промышленновский, Беловский, Ленинск-Кузнецкий) красавка местами держится, особенно по поймам степных речек, но, конечно, редко. Она так редка, что ее надо особенно тщательно охранять.

Как отмечалось в научной литературе, приблизительно на восток от меридиана города Томска, в южной полосе Восточной Сибири распространен черный журавль. Он темно-серо-стального цвета, с черными крыльями и хвостом и белой шеей; края перьев на верхней стороне буроватые. Ареал черного журавля точно не определен. О нем не упоминается даже в подробном списке птиц Западного Саяна, составленном Янушевичем и Юрловым.

Я знаю только единственный случай, когда этого журавля видели. Произошло это в долине Кии ниже Мариинска. Кстати сказать, долина Кии в нижнем течении реки богата орнитофауной. Здесь много серого журавля. Попадают черный аист, серая цапля.

Возможно, что черный журавль держится в этом районе, но при малом количестве трудно заметить да и, вероятно, очень скрытен. На зимовки он улетает на восток, то есть в противоположном направлении, чем серый журавль и красавка.

Нашим натуралистам следует понаблюдать за редкими, но интересными жителями наших мест: за красавкой и черным журавлем.

Следует еще остановиться на голосах журавлей. Все знают, что они курлычут. Но это не все: в голосах их, как, понятно, и других птиц, много разных интонаций. Курлычут они

главным образом в воздухе во время полета. Хотя весеннее и осеннее курлыкание между собою разнятся. Но всегда это бодряя, звучная, громкая (ну-ка, слышна из поднебесья!), действительно трубная песня смелых путешественников, которая создает настроение стаи, бодрит уставших, ослабевших. Это в своем роде марш.

Жители селений, около которых гнездуют журавли, давно заметили разнообразие в интонациях птиц. Как-то с местным жителем, пожилым человеком, мы пробирались по Шестаковскому болоту, в глубине его, где как раз слышались многочисленные голоса журавлей. Разобрать эти голоса было трудно, но курлыкание, конечно, не было.

— Курлыкание у них дорожное, — заметил мой спутник. — А сейчас домашние разговоры, семейные, не сразу разберешься: говорят все одновременно. Как у людей, скажем, за семейным столом.

Мы остановились и переждали. Спутник опять заметил:

— Старые, бывает, длинную речь ведут, а молодые всегда покороче да погорячее, и не навывали к разговорам да и торопятся, как полагается молодяжкам. Старый говорит буд-то так: «Кирилло-кирилло-кубыррло-топоррр нашел»; а молодой отвечает ему попроще: «Паррншишко топорр нашел...» Прислушайтесь-ка!.. И женский голос от мужского тоже можно отличить, журавлиха-помягче говорит, но торопливее, гуще. У каждого свое наречье, как и у людей.

И верно: народ тонко понимает и различает голоса птиц и вот журавлей. Впрочем, как не понимать, коли живут в постоянном соседстве.

И тем более — когда в соседстве мирном. Птицы в таком случае не испытывают страха перед людьми и не бегут от людей.

— А послушайте-ка, один голос выделяется, какой-то мягкий, ласковый, вроде как «кир-кир-кир!»

— Да, слышу.

— Мы так понимаем: это мать ласкает детей, а то, возможно, и сам хозяин семьи ласково обращается к своей подруге, что-то объясняет ей или успокаивает. Забот у нее тоже немало.

Я вспомнил: так расценивал голоса журавлей и профессор Менэбир.

На Шестаковском же болоте как-то мне впервые удалось слышать своеобразный утренний коллективный голос журавлей, который я не мог иначе назвать, как утренний гимн. А дело было так: едва только начала разгораться и расцветиваться утренняя заря, как в разных местах обширного болота слышались голоса многих птиц. Голоса журавлей преобладали и выделялись. Понятно, что особенно хорошо были слышны голоса ближней к нам стаи. Сначала слышались отдельные, похоже, мужские протяжные голоса, затем количество голосов увеличилось, и можно уже было различить, кто включился. Так как это происходило в августе, и стаи, видимо, уже сформировались, то голосов и впрямь было много. Итак, к грубым и сильным мужским присоединились женские, помягче и звончее, а затем и молодые, ребячьи. Стая, как и другие, готовилась к ежедневному утреннему полету на поля, на поймы для кормежки. И когда появились первые солнечные лучи, птицы, прежде чем взлететь, закричали протяжно, громко, всей стаей, и голоса их слились в общий хор.

И одна за другой стаи взмывали в воздух.

Подобные утренние голоса журавлей я слышал и в других местах, где птицы собираются в стаи.

...Итак, журавли летят! Как хорошо, что они летят к нам! Надо порадоваться, что у нас решительно запрещена охота на этих птиц, как и на других ценных и редких, например на лебедя, краснозобую казарку. Теперь очень необходимо беречь этих редких и ценных птиц от браконьеров, случайных стрелков.

И вот что еще очень важно: у нас немало хороших угодий, где гнездуют и размножаются журавли и другие птицы. Надо сохранять эти угодья, которые являются резерватами фауны. К сожалению, с каждым годом такие угодья сокращаются по разным причинам. Производится осушение болот — это раз. На болотах, где гнездует много птиц, иногда местное население устраивает весной палы, уничтожает растительность, а если лето сухое, то люди легко проникают к гнездам, разоряют их.

Нужно всеми мерами улучшать охрану угодий от всякого разорения, палов и других подобных нарушений. В чьем ведении находятся, например, Шестаковское болото, Красуля, Ата-Анай, Банновские болота? Кто отвечает за сохранность угодий и дикой фауны на этих угодьях? А ведь фауна там разнообразная и богатая.

Наконец, там, где в плановом порядке про-

изводится осушение болот, нужно предварительно выяснить, как сохранить фауну, где и как устроить заповедные участки.

...Здравствуй, пернатые друзья, здравствуй, дорогие журавли! Привет вам и любовь на родной земле! Пусть и взрослые, и дети знают, что радостное курлыканье — бодрый марш пернатых путешественников! Пусть все знают их радостный гимн: — «Летим, летим!»...

Виктор Моисеев

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МЕДВЕДЬ

Не припомню ни одной компании, с которой приходилось бывать в тайге, чтобы рано или поздно в ней не зашел разговор о медведе, его повадках, различных эпизодах, связанных с этим могучим и умным зверем. Горожане, которые лишь изредка бывают недолгими гостями тайги, как правило, в такой ситуации сбиваются на шепот, будто именно в момент разговора и должен внезапно объявиться медведь. Коренные тасжники, бывалые охотники-профессионалы о нем говорят уважительно,

без видимого чувства страха, но и без хвастовства и напускного геройства. И то верно: многовековой опыт учит: тому, кто не может совладать со своим страхом, оказавшись с глазу на глаз с матерым зверем, лучше и не искать с ним встречи. Однако неосмотрительное пренебрежение к сильному, ловкому и быстрому, как молния, медведю, тоже чревато опасностью. Хозяин тайги не прощает малейшей ошибки или оплошности охотнику. Ну, а уж неумение оценить критически обстановку и вовсе недопустимо при свидании накоротке с ним.

Кузбасс, несмотря на мощный размах промышленного строительства, все еще имеет богатые таежные кладовые. В центральной части Кузнецкого Алатау, где берут свои воды быстрые три сестры Терси, Тайдон и Кия, расположена цепь гольцов. Есть здесь искристый соболь, черная, как смоль, норка, хитрая россомаха, и ловкая рысь, и пугливый северный олень, и великолепный иноходец сохатый. Здесь можно встретить и хозяина тайги, жирующего на альпийских лугах, сплошь покрытых черникой и брусникой. Бродит медведь и по зарослям малинника на старых гарях,

День его проходит в трудах праведных. Попробуй накопай по весне сладковато-мучнистых луковиц саранок и кандыков, набей ими ненасытную утробу. Потому и бродит в поисках более сытной пищи хозяин тайги. Великая удача — взять сохатого. Да только тут осторожным надо быть, как бы самому на рог не наскочить, под копыта хребет не подставить. Сохатый лишь человека боится. И то в пору гона того и гляди стопчет. Крупный же матерый бык силу недюжинную чувствует. Доводилось видеть в тайге осинки и березки толщиной в добрую оглоблю, играючи сбитые сохатым за один удар. Сильный бык и медведь бьются на равных. Бывалые таежники рассказывали, что находили медведей с проломленной грудной клеткой, с перебитым черепом.

Но бывает и наоборот. Три года назад мы по традиции, как только закончился месячник охраны нерестующихся рыб, отправились открыть сезон в излюбленное место на Кучуманду. Небольшая речушка катит свои воды в Тайдон, богата хариусом.

Перекинув через плечо длинные удилища, Владимир с Юрием отправились в верховья Кучуманды. Договорились, что вернутся они к вечеру. Но не прошло и трех часов, как приятели вылетели из тайги на береговой откос и в голос потребовали срочно перевезти их на левый берег, где находился наш табор. Оказывается, ребята наткнулись на сохатого, которого задрал медведь.

Вернувшись в Кемерово, я зашел к знакомым специалистам областного управления охотничье-промыслового хозяйства. Опытный охотовед Виктор Сидоренко, выслушав меня, сказал:

— Хорошо, что не стали там задерживаться. У медведя есть привычка стеречь свою добычу. И делиться с ней, естественно, он ни с кем не хочет.

Тут же охотоведы попросили показать на карте район, где произошла таежная трагедия. Дело в том, что даже они знают не так уж много примеров, когда медведь нападал на матерого сохатого. Чаще всего его жертвами бывают стельные лосихи, телята-первогодки.

Медведь — зверь чуткий. О появлении человека он узнает быстро. Если пришелец не посягает на его интересы, он старается потихоньку уйти в безопасное место. Лишь изредка пестунишка проявит любопытство, приблизится к лагерю туристов, ягодников или шишкаррей, чтобы узнать, что за гости пожаловали в его уголья.

В трудную послевоенную пору тайга для многих была настоящей кормилицей. Колба и пучки, саранки и кандыки, русинки и гусинки, которых нынешние ребята и не знают. Это весной. А летом — всевозможные ягоды, грибы, кедровые орехи.

Была пора сбора малины. И мы с дружкой Лешкой Семеновым отправились за ней на Малиновую гору, расположенную в добром дневном переходе от Осинников в сторону Мрассу. К вечеру в наших коробах уже было по ведру спелой, истаявающей соком малины. Добрать короба решили на следующее утро и для ночевки выбрали раскидистый кедр.

И до сих пор ни один охотник не может толком ответить, что привлекло медведя к нашему табору. Зверь ходил вокруг лагеря, недовольно ревел. И от его тяжелых вздохов холодило все в груди. Я уже подумывал запалить крону кедра, чтобы она вспыхнула яркой свечой, но отложил это на последний момент. Чтобы зеленая хвоя взялась дружнее, на нижние ветви нанизал тонко раздранную бересту.

Через логовину, по которой струился ручеек, была ветром повалена громадная лесина. Медведь забрался на нее и пошел на четвереньках. Луна светила сбоку, и он казался отчеканенным. Вдруг встал на задние лапы и надолго замер, глядя, как мне показалось, на наш костер. Лешка выдохнул:

— Сейчас ухнет в ручей, а потом — в костер!

Эту легенду я не раз слышал потом, но ни один таежник не мог подтвердить ее живым примером. Вот и у нас медведь не бросился в ручей, чтобы вымочить шкуру, не стал гасить ярко полыхающий костер. Недовольно фыркнув, он тихо ушел. На прощание на одном из молоденьких кедров медведь оставил метку, содрав кору до желтого луба.

— Это он границу своего участка метил, — говорили мне потом охотники, дослушав рассказ до конца.

Но такие свидания с хозяином тайги, конечно же, бывают крайне редки. Я знаю бывалых туристов, геологов, исходивших вдоль и поперек весь Кузнецкий Алатау, но так и не повстречавших ни разу медведя. Но это не значит, что тайга глухая. Многочисленные следы косолапого, выбитые ступеньками на крутых склонах гор, убедительно говорили сами за себя: зверь рядом. Однако люди не проявляли излишней навязчивости, не пытались разгадывать ребус следов, оставленных зверем. Поэтому свидания, к которому не стремились обе стороны, не происходило.

Совсем другое дело, когда человек старается отыскать зверя. Бывает: медведь хитрит, путает следы. Но если охотник настойчив, рано или поздно встреча состоится. И вот здесь все решит твердость руки, быстрота реакции и умение мгновенно и правильно оценить обстановку. Все эти качества крайне нужны охотнику в критический момент.

Однако когда мы разговорились с Михаилом Огловым, начальником лесопункта Тяжинского леспромхоза, расположенного в Московке на Кии, тот добавил:

— Главное — еще до охоты настроиться на успех, быть уверенным, что все закончится благополучно.

Говорить так Михаилу есть все основания. Пятнадцать лет назад, когда мы только с ним познакомились, он уже имел на своем счету более трех десятков добытых медведей. И только одного из них взял с помощью двух приятелей, которые навязались к нему в помощники.

О том дне Михаил вспоминает с неохотой.

— Спасибо собакам, задержали зверя, а то был бы беде...

Оглов тщательно инструктировал своих приятелей о том, как вести себя при встрече со зверем. Но вся наука полетела к черту, как только собаки почуяли медведя.

Тут же началась такая канонада, и пули так застонали над головой у Михаила, что ему ничего не оставалось делать, как рухнуть за толстенный кедр. Это просто кто-то из

друзжков оказался счастливым: собаки не пустили к ним рассвирепевшего от легкой раны зверя. Когда у всех кончились патроны, Оглов без риска быть убитым шальной пулей смог выйти из-за своего укрытия и точным выстрелом поставить точку в этом шумном и затянувшемся «диалоге» с хозяином тайги.

— С тех пор и не беру никого с собой, — говорил Михаил. — Все повадки медведя знаю, а как поведет себя человек — поди угадай.

Оглов развеял еще одну легенду, которая упорно бытует среди таежников. Есть, говорят, примета: сороковой медведь для охотника — роковой. Я знаю опытных медвежатников, которые боялись переступить «опасную» черту и бросали охоту.

Михаил, смущаясь тем, что разочаровывает гостя, сказал:

— А я как-то и не заметил, что сороковой был. Уже когда свежеевал, прикинул, какой по счету, и удивился — он самый!

Глядя на Оглова, никогда не подумаешь, что разговариваешь с одним из опытейших медвежатников нашей области. Низковат ростом, в плечах далеко не косая сажень. Но что привлекает с первого взгляда — так это спокойствие и рассудительность.

...Инспектора рыбоохраны по Крапивинскому району Николая Азарова уважают пасечники всей округи. Не первый год выручает он их, когда вдруг появится на пасеке любитель сладкого. Стоит медведю только раз побывать здесь, потом не отобьешься.

Был у меня такой случай. Добрая дюжина мужиков, вооруженных ружьями, залегли на пасеке, чтобы подкараулить вконец обнаглевшего лакомку. В ночной тишине был слышен малейший шорох. И все равно, когда на краю пасеки показался медведь, это было для всех неожиданно. Темная тень скользнула по тропке и словно растаяла среди колодок. Кто из нас не дыдержал, сказать трудно. Первый выстрел прогремел басовито. А дальше они загрохотали — словно горсть гороха сыпанули в пустую железную бочку.

Идти на поиски зверя смельчаков не пусти-

ли более опытные, осторожные охотники. Они говорили:

— Вот через часок-другой рассветет, тогда и за дело.

Каково же было наше удивление, когда после тщательного осмотра всей поляны, на которой рядами стояли ульи, мы не обнаружили ни единой капельки крови. А вот очередной улей косолапый стащил и, разорив его в распадке, ушел.

Когда я рассказал об этом случае Азарову, он улыбнулся:

— В засидку лучше всего одному ходить, чтобы не отпугнуть, не насторожить зверя.

Медведь знает: идет он на пасеку вором. Потому весь настороже, готов в любой момент задать стрелача. Азаров не припомнит такого случая, чтобы раненый зверь в такой ситуации бросился на охотника...

— Он только охнет — и дай бог ноги, — говорит Азаров и добавляет: — А вот уж когда преследуешь его, тут будь предельно внимательным.

Раненый медведь коварен. Когда проходит первый страх, он делает небольшой круг и ложится рядом со своим следом. Увлеченный погоней человек не успевает разгадать уловки зверя. Свежий след взвинчивает темп преследования, торопит охотника. А медведь тут как тут. Кто только придумал, что он неуклюжий да неповоротливый! Видел однажды по следам, как медведь деревенскую лошадедку брал. Та галопом и полсотни метров не успела отмахать, как ухватил ее когтистой лапой за холку хозяин тайги. А другой смаху садал по хребту. И все было кончено.

Пожалуй, лучше всех разбираются в звериной иерархии промысловые собаки. Большинство из них охотники называют бельчатницами. Видеть, как, заломив кренделем хвост, крутится лайка перед деревом, на котором недовольно цокает белка, одно удовольствие. Есть среди них талантливые работницы. Но далеко не из каждой может вырасти настоящая соболятница. За такую собаку таежники в цене не стоят.

Еще реже среди лаек объявляется зверовая собака, смело идущая за медведем и сохатым. Я не могу припомнить ни одного случая, что-

бы такую помощницу какой-нибудь охотник уступил другому. Знаток таежных секретов и мой учитель дед Маштаков имел кобелька, которого звал Соболькой. Был он неказистого вида: клок чернобелой шерсти и торчком стоящие уши над острой мордашкой. Глаза в коричневатых подпалинах, тоскливые, без живого блеска.

Жил Соболька у Маштакова в доме. Спал на добротной овчине, а кормил его дед чуть ли не из своей чашки. И всегда приговаривал:

— Ешь, Соболька, досыта.

Прошло немало времени, прежде чем Маштаков поведал о том, за какие заслуги такими почестями окружен кобелек. Оказывается, незадолго перед тем, как поставить крест на промысловой охоте и уйти на пенсию, свела судьба деда лоб в лоб с матерым медведем. Маштаков не успел отскочить в сторону, чтобы спрятаться за кедр. Удар страшной силы подкинул его в воздух. В следующее мгновение медведь жарким смрадом, от которого дед чуть не вырвало, дохнул прямо в лицо. В пылу схватки Маштаков даже не почувствовал, как зверь хватил его за левое плечо блестящими клыками. (С тех пор у деда плохо слушается левая рука, она потихоньку сохнет).

Дед понимал: пришла последняя минута его жизни. И потому, обливаясь кровью, шарил лихорадочно по сторонам в поисках упавшего топора.

Соболька бегал по своим делам и о том, что хозяина поджидает беда, видимо, не знал. Но, услышав рев зверя, пулей вылетел из кустов, стал на дыбы. Дед отчетливо помнит, каким огнем горели глаза Собольки, как хрипел он от злости, давясь медвежьей шерстью.

Медведь на мгновение оставил свою жертву. Его-то и хватило деду, чтобы найти наконец в густой траве топор. Ударил он своего мучителя так, что топор по обух вошел в лобастую голову громадного зверя. Уже потом, когда свеживал, под лопаткой обнаружил сплюсненную от удара пулю и понял, почему зверь был так лют к человеку.

С тех пор и отводит дед Собольке самое почетное место.

Как-то один знакомый охотник хотел при-

цениться к собаке, но Маштаков замаха- руками:

— Разве товарищу-спасителю есть цена?

О силе медведя ходят легенды. Знали об этом прекрасно и два охотника Кузнецкого госпромхоза, насторожившие петлю из крепкого стального троса на звериной тропе. Кон- ец ее был привязан к могучей колодине, ко- торую, казалось, и трактором не сдернешь.

Зверь попался матерый. В бешеной злобе он вырыл по кругу глубокую траншею.

Оба охотника были медвежатниками. Но до этого они занимались промыслом зверя каж- дый сам по себе. А здесь был свидетель. И профессионалам вдруг захотелось пофорсить перед приятелем своей смелостью. К зверю они подошли почти вплотную, и только тогда один из них выстрелил в упор в клиновид- ную лобастую голову. В следующее мгнове- ние произошло невероятное. Пуля, срекоше- тив, завывала тревожной трелью. Медведь рва- нул вперед. Громадная колодина поддалась рывку. Два удара, как две вспышки молнии. Тот, кто стрелял, упал с раздробленным че- репом. Второй от удара отлетел в сторону. У него оказались сломанными ключица, ребра, изуродована нога. И медведь, от рывка под- вихнув шейный позвонок, исдох тут же.

Лишь на третий сутки случайно наткну- лись на оставшегося в живых охотника геоло- ги, которые работали в районе Большого Ка- ныма.

...Как скоротечно время! Кажется, давно ли я любовался, проплывая по Томи, поселе- ками лесорубов и охотников: Богдановом, Со- сином, Коврижкой, Власовом. Сейчас от них остались лишь густые заросли крапивника да кое-где полусгнившие стены изб. Через не- сколько лет на этом месте разольет свои во- ды Крапивинское водохранилище.

Для меня Богданово всегда в памяти будет великолепным поселком, стоящим на красном угоре. Кругом стеной стоят ели, а чуть выше по хребту кивают своими вершинами кедр. Дивное место избрали для поселка лесорубы. Их, скупых на похвалу и суровых в борьбе с трудностями, до глубины души потряс слу- чай, происшедший с одним из самых опытных

охотников Сергеем Ивановичем Салтымако- вым. Не было в округе более удачливого про- мысловика. А тут такой случай.

Не сразу все стало известно людям. Но ко- гда обрисовалась картина охоты Салтымако- ва на медведя, стало ясно, сколько грубых ошибок допустил за один раз такой бывалый таежник. Все началось с того, что, найдя бер- логу, Салтымаков не захотел взять себе на- парника.

— Мясо будет наше, — сказал он жене, со- бираясь на охоту.

Заламывать берлогу надо умеючи. Ее чело необходимо загородить крепкими жердями таким образом, чтобы зверь не мог выскочить из лежбища. Занявшись этим, Салтымаков привязал своих собак за поводки к соседне- му кедру. Он стоял у входа, ожидая появле- ния медведя, а жена длинным острым колом шуровала в берлоге.

Дальнейшее произошло в секунды. В клу- бах снега взметнулся зверь. Салтымаков не успел толком выцелить голову и надавил на спуск пятизарядного автоматического ружья. От первого выстрела зверя лишь качнуло в сторону, а гильзу в казеннике разнесло и за- твор заклинило. Передернуть его Салтымаков не успел, потому что от сильного удара поте- рял сознание. Он не слышал, как выли на привязи собаки, как голосила жена. Спаса охотника случайность. Один из ремней на ошейнике оказался слабым, и собака сходу кинулась на зверя, который катал по снегу хозяина.

Мы не раз встречались после того с Серге- ем Ивановичем. Скажу честно: смотреть на него было очень тяжело. Вместо широкоску- лого добродушного лица — страшная маска. Та- кова была тяжкая расплата за свою неосто- рожность.

Наверное, из всех многочисленных таежных обитателей наиболее лучше изучен медведь. И это не случайно. Могучий зверь был всегда спутником человека. Вспомните бродячих цы- ган, водивших из города в город четвероно- гих артистов. Зоопарки, цирки... Едва ли ка- кое потешное цирковое представление обо- дится без выступления медвежьего аттракцио-

на, который за рубежом так и называют — русский цирк. Исследования показали, что медведь, по своим «умственным» качествам стоит в пятерке самых сообразительных зверей. И в подтверждение этому бывалые таежники могут привести немало примеров из жизни медведя, когда он проявлял незаурядный талант. Вспоминается, как мы с дедом Маштакowym однажды увидели в кедряке пестунишку, занятого заготовкой шишек. Забравшись на самую вершину, он тряс лапами поочередно ветки. И когда с них сыпался дождь шишек, внимательно смотрел на землю. Дед сказал:

— Запоминает, чтобы потом подобрать.

Мы потихоньку ушли к своему табору. А рано поутру снова вернулись на это место. Под кедром была вытоптана трава, а шишки до единой уложены в аккуратную кучку, покрытую сверху мхом. Мы набрали два здоровых мешка. Дед улыбался в бороду, шутил:

— Его дело молодое, слазит еще на кедр.

А я все представлял, как удивленно раскроет рот незадачливый шишкарь, когда обнаружит пропажу.

Кажется, все известно о медведе. И тем не менее до сих пор никто из охотоведов не может дать вразумительного ответа, как, каким образом загодя медведь да и другие звери чувствуют, что приближается голодная неурожайная осень, и начинают мигрировать в поисках корма.

У медведя еще задолго до наступления голодной поры резко меняется характер. Из доброго и флегматичного он становится злобным, готовым на все. В народе такого зовут шатуном.

Неурожай таежной ягоды, кедрового ореха не дает возможности медведю набрать необходимого запаса жира. Отощавший зверь в берлогу не ложится. Он будет ходить по тайге в поисках поживы. Голод делает его отчаянно смелым и свирепым. Если даже такой медведь и не наскочит на меткую пулю охотника, он все равно обречен. Как правило, шатун не доживает до января, погибает. Это обстоятельство и подстегивает зверя на любые попытки обеспечить себе корм. В такую пору

нередки случаи, когда более сильный зверь поедает своего ослабшего сородича.

За долгие годы наблюдений охотоведы не помнят, чтобы в Кузбассе были не спровоцированные человеком нападения шатунов. Однако это не может служить успокаивающим доводом хотя бы уже потому, что в других районах страны таких случаев отмечено немало. Так, в один из неурожайных годов в Верх-Имбатском районе на севере Красноярского края от шатунов погибло более шестидесяти профессиональных охотников.

У нас в Кузбассе шатуны заявили о себе лет пять назад в Чебулинском районе. В совхозе «Чумайский» выпаса находятся в таежных угодьях. В тот год была засуха в лесах Хакасии, медведи в поисках корма двинули в Марининскую тайгу.

То были тревожные дни. Пастухи стали бояться выгонять коров и молодняк на пастбища потому, что медведи разбойничали среди бела дня. Совхоз нес большие потери.

На помощь пришли профессиональные охотники Кемеровского госпромпхоза. Незваных гостей они стали подкарауливать у загонцов. За неделю восемь кандидатов в шатуны повстречались с меткой пулей охотников. Однако к этому времени медведи загубили около сотни совхозных коров. Вот какой оказалась «бухгалтерия».

Но свирепый характер у медведя бывает лишь в особо неблагоприятные годы. А так — это довольно миролюбивый добродушный зверь. Убедиться в этом мне довелось в забавной ситуации.

Нашему небольшому отряду из трех человек предстояло пройти для привязки нового триангуляционного пункта два десятка километров в пору июльской жары. Шли мы вяло, едва передвигая ноги. Наверное, нашему начальнику, топографу Арсению Климову было тяжелее всех: он чуть не в три раза был старше меня. За спиной у него болтался карабин. У меня — тяжелый ящик с теодолитом и двустволка, заряженная на всякий случай. Легче всех было Надьке. Она несла на плече полосатую визирную линейку.

Вдруг я сходу ткнулся в спину Климова. Хотел что-то сказать ему и обомлел: перед

начальником на тропе стоял громадный медведь. Морда у него была перепачкана малиной, маленькие синеватые глазки казались хмельными. Зверь стоял, удивленно открыв пасть, и его вислое брюхо мерно покачивалось.

Климов, видимо, боялся шевельнуться и поэтому не снимал карабина. Мне же для выстрела надо было только чуть приподнять ружье и передвинуть предохранитель. Концами стволов я толкнул Климова в бок и прошептал:

— Отойди в сторону.

Климов стоял как вкопанный. А сзади на меня наседали Надька с линейкой и зудела:

— Ну чего стали?..

Сколько это продолжалось, не помню. Медведь тихо ступил шаг назад, свернул с тропы в сторону. Было видно, как качнулись в нескольких местах тонкие кустики, и все стихло.

Надька все еще куда-то торопила. И Климов взорвался:

— Ну чего ты суетишься, глянь, кто к нам в гости пожаловал!

Надька увидела кривые следы когтистой лапы, четко отпечатанной в податливом таежном подзоле, и с ней случилась жесточайшая истерика. Никогда больше я не видел, чтобы человек мог так среагировать на опасность, которая миновала. Маршрут, конечно,

пришлось прервать. В этот день все мы были никудышними работниками.

Интересный случай рассказал мне журналист Юрий Ефремов, сотрудник Эвенкийской окружной газеты. Свой отпуск он решил провести в путешествии по Подкаменной Тунгуске. Плыл один на резиновой лодке, любуясь красотами сказочного богатого края.

На одном из плесов ласковое солнышко сделало свое дело. Пригревшись, Юрий не заметил, как заснул. Река покойно несла его вниз по течению на своих мягких волнах.

— Проснулся я, — рассказывал он, — от того, что подсознательно почувствовал опасность. Приподнялся в лодке, стоит она у крутого яра, с которого низко в воду спускаются лиственницы и кедры. Слышу что-то хлюпает по воде. Повернулся — и обмер. На лиственнице, склонившейся к воде, лежал медведь и греб лапой, пытаюсь дотянуться до лодки. Расстояние было в метр, не больше.

Как схватил Юрий весла, как вымахнул через широкую реку на противоположный берег, не помнит.

— Осталось в памяти одно, — говорил он. — Я гребу что есть мочи, а медведь так удивленно открыл пасть и, вывалив язык на бок, смотрит на меня ошалело...

Один из отпусков мои друзья решили провести в верховьях Мрассу. С большим трудом добрались мы из Усть-Кабырзы до Узаса. Здесь и затаборились. Спиннингисты были заняты поисками стоянок тайменей. Мы же с Валентином Махаловым предпочитали охотиться за харнусом.

Однажды спиннингисты сообщили: шли по правому берегу, видели, как с левого в Мрассу впадает совершенно незнакомая речка. Проверить ее мы и решили с Валентином.

Каково же было наше удивление, когда обнаружилось, что это не речка вовсе, а мощный родник, бьющий фонтаном. Пыл первооткрывательства охладил удивленные нами ме-

двежи следы. Зверь был только что. А у нас — удочки да малокалиберка.

Валентин успокоил:

— Чуть чего — я врежу...

Он передернул затвор винтовки. У меня по спине побежали холодные мурашки. Я взмолился:

— Дай сюда малокалиберку.

— Бери, стреляй, — согласился Валентин.

Я тут же снова передернул затвор и выкинул прочь патрон.

— Ты чего? — удивленно уставился на меня приятель.

Но теперь я был спокоен:

— А чтобы соблазна не было и живыми остаться.

В тот раз мы так и не увидели медведя. Зато через несколько дней, возвращаясь из очередного похода в верховья Узаса, Валентин прочитал мне новое стихотворение о том, как гнался запаленный медведь за сохатым, и, не настигнув его, припал к холодным струям родника, утоляя жажду. Так я стал свидетелем рождения стихотворения о жизни таежных обитателей.

Как-то дед Маштакhov пригласил меня в гольцы покопать маральего корня — родного брата женьшена. В долинах гор уже хозяйничало лето, а в альпийских лугах весна еще только брала разбег. В редколесье дед остановился, подняв вверх руку. Я тихонько подошел ближе к нему.

— Медведь, — прошептал дед, пощекотав мое ухо пушистыми усами.

Я глянул в ту сторону, куда показывал мой спутник. У большой муравьиной кучи крутился медведь. Был он некрупным, с белым воротничком-манжикой.

Мы стали наблюдать за хозяином тайги. Зверь лакомился муравьями. Он мусолил свою лапу, водил ею над кучей. Когда на нее цапнулся порядочно муравьев, он отскакивал в сторону и с удовольствием слизывал их. В ожидании, когда очередная порция муравьев наберется на лапе, он с нетерпением топтался на месте, пожевывая, дергая лопатками. Иногда он взвизгивал и другой передней лапой скреб у себя в паху, по груди. Так мед-

ведь отбивался от муравьев, которые защищали свое жилище.

Наверное, какой-то бойкий муравей залез медведю глубоко в нос. Косолапый смешно сморщил нос и чихнул со стоном. Дед Маштакhov не выдержал и захохотал.

Удивленный зверь на мгновение застыл, уставившись в нашу сторону. А потом резко рванул вверх по склону, только грязные косолапые пятки сверкали среди робкой первой зелени.

...Особняком стоит проблема содержания диких зверей в неволе. Всем, кому доводилось отдыхать в профилактории «Романтик» в Междуреченске, знают о том, что там давно живет медведица Машка. Это ручной зверь, в меру добродушный и спокойно переносящий назойливое любопытство людей. Машку снимало невероятное число кинофоторепортеров. Однажды ей это не понравилось. Мой знакомый рассказал, как летел по мелководью Томи от Машки фоторепортер, теряя по пути из кофра дорогие аппараты.

Тогда все закончилось легким испугом. Но кто даст гарантию, что в следующий раз зверь не озлобится по-настоящему и не проявит своей агрессии в полную меру.

Еще тяжелее видеть могучего зверя за решеткой или на крепкой привязи. По чьей прихоти был посажен на цепь в летнем ресторане областного центра пестунишка, не знаю. Я попытался найти прямого виновника надругательства над зверем, но напрасно. И среди работников охотнадзора не нашел поддержки. Знакомые инспекторы сказали:

— Вот если бы это сохатый был или еще какой ценный зверь, мы бы моментом...

Говоря это, они забывают о том, что и медведь взят у нас под охрану закона. В правилах охоты на территории Кемеровской области прямо говорится о том, что содержание в неволе диких зверей и птиц приравнивается к браконьерству со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Теперь несколько слов к вопросу о ценности медведя как промыслового зверя. Недавно в журнале «Охота и охотничье хозяйство»

был опубликован отчет об очередном международном пушно-меховом аукционе, который состоялся в Ленинграде. Неожиданно для всех цены на медвежьи шкуры поднялись к рекордным отметкам. Даже за соболя давали меньше. Но, к сожалению, предложить наши меховщики могли всего лишь несколько шкур.

В чем же дело?

Оказывается, охотнику, сдавшему медвежью шкуру, заготовительные организации платят незначительную сумму. Между тем, любой машинатор не постоит в цене, лишь бы приобрести великолепный ковер из шкуры медведя. Вот и получается, что львиная доля таежных трофеев поступает на «черный рынок», а не на склады заготовительных организаций.

Конечно, не только потому, что медведь

очень осторожный зверь, человек редко имеет с ним встречи. Тут надо признать: в тайге их осталось не так уж много. Подсчеты показывают, что в Кузбассе живет не более шестисот особей. Не случайно правила охоты очень строго регламентируют добычу этого зверя на территории нашей области. Нельзя бить медведицу с потомством, запрещена охота на берлоге. Только те медведи, которые нападают на пасеки или домашний скот, остаются вне закона. Но таких немного.

Недавно в нашей стране издана «Красная книга». Бурого медведя в ней нет. И это радует: может быть, медведь так и останется хозяином тайги, о котором и впредь люди будут говорить почтительно, дивясь его силе и уму, слагая новые легенды и развенчивая старые?..

Михаил Сорокин

ЭКСПЕДИЦИЯ НА КАШТАК

Из истории горного дела в Кузбассе

Со своим коллегой Анатолием Михайловичем Кулемзиным, доцентом Кемеровского государственного института культуры, мы сидим у себя на кафедре истории. Редкий в нашей хлопотной жизни спокойный день. Никто не мешает нашей беседе. Лишь изредка в дверь заглянут студенты, что-либо спросят, и наш разговор опять продолжается.

Мой собеседник, большой знаток археологических памятников на территории нашей области, рассказывает о своих многочисленных скитаниях, поисках и находках. Когда Кулемзин упомянул о том, как однажды ему удалось обнаружить следы старинной крепости, я невольно насторожился.

— Расскажите, пожалуйста, поподробнее, в каких местах это было? Что сейчас представляет собой этот памятник?

Анатолий Михайлович рассказал, что остатки старинной крепости находятся в Тисульском районе, на берегу речки Каштак. Радости моей не было конца.

Опять Каштак! Он преследует меня уже четверть века, с самых студенческих лет. С ним тесно связана моя первая студенческая работа по истории горного дела в Кузбассе. Первые научные увлечения, как и первая любовь, остаются в памяти на всю жизнь.

...В начале 50-х годов мне, тогда студенту Томского университета, посчастливилось работать под руководством видного ученого профессора Зои Яковлевны Бояршиновой. К традиционной ежегодной студенческой конференции готовили доклад «Начало горного дела в

Западной Сибири». Тема захватила и увлекла меня, я целыми днями просиживал в «научке» — прекрасной библиотеке университета. Здесь-то и состоялось мое первое знакомство с экспедицией на Каштак.

Во «Временнике Московского университета» за 1850 год я обнаружил две грамоты о начале горного дела в Сибири, опубликованные известным русским издателем первой половины XIX века, большим знатоком истории Сибири Г. Спасским. Документы рассказывали о первых попытках организовать горно-металлургическое производство на территории современного Кузбасса, предпринятых в конце XVII века. Но для самостоятельного исследования этого было мало. Требовался добротный архивный материал.

Быстро пролетели годы студенчества. Затем было преподавание истории в средней школе, аспирантура. Постепенно, по крупицам собирал материал по истории геологического изучения Сибири. Работа в архивах Барнаула, Томска, Новосибирска, Ленинграда, Москвы многое прояснила. Голая схема постепенно обростала подробностями.

Из всех архивов мне почему-то особенно запомнился Барнаульский. Может быть, потому, что он дал для моей темы самый богатый материал, а может быть, и потому, что здесь я приобрел верного товарища, замечательного помощника и консультанта — Николая Яковлевича Савельева. В нем меня восхищала юношеская энергия, глубокая преданность делу,

поразительная работоспособность, увлеченность.

До позднего вечера засиживались мы с Николаем Яковлевичем в читальном зале Государственного архива Алтайского края. Сколько интереснейших находок мне удалось сделать благодаря его консультации!

Бывало, прогуливались после работы по городу, говорили о планах на будущее, обсуждали находки. И вдруг Николай Яковлевич останавливался: — Вот здесь был пруд Барнаульского сереброплавильного завода, — показывал рукой на речку Барнаулку. — А вон там находилась знаменитая «огнедышащая машина» Ползунова. Очень хотелось бы мне сейчас пройтись по заводскому поселку XVIII века, встретить Ивана Ивановича Ползунова и его учеников, мастеровых...

Я давно жил мечтой написать статью о Каштаке. Сердцем чувствовал, что в истории промышленного освоения Сибири экспедиция на Каштак — факт весьма значительный. Но для специального исследования нужен был добротный исторический источник, на основании которого можно было бы реставрировать события почти трехсотлетней давности.

И вот однажды у меня произошла вторая встреча с Каштаком. Произошла тогда, когда я ее совсем не ожидал.

На одной из тихих улиц Москвы, в стороне от шумного центра, расположился старинный барский особняк. Здесь, в уютном просторном здании, разместились хорошо известный в ученом мире Центральный Государственный архив Древних Актов (ЦГАДА). Сотни тысяч различных по содержанию дел, аккуратно разложенных на полках и стеллажах, хранятся в его укромных помещениях. Спрятанные от губительных солнечных лучей, в кожаных и холстяных переплетах, а иногда и просто завернутые в бумагу, эти огромные дела из фондов различных центральных и местных учреждений России (Сената, Сибирского приказа, петровских коллегий, воеводских канцелярий, вотчинных архивов) хранят в себе бесценную информацию.

С трепетом и надеждой приходят сюда исследователи. В торжественной тишине читального зала, склонившись над пожелтевшими от

времени рукописями, целые дни здесь проводят известные писатели, научные сотрудники института истории АН СССР, работники из различных музеев страны, исследователи-диссертанты, студенты-историки из университетов, практиканты из историко-архивного института.

Сколько романов, повестей, научных исследований, диссертаций, дипломных сочинений написано на основе материалов, хранящихся в этом замечательном научном учреждении нашей страны.

В архиве исследователь переживает, быть может, самые волнующие минуты в своей жизни: здесь он испытывает радость пусть небольших, но все-таки открытий. Какое приятное чувство охватывает тебя, когда держишь в руках документы, которые до сего дня не использовал еще ни один исследователь. Мне, кузбассовцу, было приятно сознавать, что в главном архивохранилище нашей страны имеется множество документов по истории родного края.

Нашим ученым еще предстоит написать историю геологического изучения Сибири. Труд этот сегодня просто необходим: возрастает экономическое значение края, а значит, усиливается интерес и к его прошлому. Сегодняшнему размаху геологических поисков на территории Сибири предшествовали первые «розыски» одиночек.

В наш динамичный, быстро изменяющийся, насыщенный событиями век мы иногда стремимся отмахнуться от фактов истории, несправедливо забываем о тех, кто первый шел по глухим таежным тропам, лаял на плотах по бурным горным речкам, бред под палящими лучами солнца по бескрайним алтайским степям, подвергаясь риску быть схваченным и увезенным в джунгарский полон. Ведь именно эти простые, скромные труженики, русские рудознатцы конца XVII — первой половины XVIII века проложили путь для дальнейшего геологического изучения Сибири в более поздний период. В будущей истории геологического изучения Сибири, хочется верить, будет по заслугам воздано тем, кто проложил путь последующим экспедициям, — Степану Тупальскому, Александру Левандиану, Михаилу

Волкову Степану, и Якову Костылевым и многим другим.

Такие мысли у меня возникают сегодня, во время работы над обобщением найденных в архиве документов. А тогда, в ЦГАДА, мне было не до лирических размышлений. Выписки, выписки... Тяжелый, изнурительный, нередко механический труд, чувствуешь, что идет материал, а где ему будет место — это решится потом. Просматривая знаменитые «портфели» академика Г. Ф. Миллера (так называются папки с документами, которые ученый собрал в период своих поездок по Сибири в 1733—1743 гг. в составе Великой Северной экспедиции), я обнаружил целое дело с документами, посвященными работам рудознатца Александра Левандиана на территории бывшего Томского уезда на реке Каштак. Это были как раз те документы, которые я безуспешно разыскивал в течение многих лет. Только они позволяют в полном объеме восстановить события, связанные с первой попыткой организовать горно-металлургический промысел на территории современного Кузбасса.

Эти подлинники документы представляют не только познавательный интерес. Каштаком следовало бы заняться нашим геологам. Не исключено, что детальное геологическое обследование современными средствами того района, где почти триста лет назад работал отряд Александра Левандиана, может дать интересные результаты.

Конец XVII века был временем важных перемен в экономике и социальной структуре русского государства. Быстро развивались товарно-денежные отношения, росли города, строились новые заводы, создавалась современная армия и флот. Успешно шло освоение новых территорий, особенно в Сибири, развивалось сельское хозяйство. Страна готовилась приступить к решению насущных внешнеполитических задач — пробиться к Балтийскому и Черному морям, что было абсолютно необходимо быстро поднимающейся русской нации. Все это требовало от России огромного напряжения сил, а от казны — громадных, небывалых прежде расходов. Шли поиски но-

вых источников пополнения государственного бюджета. Поневоле приходилось интересоваться не только сибирской пушницей, которая продолжала оставаться важнейшим источником пополнения казны, но и богатствами подземных кладовых — золотом, серебром, драгоценными камнями, месторождениями железной руды, угля и другими минералами.

Большие изменения происходят на территории нашего края. Создание в бассейне реки Томь двух важных опорных пунктов русской колонизации — городов Томска (1604 г.) и Кузнецка (1618 г.), строительство в притоке целой цепи укреплений: Сосновского, Верхотомского, Мунгатского острогов, заселение края русским крестьянством, его хозяйственное освоение — все это позволило накопить многочисленные сведения о природных богатствах края, о его полезных ископаемых.

Из Москвы в сибирские города шли указы, в которых правительство требовало, чтобы местная администрация старалась проводить про золото, серебро, дорогие камни и другие ценные руды. Постепенно со всех концов Сибири в города и остроги, к воеводам и приказчикам начинали стекаться сведения о полезных ископаемых. В поисках руд и камней участвовали охотники и промысловики, крестьяне, коренное население Сибири, служилые люди, совершающие частые поездки в самые глухие уголки края за ясаком.

Важную роль в изучении природных богатств Кузбасса сыграл Кузнецк. Сюда на протяжении всего XVII века стекались известия о полезных ископаемых со всех концов огромного Кузнецкого уезда. В 1673 году, например, кузнецкий воевода получил от местных жителей из Горной Шории образцы серебряных руд, слюды и горного хрусталя. В воеводских отписках из Кузнецка в Москву сообщалось, что «за Кузнецким острогом вверх по Томь-реке есть слюда, а привозят ее в Кузнецкой калмыки». Григорий Волков, кузнецкий воевода, добавлял, что «в десяти верстах от Кузнецка есть камень-хрусталь да железная руда в Кузнецком есть».

Поиск руд в Сибири особенно усилился в конце XVII века. Этому способствовали успехи в освоении края, а также общие усло-

вия социально-экономического и политического развития страны. В связи с подготовкой России к большому войнам со Шведией и Турцией рудный «розыск» в стране приобрел невиданный прежде размах. Многочисленные царские указы требовали от властей на местах искать руды, камни, слюду и другие полезные ископаемые. Исполнительность местной администрации в глазах представителей центральной власти во многом расценивалась по их отношению к приказам из Москвы искать и находить руды. При таких обстоятельствах воеводы на местах были вынуждены всячески подчеркивать свое усердие.

В 1695 году из далекого Томска в Москву поступило донесение. Томский воевода Василий Ржевский сообщил Петру I: «...Посылаю я, холоп Ваш, в горные порубежные волости для ясажного сбора томского сына боярского Степана Тупальского со товарищи, и он, Степан, приехав в Томск, явил мне, холопу Вашему, с фунт руды серебряной...»

Сообщение из Томска заинтересовало правительство. Как говорят, дорога ложка к обеду. Известие о найденном в Кузнецком уезде серебре пришлось весьма кстати.

Томский воевода, помня о грозных предписаниях Петра I, постарался уточнить местонахождения руд, собрать все необходимые данные. Бывалый землепроходец Степан Тупальский вновь был отправлен на реку Каштак. Ему было приказано составить «чертеж» этой части кузнецкого уезда, подробно описать свой путь из Томска до месторождения. Тупальский добросовестно выполнил все поручения воеводы Василия Ржевского, да сверх того привез в Томск восемь пудов серебряной руды.

Когда полвека спустя в Томск вместе с другими участниками Второй Камчатской экспедиции прибыл академик Г. Ф. Миллер, он застал в живых многих участников экспедиции Александра Левандиана на реку Каштак. По заданию Российской Академии Наук Миллер собирал архивные документы, записывал рассказы бывалых людей — словом, его внимание привлекало все, что могло пригодиться при составлении истории Сибири. Особенно интересовали Миллера материалы, относящие-

ся к истории экономического освоения Сибири. Мимо пытливого взора ученого, естественно, не могла пройти, остаться не замеченной первая попытка создать в Западной Сибири сереброплавильное производство.

Миллер подолгу беседовал с участниками экспедиции на Каштак, в местном архиве тщательно изучал все документы, относящиеся к этим событиям. В итоге в руках у Миллера оказалась богатая документация (правительственные указы, переписка Петра I с местной сибирской администрацией по поводу строительства первого сереброплавильного завода в Западной Сибири), отражающая правительственные мероприятия по созданию первого в крае горнопромышленного промысла.

Копии документов, сделанные ассистентами Миллера, сохранились в личном архиве пунктуального ученого, а подлинники погибли в пламени пожаров, которые были настоящим бедствием деревянных сибирских городов.

Что касается места, откуда Степан Тупальский привозил в Томск образцы руд и куда позднее была и направлена экспедиция Александра Левандиана, то Миллер на основании рассказов очевидцев определил его так: «...в Томском уезде есть река Каштак, которая впадает в реку Тус-Юл, а Тус-Юл в Сердь, а Сердь в Кию, Кия в Чулым, Чулым в Обь».

Открытое Степаном Тупальским месторождение находилось в пределах сегодняшней Кемеровской области — ныне территории Тисульского района. Руду Тупальскому указали местные жители, охотники и рыболовы. Примерно в то же время в бассейне реки Томи был обнаружен еще ряд рудных месторождений. Некоторые из них находились в непосредственной близости от Томска. Томский воевода Василий Ржевский, демонстрируя царю свое усердие в рудном «розыске», писал, что «явилась (руда — М. С.) в горе на Томе-реке от Томского в полуверсте, а сказывают, что она серебряная, да в другом месте, на Ушайке-реке, от Томского в трех верстах, явилась в горе руда медная».

Образцы руд, найденных в Томском и Кузнецком уездах, были немедленно доставлены в Москву. Лучшие русские пробынные масте-

ра подтвердили их высокое качество. Тимофей Левкин, опытный мастер, испытывавший «благонадежность» кузнечных руд, получил чистое серебро. Однако Петр I, желая окончательно убедиться в точности показаний отечественных мастеров, приказал отослать образцы доставленных из Кузнечного уезда руд в Голландию. Пробы иностранцев дали тот же результат, что и пробы Тимофея Левкина: в одном пуде руды оказалось более 2 золотников чистого серебра.

О том, что руды из Западной Сибири успешно выдержали европейскую проверку, мы узнаем из письма Петра I томскому воеводе Василию Ржевскому от 29 апреля 1697 года. Царь сообщал: «Из Амстердама писал бургомистр Николай Витзен о томской руде, которую ты прислал, что по опыту мастеров добрых в Амстердаме вышло из полчетверти золотника руды самая малая частичка (серебра — М. С.) и что та руда небогата, но что де мастер ему (Витзену) объявил, что глубже будет лучше». Словом, анализ, проведенный русскими и голландскими мастерами, подтвердил пригодность руд, присланных из Кузнечного уезда, к промышленной эксплуатации.

Петр I проявил большой интерес к природным богатствам кузнечной земли. Есть достаточно веские основания считать, что именно Петр I раньше других государственных деятелей России сумел правильно оценить выдающуюся роль земли Кузнечной в дальнейшем промышленном освоении Сибири. Взгляды многознающего царя на этот счет разделял его способный ученик В. Н. Татищев, который писал, что самые лучшие руды во всей России следует искать на территории Кузнечного уезда. В бумагах академика Г. Ф. Миллера сохранился весьма интересный документ, в котором намечена программа работ по практическому использованию природных богатств Кузнечного уезда. Обращаясь к томскому воеводе Василию Ржевскому, Петр I приказывал: «...буде в Томском или Кузнечном уездах железная руда обретається, образцы по пуду прислать и где сысканы и в каких местах и много ль той руды, и какие в тех местах леса, о том вели, осмотря, писать... Показать

бы Вам свое радение, велеть приискать выше Томского по рекам удобно к строению каменья и известь и к кирпичному жжению удобные земли, чтоб ко всякой нужде впредь построить для поклажи всяких наших, Великого Государя, дел и казны анбары или какое здание прилично каменное и Вам бы сметить во что каменю, кирпича тысяча, извести бочка станет и почем работных людей наем поденный и есть ли в Томском такие люди, кому кирпич и известь жечь и здания каменные строить...»

Петр I, действовавший решительно и энергично, задумал построить на базе открытых в Кузнечном уезде на реке Каштак серебряных руд первый в Сибири металлургический завод. Дело это было в ту пору трудновыполнимым. Пока еще не существовало металлургических заводов даже на Урале, более освоенном и обжитом районе России. Самым большим препятствием в деле создания завода на Каштаке была нехватка рабочих рук. Не хватало не только опытных мастеров, но и простых рабочих людей. Томский воевода докладывал царю: «В Томском тое серебряной и медной руды переплавить некем, мастеров нет». Вторым труднопреодолимым препятствием было то, что открытое месторождение находилось в районе, который постоянно подвергался набегу кочевников.

Трудности предстоящего дела не могли остановить Петра I. По приказу царя в Томск для руководства всей работой по созданию горно-металлургического промысла на реке Каштак был направлен опытный рудознатец и плавильный мастер грек Александр Левандиан. Вместе с ним прибыло с десятков помощников. Строительство было обеспечено необходимыми материалами, инструментами, деньгами. Из Москвы, из Сибирского приказа поступило распоряжение выделить необходимое количество рабочих. Местным властям было велено «к тому рудокопному промыслу прислать из Тобольского работных людей гулящих из ссыльных бездомовых 50 или 100 человек, смотря по самой нужде, с провожаемым».

Летом 1697 года жители Томска явились свидетелями сборов крупной по тем временам

экспедиции. В район далекого Кузнецкого Алатау для строительства завода отправлялся отряд в 800 человек. Вместе с Александром Левандианом и его помощниками, опытными горняками Семеном Григорьевым, Спиридоном и Федором Маноиловыми, Андреем Николаевым, Михайлом и Григорием Шутковыми в поход уходили работные люди, воинская охрана — служилые казаки, подгородные татары, белые калмыки. Отряду предстояло соорудить острог на реке Каштак, построить там казармы и избы, а затем начать строительство самого завода.

В поход собирались долго и основательно. На суда грузили инструмент и оружие, провиант и одежду. Когда все было готово — отслужили молебен, после чего тронулись в путь. Экспедицию вышли провожать все жители Томска.

В конце сентября 1697 года на Каштаке начались горные работы. Для начала заложили четыре шурфа. Первые результаты обнадеживали. Томский воевода докладывал царю, внимательно следившему за ходом работ, что «грек Александр с товарищи... чают всякого доброго и пребогатого дела дойти во всякой надежде, без сомнения».

Однако довести до конца это «доброе и пребогатое дело» не удалось. Воинственные киргизские племена, кочевавшие в верховьях Енисея, то и дело появлялись на реке Кии и ее притоках. Вскоре после начала работ на Каштаке лагерь экспедиции был окружен их отрядами.

Началась долгая и изнурительная осада. Александр Левандиан сообщал томскому воеводе, что «киргизские воинские люди ездят кругом острога непрестанно и из острога выходить вдале нам ни по что не дают». В челобитной на царское имя Левандиан с горечью писал: «Наше сие художество со страхом и войною не может совершаться, нам надобно копати в горах, а неприятели нас убивают».

В столкновениях с кочевниками были убитые и раненые. В одном из донесений Левандиана в Томск говорилось, что кочевники не только мешали рудознателям добывать руду, но в один из дней «убили двух человек до смерти». В первых числах ноября под стена-

ми Каштака развернулось настоящее сражение. Томский воевода сообщал царю, что государевы служилые люди «многих киргизских людей побии, а наших государевых на том бою четырех человек ранили, да сына боярского Якова Болтовского, да казака Митьку Поспелова убили до смерти».

В таких условиях заниматься горным промыслом было невозможно. Рудные жилы находились в стороны далеко окрест острога. Покидать пределы крепости, выходить на работу в поле было опасно. Александр Левандиан просил томского воеводу «у рудокопных заводов... построить караульные башни и от острогу к башням учинить крепости». Предстояли работы по строительству заводской плотины, плавильных печей, цехов. Левандиан настаивал, чтобы томский воевода прислал еще человек триста рабочих. «А охотников нынче к той работе никого нет, — писал Василий Ржевский царю, — потому что место стало новое». Поясняя сложившуюся ситуацию, воевода добавлял: «Гулящих людей и отпущенников из ссыльных бездомовых, холостых людей и казачьих детей в Томском много, а без твоего указу в неволю брать их к той работе не смею».

Русские предприняли несколько попыток урегулировать конфликт с кочевниками мирными средствами. Однако кочевники не проявили желания найти приемлемое для обеих сторон решение конфликта.

В таких условиях заниматься горным промыслом было невозможно. В 1700 году Каштакский острог был срыт. Первая попытка создать в пределах современного Кузбасса горно-металлургическое производство закончилось неудачей. Однако опыт первых исследователей природных богатств кузнецкой земли не пропал даром. Он имел очень важное значение для дальнейшего экономического развития края.

Экспедиция на Каштак явилась толчком для дальнейшей активизации рудного поиска на территории Кузбасса. Этому также способствовали существенные изменения, произошедшие в томско-кузнецком районе, как и во всей южной Сибири в целом, в первой четверти XVIII века. Значительно укрепились

южные границы русского государства в Сибири. В 1709 году была освоена Бийская крепость, в 1715—1717 годах вдоль Иртыша выросла целая цепь русских крепостей: Омская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская.

Существенно расширился круг участников рудного поиска в Сибири. В воеводские канцелярии, В. Н. Татищеву в Екатеринбург поступало немало заявок от крестьян, служилых людей, жителей городских посадов, желающих идти на поиски руд.

Упорная работа по разведке природных богатств Сибири принесла значительные результаты. Четверть века спустя после экспедиции Левандиана на Каштак русский рудознатец Михайла Волков в том же районе открыл месторождения каменных углей. На территории Кузнецкого уезда были открыты самые богатые в России месторождения меди, железа и полиметаллических руд. В Западной Сибири трудом мастеровых и приписных крестьян был создан крупнейший не только в

России, но и в Европе центр цветной металлургии — Колывано-Воскресенский горный округ.

Значительный вклад в дело изучения природных богатств Сибири, в ее промышленное освоение внесли Александр Левандиан и его товарищи. Переведенные по царскому указу в Восточную Сибирь, они открыли целый ряд месторождений полезных ископаемых в Забайкалье, построили первый в Сибири Нерчинский сереброплавильный завод, основали Нерчинский горный округ.

...В Кемерове перед зданием областной библиотеки стоит на постаменте скульптура рудознатца. В руках его кусок каменного угля. Это Михайла Волков, первооткрыватель кузнецких углей. Хочется верить, что со временем будут увековечены и другие исследователи нашего края: Александр Левандиан, Степан и Яков Костылевы. Федор Комаров и многие другие, чей труд приблизил время, когда земля Кузнецкая стала отдавать людям свои богатства.

Литературные портреты

Евсей Цейтлин

ВДОХНОВЕНИЕ НЕ УМИРАЕТ...

Заметки о творчестве Анатолия Срывцева

Как рождаются воспоминания? Почему однажды человек берется за перо, чтобы отправиться в поиски «утраченного времени»?

Я нахожу ответы на эти вопросы, читая книги Анатолия Срывцева. Вновь убеждаешься: воспоминания нередко начинаются с нашего протеста против своеволия уходящих дней. Против того, чтобы твои мечты, дороги, любимые люди стали безликим прошлым. Именно так и возникает эстетическая ситуация в произведениях А. Срывцева. В них видишь «прошедшее время», под пером автора вновь ставшее «настоящим»; слышишь живые и разные голоса — сибирских писателей Николая Устиновича, Павла Маляревского, Анатолия Ольхона, украинского прозаика Григория Косынки, известной собирательницы фольклора Марии Красноженовой...

Для чего пишут воспоминания? Можно по-разному ответить на этот вопрос. Когда речь идет о произведениях А. Срывцева, не приходится сомневаться: он отправляется в прошлое, думая о настоящем. Главная тема всех его произведений — тема нравственных исканий человека. Трудная тема. Одна из самых актуальных сегодня.

Автор не случайно определяет свои книги как «рассказы о писателях». Ведь он не просто вспоминает прошлое — он возвращает «живую жизнь» с ее запахами, красками, движением и ритмами. Автор воскрешает человеческие характеры, производит строгий отбор единственно нужных ему подробностей... И материал жизни превращается в материал искусства. Конкретные люди становятся еще и литературными героями, детали их бытия — художественными деталями. Так — на пограничной полосе между собственно литературой и мемуарами — располагается, своеобразно существует проза А. Срывцева.

В ней живут, думают, страдают и творят люди разных судеб, не похожие друг на друга

писатели. Но есть нечто общее в том, как рассказывает о них А. Срывцев. Автор показывает своих героев не в дни юбилеев и торжеств, но застает их в будни — работающих, мечтающих, сосредоточенных, растерянных... И еще одним примечателен ракурс зрения, избранный прозаиком. Перед нами чаще всего не просто бытие человека, но бытие творца: Анатолий Срывцев стремится запечатлеть всегда уникальную, неповторимую лабораторию художников слова. Этот обостренный интерес автор сам верно объяснил в одном из рассказов: «...писатель иногда как бы забывает» свои книги, «они могут стать ему чужими, а вот то, как писал их, он не забудет никогда».

Проследивая пути героев рассказов, читатель открывает неизбежность одного правила: для писателей нравственные искания это не только поиски вместе со своими персонажами ответов на вечные вопросы о счастье и назначении человека. Это непременно вопросы и к себе: как жить в искусстве? В чем назначение таланта?

Примечательно: чаще всего мы видим героев А. Срывцева размышляющими. Это придает его прозе естественный интеллектуализм. Это придает портретам героев особую динамичность: они проходят перед нами в становлении, в движении. Они, герои, мучительно, беспрестанно пытаются вывести (кто сознательно, кто интуитивно) закономерности творческого поведения. Они, как Николай Устинович, признаются в конце жизни: писательство — «это всегда неутоленное счастье». Они, как драматург Павел Маляревский, порой удивляя окружающих, разыгрывают целые сцены — проводят своеобразный эксперимент, «оживляя» своих персонажей.

Герои А. Срывцева много думают о новаторстве, — подлинном и мнимом, — стремящемся апатировать и прокладывающем новые пу-

ти в искусстве. Результаты этих размышлений иногда неожиданны, но они всегда помогают писателям идти дальше. «А знаете, — запальчиво восклицает, например, Григорий Косынка, — кто у нас подлинный и неповторимый новатор?.. Лев Толстой, вот кто!.. Не-ис-черпа-е-мый новатор! Да-да! и не спорьте. Читайте внимательно Толстого!..».

Нередко герои раскрывают в монологах собственные творческие замыслы, как бы приводят нас в свою мастерскую. Это всегда исповеди о сокровенном, о том, что только созрело в тебе, к чему ты еще идешь, или напротив — чем живешь долгие годы. Безусловно, это всегда не просто для А. Срывцева: нужно передать не только смысл рассказанного, но и интонацию, тембр живого человеческого голоса. В повести «Шагал по земле человека» Николай Устинович подробно говорит о своем ненаписанном романе. В большом — на несколько страниц — монологе есть и горечь несостоявшегося, есть и радость реконструкции (хотя бы словесной) собственного замысла. Есть и сам роман: о людях, чья юность пришла на тридцатые годы; о судьбах — мужественных, часто изломанных; о любви — трагической и все-таки дающей счастье; о годах, когда все личное как бы забывалось, отходило на задний план.

Писательство — это и вечный поиск заветного слова. Также неизбежный для всякого, кто остается наедине с белым листом бумаги. В теории все уже ясно, а на практике? Вот стоит Павел Маляревский на одной из набережных Иркутска. Драматург с завистью смотрит, как женщины полощут в воде белье. И говорит мечтательно: «...хотел бы я научиться стирать, как эти бабы, но только не белье, а свой язык, слово. Так отстирывать, так прополаскивать, чтоб каждая фраза была белее первой пороши...» А потом, создавая новую пьесу, Павел Маляревский всякий раз «с трудом лепил из слов, таких вязких и неподатливых, человечьи характеры». Противоборство писателя со словом — один из сюжетов всех рассказов А. Срывцева, но каждый такой сюжет неповторим: все зависит от индивидуальности творца.

Да, работа — это то, чему поклоняются герои Анатолия Срывцева, их «святая святых». В работе они находят себя, спасаются от житейских неурядиц. Хотя иной раз и проклинают свою работу, советуют друзьям, подобно тому же Павлу Маляревскому: «Не-пи-ши пьес! Не-пи-ши пьес!»

Можно ли создать рассказ о писателе, обходя его произведения? Вопрос совсем не простой. Как, например, впасти в художественную ткань критический анализ? А. Срывцев интересно и всегда по-иному решает для себя эти проблемы.

Вот в рассказе «Жизнелюб» Григорий Косынка читает своему молодому другу Анатолию Срывцеву одну из новых новелл. Об украинском селе, о романтических и одновременно измученных жизнью людях, о том, как они останавливались в раздумье на историческом перепутье и не просто — каждый своим путем — шли в революцию... У А. Срывцева этому чтению опять-таки отведено несколько страниц, но здесь нет статичности. Во время чтения новеллы герои как бы вступают в контакт и с автором, и со слушателем — становятся живыми людьми.

Не менее органичен, естествен и путь, который избрал А. Срывцев в рассказе о Павле Маляревском. Творение драматурга оживает на сцене перед притихшим, ожидающим чуда залом. Конечно, это хорошо понимал А. Срывцев, и, собравшись поведать читателям о пьесах Маляревского, он не стал губить пересказом живую плоть художественного текста. И он вспомнил ту особую, неповторимую жизнь, которую обрела пьеса драматурга «Канун грозы» в Иркутском драмтеатре. И он «вырвал» у времени эту жизнь, решил постичь художественный образ с помощью образа же. Воспоминание разгорается постепенно. А читатель, подчиняясь движению памяти и воображения рассказчика, видит и знаменитые ленские события, и сам спектакль...

Рассказывая о своих героях, А. Срывцев невольно рассказывает о себе. Рассказывает в самом деле как бы по необходимости: чаще всего уходя в «тень». Это не только скромность и деликатность друга, вспоминающего об ушедших из жизни людях, это и художественный принцип: именно движение, развитие характеров героев (но не авторского «я») важно для А. Срывцева. Тем не менее мы не можем не заметить самого рассказчика: ведь произведения А. Срывцева — это всегда диалоги двух собеседников, это встречи, разлуки, письма...

Так и возникает перед нами образ автора. Конечно, образ меняющийся. В рассказе о Григории Косынке видишь А. Срывцева молодым, полным надежд. В рассказе о Павле Маляревском автор — многоопытный литератор, признающийся наедине с собой: «Порой мне кажется удивительным, что вот человек бывает молодым, затем так себе, а потом наступает черт знает что! Летит наше время, убегает...»

И еще один герой есть в каждом из рассказов А. Срывцева. Это Время. Оно, Время, стоит за скобками любого сюжета писателя. Оно определяет структуру всех его книг. Повествование у А. Срывцева — сложная цепь воспоминаний, ассоциаций, заметок, портретов, объединенных памятью автора.

Время для А. Срывцева — это не одни

лишь утраты, потери, это и возвращение из былого. Автор видит: не могут пропасть, навсегда растаять не только творения человеческого разума — произведения его героев, но и то, что было их буднями. Автор стремится вернуть время, и это чувствуется уже в названиях его произведений: «Свидание», «Тень друга»... А. Срывцев как бы стремится стать демиургом, и это ему удается. Возвращаются не только лица, слова, но и «яростный аромат» жареной козлятины на давнем походном костре (рассказ об А. Ольхоне), вкус соленых, «полосатых, как тент», арбузов в буфете речного вокзала в Красноярске (рассказ о Н. Устиновиче), пьянящий запах молодого снега в Иркутске (рассказ о П. Маляревском).

Задумываясь о сущности этой прозы, М. Скуратов заметил однажды об Анатолии Срывцеве: «Главная его сила — умение создавать замечательные литературные портреты. В этом искусстве он ни на кого другого не похож». На мой взгляд, одна из причин такой «непохожести» в том, что Анатолий Срывцев совсем не стремится привнести в свои «портреты» все черты и приметы человеческого ли, писательского ли облика. Он не пытается, как это порой бывает, во что бы то ни стало вспомнить о том, что уже никогда не вспомнится. Он не «заслоняет» свою задачу датами и маловажными для себя фактами. Он ведь прежде всего пишет портрет характера. И поэтому, начиная свой рассказ о Григории Косынке, автор не боится признаться: «Я не помню цвет его глаз. Какие были у него глаза — синие, карие, голубые, серые? Не помню». В этом признании, бесспорно, есть доля полемичности. Ведь тут же автор вспоминает о глазах героя главное — то, как свободно и открыто отражалась в них жизнь человеческого сердца: «В гневе они сужались и били в собеседника холодным, нестерпимым светом. Но это бывало редко. Обычно глаза смотрели лукаво или насмешливо, часто разглядывали людей с пристальным и доброжелательным вниманием. А как умели смеяться эти глаза!..» — я обрываю на полуслове этот лирический этюд о глазах писателя.

Движения времени А. Срывцев любит показывать через деталь, любит, чтобы помноженная на годы деталь раскрывала и фокусировала в себе целое. Интересно было бы проследить жизнь одной детали в его прозе: эта жизнь по-своему увлекательна и сложна. Вот описание... шубы героя, очень важное в рассказе об Ольхоне. Описание, характерное для А. Срывцева и резкостью первой фразы, и густым «психологическим содержанием»:

«От недавних путешествий у него осталась оленья шуба. Осыпалась. Он смазывал ее жиром, держал в холодных сенях, но ничего не

помогало. Шерсть выпадала, на дохе просвечивали черные блестящие плешины. Иногда он доставал шубу, разглядывал плешины, грустно качал головой:

— Ну совсем, как у меня, совсем так, — и осторожно проводил рукой по своему уже заметно лысеющему лбу.

Доха напоминала ему о минувших скитаниях в арктических широтах, когда он был здоров, молод и не белело, как он говорил, «это сердце».

Так всегда у А. Срывцева: в жизни одной детали — жизнь и смерть человека, тьма иллюзий, ушедшая молодость, единственные воспоминания...

Время можно «разомкнуть» и с помощью писем. Их много здесь — торопивших, прерывистых, подробных, исповедальных. Это естественно. Частная переписка людей стала сегодня материалом литературы; письмо содержит в себе большой эмоциональный и интеллектуальный заряд. Недаром из писем сейчас монтируют повести, пьесы, романы; письма полноправно входят в рассказы А. Срывцева. Авторы писем сами раскрывают здесь свой характер: в быстрых записках, повторениях или оговорках, даже в строении фразы выявляется порой больше, чем в иных подробных пассажах. «И в ворохе этих писем, — заметит А. Срывцев, разбирая архив П. Маляревского, — продолжает пульсировать ушедшая жизнь, бьется сердце драматурга, продолжается биография писателя, продолжают мои встречи с другом...»

Герои Анатолия Срывцева — в основном, писатели Сибири. И все — писатели провинции, периферии — «местные литераторы», как часто их называют. Рано или поздно каждый из них задумывается об этом. Горечи, недоумения полны рассуждения А. Ольхона: «...Если б про какого-нибудь рабочего сказали, что он не просто слесарь, а обязательно «местный слесарь», а настоящие слесари живут в столицах? Что б было! Да только это в голову сказать никому не придет. А вот мы все «местные». Но раз мы не просто советские писатели, а «местные», то, выходит, и читатель у нас какой-то второсортный, «местный». А разве это может быть?».

Местный писатель... Пафос книг А. Срывцева как раз и состоит в опровержении этого странного и, увы, устойчивого словосочетания. Безусловно, здесь и одна из причин обращения А. Срывцева к литературной критике.

Некоторые из его статей собраны сегодня под одной обложкой в сборнике «Поэты с нами» (Кемерово, 1978 г.). Статьи эти интересно перечитать и по той причине, что они резко обнажают эстетическое кредо «рассказов о писателях».

Автор был, пожалуй, излишне строг, состав-

ляя сборник: в него вошло только пять литературных портретов. А. Срывцев, бесспорно, думал при этом о единстве своей книги. Пять очерков о пяти сибирских поэтах разных творческих манер... Есть однако общая нить, что прочно связывает эти статьи. Прав профессор В. Трушкин, известный исследователь и знаток литературы Сибири, который пишет в своем предисловии к сборнику: да, читатель получил «внутренне цельную и интересную книгу, дающую живое представление о своеобразии советской сибирской поэзии на различных этапах ее истории. Перед нами разворачиваются отдельные звенья ее, от истоков до нынешних дней...»

Как определить в данном случае цель и задачу Анатолия Срывцева? Думается, его цель остается, в сущности, той же, что и в «рассказах о писателях» — понять, постичь творческую индивидуальность. Но если в своих рассказах А. Срывцев делает это, в основном, анализируя духовный опыт и нравственный облик художников слова, то в его статьях предметом анализа становится собственно творчество.

Как и в рассказах А. Срывцева, здесь есть увлекательные сюжеты. Точнее говоря, во всех статьях — один и тот же сюжет: А. Срывцев прослеживает процесс становления творца.

В статье «Певец родимой стороны» мы, например, вновь встречаемся с Анатолием Ольхоном, но встречаемся по-иному. Задумываемся: почему поэт Анатолий Пестюхин, выпустивший в Москве и Вологде четыре книги, стал, приехав в Сибирь, поэтом Анатолием Ольхоном? «...Это, — размышляет А. Срывцев, — была не простая перемена фамилии. Долгий десятилетний путь творческих поисков и жизненных невзгод пролегал между последним московским сборником «Тундра» и первой опубликованной в Иркутске книгой. Из мешка литературного прошлого он взял с собой в новую дорогу немного — любовь к необжитым просторам и перемене мест». Это был путь от литературных реминисценций и красотостей к подлинной самобытности.

И в книге статей А. Срывцев остается прежде всего художником. Естественно: способ разговора с читателем, избранный автором, отрицает наукообразное «мы», все еще встречающееся у критиков, — предполагает доверительное, интимное «я». Потому композиция статей А. Срывцева «весела» и свободна. Здесь не только анализ художественного текста, но неожиданные, на первый взгляд, параллели; здесь — опять! — интересные воспоминания автора о своих героях. Все это не отступления в сторону — все это непременно высвечивает основное, вносит новые штрихи в литературный портрет. Вот, к примеру, ли-

рический монолог критика в статье «Цена строки». «Я утверждаю, — взволнованно заявляет А. Срывцев, — Лисовский не был бы Лисовским, если б не написал повесть в стихах «Русский человек Бегичев». Почему? Быть может, будущий биограф поэта когда-нибудь подсчитает, сколько он издырявил сапог и сколько раз была поранена душа, пока он прошел пути Бегичева. Нет, что там ни говори, а сибирские стихотворцы не добывают «словесную руду» в уютных кабинетах!». Этот монолог автора бросает своеобразный ответ на все сказанное ранее. Он звучит исповедально; эти слова в полной мере относятся не только к героям других очерков, но и к самому А. Срывцеву, хотя он и не поэт, а прозаик.

Пожалуй, лучше всего интонацию статей писателя можно определить как размышление. Размышление об искусстве наедине с читателем. Разумеется, размышления о поэтах — не значит пересказ их произведений. «Пересказывать лирическое стихотворение так же бессмысленно, как удерживать воду в решете», — замечает сам А. Срывцев. В его размышлениях всегда есть проблема. Проблема историко-литературная; проблема творческого роста; проблема точности той или иной критической оценки или — проблема стиля.

Размышляя, стремясь понять неповторимость поэта, А. Срывцев нередко вступает в спор. Во многом именно как спор построена его статья о Евгении Буравлеве. Неудивительно, что это спор с критиками, часто не замечавшими лиризма в стихах поэта; примечательно: это спор и с самим поэтом, признавшимся однажды:

Я и сам нет-нет да спохвачусь:
Стих суров.
Но никуда не деться —
Укрощать любые бури чувств
Жизнь меня привлекала с детства.

А. Срывцев задает вопрос читателям и себе: «... Так был ли Евгений Буравлев лириком, не напрасно ли сетовал на скупость выражения своих чувств?» И всем ходом своего анализа доказывает: Е. Буравлев был своеобразным и тонким лириком; его лирический герой далек от бездумного бодрчества, строг в оценках себя и современников и лирическое мироощущение обретает в трудной, изматывающей работе.

А. Срывцев назвал свой сборник «Поэты с нами». В названии нет выпренности — есть точка отсчета. Ключом к этой книге, как и к другим книгам автора, могли бы стать строки из стихотворения Ивана Молчанова-Сибирского, которое цитирует А. Срывцев. Поэт обращается здесь к своему умершему другу:

Все проходит... и ночь пройдет.
Ты с улыбкой следишь за мною,
Новый день на работу зовет,
Без тебя, но с тобою.

А. Срывцев восклицает: «Поэзия не умирает. Поэты всегда с нами!» Не раз он задумывается о вечной ниточке творчества, что соединяет день минувший и день завтрашний; соединяет всех его героев, бескомпромиссно живших и живущих в искусстве; соединяет поэта и читателя.

У нас часто рассуждают о традициях и новаторстве, о преемственности поэтических поколений в развитии гражданственности и гуманизма литературы; но порой эти мысли звучат несколько общо. В книге А. Срывцева они получают конкретное преломление. И в своих критических статьях автор, для которого прошлое не безлико и мертво, интересно выявляет соотношение «современного» и «вечного» в стихах Анатолия Ольхона, Ивана Молчанова-Сибирского, Казимира Лисовского, Михаила Скуратова, Евгения Буравлева.

...Он часто задумывается о судьбах писателей. О судьбах непростых, порой в чем-то не состоявшихся, не похожих друг на друга и все-таки драматичных. Путь Григория Косынки оборвался в тридцатые годы — резко, трагично, на самом взлете. Павел Маляревский добился известности, получил Государственную премию, но в конце жизни с грустью ощущал: лучшая пьеса им так и не создана... В каждой писательской судьбе А. Срывцев умеет выявить, заметить ее главный смысл, ее достоинство. Он умеет заставить задуматься об этом читателя.

А я думаю о судьбе самого Анатолия Срывцева. Все его книги рождены в конфликте с уходящим днем, в стремлении вновь доказать мудрую истину: вдохновение не умирает!.. Истина эта вовсе не кажется тривиальной, потому что каждое поколение открывает ее для себя заново. Потому, наконец, что в вечном и благородном споре со временем Анатолий Срывцев всегда находит живой и насущный урок. Урок тем, кто работает в литературе сегодня. Кто придет в нее завтра...

Вячеслав Ткаченко

КУЗНЕЦКИЕ ВЕХИ ИЛЬИ АВРАМЕНКО

«В Кузбассе, у кипящей лавой домны, где льют металл, где сталь готовят впрок, — я слышал твой раздумчивый и томный, похожий на отцовский говорок».

— Не единожды в своих поэтических произведениях известный советский поэт Илья Корнилович Авраменко обращается к нашему Кузнецкому краю, к сибирским просторам, к делам сибиряков. Буквально в каждом поэтическом сборнике, в произведениях самых разных поэтических жанров — память о юности, о непрекращавшихся до конца жизни поэта встречах с краем, ставшим значительной вехой в творческом становлении Ильи Авраменко.

Илья Авраменко родился в 1907 году на Украине, в селе Володькова-Девица, Черниговской губернии. Детство и юность прошли в Сибири, куда переехал его отец — бывший чумац, отдавший свой крошечный земельный надел старшему брату-инвалиду.

В сборнике «Синичьи заморозки», вышедшем в издательстве «Советский писатель» в 1964 году, поэт рассказывает о том, как его семья приехала в Сибирь, о верности суровому сибирскому краю и его людям. Илья Авраменко определяет, что среди солдат, ехавших на войну, развязанную царизмом, самые разные люди:

«И лишь один, что будет когда-то мне отцом, смотрел в простор Сибири с улыбочивым лицом, не ветром убаюкан, а думкою одной, Володьковой-Девицы крестьянин приписной».

Он ехал и все песню сквозь зубы напевал. «А я себе землю вот тут облюбовал. Хорошая земля в сибирской стороне, сибирская сторонка по сердцу что-то мне. Ты жди меня, голубка, ты жди меня, жена, — задержит наше дело с Японией война. Но кончится и это — пройдет моя страда, и мы с тобой приедем действительно сюда. Построим нашу хату на спуске у Томи и будем наконец-то не быдлом, а людьми. Я в первый раз, быть может, с отрадой положу на плуг свои ладони и ривой похожу...»

Нелегким было детство будущего поэта. Революция, гражданская война, прокатившаяся по просторам Сибири, семейные неурядицы. Однако трудности помогли осмыслить происходящее, попытаться найти свое место в жизни. И, самое главное, помогли полюбить и лучше узнать Кузнецкий край, настроения и мысли кузбассовцев. В поэтических произведениях сборника «Еще в долине август», вышедшего в 1971 году в издательстве «Художественная литература», Илья Авраменко продолжает лирическое повествование о социалистических преобразованиях в Кузбассе, воспекает красоту его природы. Так, вспоминая о

своем детстве, совпавшем с борьбой против колчаковщины в Марининском районе, поэт пишет:

«Ах ты, даль моя родная,
перелог да колки,
Я — реченька сплавная,
терриконики дымки!..

Жизни малая страница —
память сердца о былом —
на мгновение, словно птица,
легким тронула крылом».

Наиболее важным этапом в жизни и творчестве поэта были годы, связанные с Ленинско-Кузнецким районом, со строительством Кольчугинской железнодорожной ветки. Илья Авраменко работает в Ленинском рудоуправлении Кузбасстроя архивариусом, конторщиком. (В газете «Кузбасс» в 1924 году появились первые стихи поэта). Отсюда он уехал по путевке комсомола в Москву с тем, чтобы учиться в Высшем литературно-художественном институте имени В. Я. Брюсова.

Узнав, что институт расформирован, он уехал в Ленинград и поступил в Ленинградский государственный университет. Годам учебы и жизни в Ленинграде Авраменко посвятил многие страницы своего романа в стихах «Дом на Мойке». Роман во многом автобиографичен. В нем автор представляется читателю как сибиряк-таштаголец. И что там «солнцем ослепленный, мой милый край, так много давший мне». Но до всего этого была Кольчугинская ветка.

«...И если б обернуться,
глянуть в детство —
предстанет мир негаданно большой!
А в нем давно как сон — года иные,
иду по ним скорее наугад.
Лишь полустанки видятся степные,
да стрелы рельс, летящие в закат.
И мнится, мнится:
дыма запах давний,
и загулявшей вьюги кутерьма,
и снегом занесенные по ставни
барачного строения дома.
И снова зной,
и солнце в час разлуки,
и спины запотевшие в пыли,
и темные натруженные руки,
вгоняющие в шпалы костыли...
Не первая ли это пятилетка
взывает светлой юности свистком?
строительство...
Кольчугинская ветка»...

После окончания университета Авраменко работал в редакциях журналов, в Издательстве художественной литературы, в коллекторе детских и юношеских книг. В это время в творчестве поэта, как отмечали многие критики и литературоведы, особое место занимает написанная им поэма «Железная былина» (1936 год), посвященная строителям первенца сибирской металлургии — Кузнецкого металлургического комбината. Поэма открывается эпиграфом, взятым из газеты «Правда» за 1932 год: «Кузнецк. В ночь с 3 на 4 апреля дома № 1 выдала первую плавку чугуна. Это произведение о трудных испытаниях строителей, о радостях первых побед, о героике свободного труда. Много в поэме примет того времени, примет особых, кузбасских:

...Сибирь, Сибирь!
В мечту твою поверив,
тайга, отпрянув, уходила прочь.
Огнем преображенная руда
бурлит уже, ворочаясь устало,
уже готова ринуться сюда
смирившейся тугой струей металла
и просверкать под неумолчный хор
людской толпы,
ковшей наполнив чаши...

В годы Великой Отечественной войны Илья Авраменко — военный корреспондент армейской газеты. Многие его произведения тех лет — вдохновенный рассказ о народном подвиге, суровых испытаниях. Рассказав в поэме «Ночь накануне бессмертия» (1942 год) о солдате-сибиряке Тимофее Худякове, поэт задается вопросом:

«Где найти мне такие
золотые слова,
чтобы вечно в народе
не смолкала молва?»

Илья Авраменко часто и подолгу бывал в нашем крае, особенно в послевоенное время. Впечатления осмысливаются и затем переносятся в поэтическую строку, в которой — страстность и восхищение, память и новые открытия, любовь к сибирской природе, верность краю, где началось его становление и как человека, и как поэта.

Привлекает внимание поэма «Дорога над Чулымом», в ней нарисован образ хорошо известного в Кузбассе вожака партизанского дви-

жения П. Е. Щетинкина. Есть у него переводы с хакасского и шорского языков, а в основу поэмы «Сказка о пастухах и тридцати семи кованых сундуках» (1955 год) легла одна из шорских легенд.

В стихотворении «Послание друзьям» Ильи Авраменко в который раз говорит о своей верности Сибири, ее людям.

«Ясны Сибири небеса,
необозримы шири.
Настраивайте голоса
на голос той Сибири,
что нет нам краше в мире!
Чтоб стих был плотен, как орех,
и песня не отпиской...»

В этом стихотворении Авраменко призывает поэта А. Смердова воспеть кузнецкие просторы, говорит о единении сибирского цеха поэзии с делами сибиряков.

Много в поэтическом творчестве рано ушедшего из жизни Ильи Авраменко кузбасских вех. Одна из них — вышедший в 1966 году в Западно-Сибирском издательстве одномоник. В нем мы находим многие стихи, посвященные Кузбассу, но далеко не все. Думается, сведение под одну обложку всего того, что поэт посвятил нашему краю — необходимо. Современный читатель-кузбассовец должен знать произведения Ильи Авраменко, который был связан нерасторжимыми узами с нашим краем.

В Кемеровском государственном университете состоялся творческий вечер Кузбасского поэта Игоря Киселева, организованный Кемеровской писательской организацией совместно с городским отделением общества книголюбів.

Вечер открыл кандидат филологических наук, критик, член Союза писателей СССР Е. Л. Цейтлин, который кратко охарактеризовал творчество поэта и предоставил ему слово.

Игорь Киселев прочитал стихи из своих сборников «Передвет», «Ярославна», «Четыре дождя», «Человек приходит к человеку», а также произведения из готовящейся к изданию книги «Ночные реки», ответил на многочисленные вопросы слушателей.

В различных аудиториях области запланировано провести подобные творческие вечера и других литераторов Кузбасса.

Вячеслав Тимофеев

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Паутина

Часы пробили полночь. Наступил Новый год. Неженатый плотник-бетонщик второго разряда Петеримов (образование — полузабытое среднее) лежал на тахте и глядел в потолок. На потолке висела паутина. Петеримов изучал ее, прихлебывая фруктовое вино местного разлива, и философствовал:

— Родился бы я, например, в Англии. В семье, скажем, лорда. Ах, какая была бы жизнь! Прогулки на собственной яхте, жареный вальдшнеп в королевском парке... Бургундское из фамильного погреба... Родись я в Англии, я бы доказал этому выскочке Савраскину, что он — пим дырявый и колода гнилая...

Паутина на потолке засеребрилась. Петеримов философствовал:

— Недавно в газетах писали, что в Тартары археологи древние захоронения раскопали. Золотых изделий и монет нашли — жути! А почему я не нашел этот клад? Хотя бы два десятилитровых горшка? Худо-бедно — лет пять пожил бы в свое удовольствие. Я бы тогда доказал этому аспиранту Савраскину, а заодно мастеру Жоре Рейсфедеру...

Серебряная паутина с потолка исчезла. «Видать, жена смахнула», — подумал Петеримов и продолжал:

— А может, надо было в писатели податься. С чего начал Шолохов? Откровенно говоря, с нуля. Был рядовой казак, а выбился в люди: мешками гонорар гребет. При таких деньгах я бы со штанами купил этого кандидата наук Савраскина, а заодно прораба Жору Рейсфедера...

На потолке вновь заискрилась паутина. По ней взад-вперед шустро бегал паучок-крестовичок. Петеримов не спускал с него глаз.

— Ладно, писателя из меня не вышло. Но боксером-то я мог стать! Во мне — девяносто четыре килограмма, кулаки — с пивную кружку. С такими кулаками в старину не работали. От таких кулаков лошади приседали. Был бы я боксером, я бы этому доценту Савраскину так двинул, что он до пенсии бы в нокауте валялся. А рядом, для профилактики, уложил бы главного инженера стройуправления Жору Рейсфедера...

Через некоторое время в паутине заворчала муха. На нее набросился паук. Петеримов следил за ними, а под ним скрипели пружины дивана.

— Телега, а не диван, — проворчал Петеримов. — А новый купить не на что. И все потому, что на мою жену бригада бетонщиков денег не напасется. Получает копейки, а запросы — как у светской дамы. То ли дело — жена начальника стройуправления Жоры Рейсфедера. Зарабатывает по триста, от отца в день рождения «Ладу» получила. И что она нашла в этом тюфяке Жоре? Или же взять Савраскину. Какая женщина! Изящна, как Джина Лоллобриджида, а прожигает жизнь с пентюхом, у которого голова тыквой и ноги колесом — мужчина называется! А еще доктор наук. И куда женщины смотрят?..

Вскоре паутина опять исчезла, и Петеримов почувствовал, что без нее жизнь стала еще скучнее. Подбежал пятилетний сын, но Петеримов отмахнулся от него.

— Не мешай мыслить.

...Часы пробили полночь. Наступил Новый год — двадцатый новый год с того момента, когда начал философствовать плотник-бетонщик четвертого разряда, отец троих детей Петеримов (образование — забытое среднее)...

Прижми двенадцатого, Сеня!

Советы я начал слышать с пеленок.

— Не реви — пуп развяжется, — говорила мама.

— Ногу в рот не бери, на ноге — микробы, — советовал папа.

— Не садись на холодный горшок! — кричала мама, когда мне пошел третий год.

— Ешь манную кашу, — советовал папа. — Все нормальные дети едят манную кашу...

Думал, в школе обойдусь без советов. Не вышло.

— Уж, замуж, не терпел — пишется без мягкого знака, — подсказывали мне с передних парт, хотя я знал об этом.

— Ангидрид плюс вода — это есть кислота, — шептали с задних парт, хотя об этом я тоже знал.

— Вся литература состоит из представителей, — разъясняла учительница. — Зарубите на носу, что Онегин является представителем мелкопоместного дворянства, Скалозуб — представителем грубой армейщины царской России, лейтенант Генри из романа «Прощай, оружие!» — представителем потерянного поколения загнивающего общества, Нагульников...»

Дальше — больше.

В институт поступил, хоккеистом стал, мастера спорта получил. Квартиру выделили, телефон подключили.

На матчах десять тысяч болельщиков суфлируют: — Двенадцатого прижми, Сеня, двенадцатого!

Подкатываюсь к чужим воротам, вновь советуют:

— Пасуй Миньке! Миньке пасуй, стерва!

Домой прихожу — телефон от советчиков надрывается.

— Ты почему как стельная корова катаешься? Двенадцатого не прижал, Миньке ни разу шайбу не отдал. Один играть собираешься?

— Кто? — это голос председателя горисполкома. — Федосеев? Слушай, Федосеев, ты нападающий или запасной вратарь? Ты чего в своей зоне крутишься, как привязанный? В благоустроенной квартире жить надоело?..

— Товарищ Федосеев? Я пятнадцать лет болею за «Агломерат». И я скажу: в нападениях ты хорош, но я тебе советую почаще подключаться в защиту, — это кто-то незнакомый.

Через год отключил телефон. На улице начали останавливать.

— У тебя скорость ничего, — говорят, — а кистевые щелчки слабоваты. Такими щелчками только тараканов убивать. Ты бросай из любого положения, как Фирсов. Помнишь Фирсова-то? Так вот: тренируйся, по триста бросков в день — минимум...

Пешком перестал ходить, купил мотороллер — не сразу, думаю, остановят.

Однажды вышел из дома, мотороллер не заводится. Собрался народ.

— Продуй-ка свечи, — посоветовал сосед, бывший акушер.

— При чем тут свечи? — возразил майор в отставке. — Карбюратор разбери! Солидол в карбюратор попал.

— А может, поршни треснули? Проверь поршни...

Каждое утро советовали, пока зима не пришла. А зимой мы с Дусей решили пожениться.

— Невесты получше на БАМ уехали? По комсомольской путевке? — спросила мать. — Мой тебе совет: женись на Мусе. Муся все умеет, у Муси комната в Алуште...

— Тянуть век с Дусей или с Мусей?! — ахнул коллега Автандилов. — Да ты с ума сошел! Пуся — вот кто украсит твою жизнь!

...Я женился на Фусе. Свадьба была шумной. Ели много, пили еще больше. Все наперебой советовали мне, как открыть консервную банку, как очистить лук, как фаршировать дыню.

— Горько-о!

— Да разве так целуются?! — крикнул майор в отставке. — Так только котят тычутся. Вот как надо! — И он начал чмокать Фусю мокрыми губами.

— Значит, так? — не выдержал, наконец, я и схватил его за шиворот. — Уж, замуж, не терпел, да? Скалозуб — представитель грубой армейщины? — И я треснул его по голове. — Миньке пасуй, да? Я тебе, стерва, так отпасую — по триста бросков в день будешь делать. — Я еще раз треснул его. — Свечи продуть, говоришь? Я тебе продую свечи — поршни лопнут. Дыни будешь фаршировать! Левою ногой шнур унитаза начнешь дергать, мерзавец!

Когда я треснул его в третий раз, бывший акушер не выдержал: — Да разве так надо?

Он выхватил у меня майора и заехал ему в солнечное сплетение. Майор закатился под диван. Потом получилась куча мала, и я понял, что в данной ситуации мне делать нечего...

Через год у нас родился сын.

— Назовите его Мишей, — посоветовала мать. — Михаил в переводе с древнееврейского означает — равный богу.

— Нет, Сашей! — сказал отец. — В честь Пушкина.

Вскоре сын начал осмысленно блажить, и жена сказала:

— Не реви — пуп развяжется.

— Ногу в рот не бери, — сказал я. — Ведь на ноге микробы, черт тебя подери!..

Наши авторы

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич родился в 1942 году в Кемерове. Печатался в журналах «Сибирские огни» и «Молодая гвардия». Автор сборников стихов «Утренняя дорога» и «Прелесть смысла».

Живет в Кемерове.

МЕКШЕН Светлана Васильевна родилась в г. Липецке. Окончила Литературный институт имени М. Горького. Автор поэтических книжек: «Голос», «Зависимость», «В дом войди» и другие.

Член Союза писателей.

Живет в Липецке.

НЕБОГАТОВ Михаил Александрович родился в 1921 году в г. Гурьевске Кемеровской области. Участник Великой Отечественной войны. Автор сборников стихов «Свет в окне» (1969 г.), «Спасибо сентябрю» (1972 г.), «Земной поклон» (1976 г.) и многих других.

Член Союза писателей.

Живет в Кемерове.

МАЙСКИЙ Павел Николаевич родился в 1937 году в поселке Центральный рудник Кемеровской области. Окончил Сибирский металлургический институт и Литературный институт имени М. Горького. Работает главным инженером проекта Новокузнецкого института «Сибгипромет». Автор сборников стихов «Взмах крыла» и «Сарбалинская рапсодия».

Живет в Новокузнецке.

КРЕКОВ Виталий Артемьевич родился в 1946 году в Алтайском крае. Рабочий-обмуровщик. Печатался в альманахе «Огни Кузбасса».

Живет в Кемерове.

ДОЛГИХ Василий Сергеевич родился в 1929 году. Окончил Ленинградский горно-металлургический техникум. Работает начальником Акальской геологоразведочной партии.

Живет в п. Крапивино.

КУРОПАТОВ Владимир Федорович родился в 1939 году в с. Кузедееве Кемеровской области. Окончил Новокузнецкий педагогический институт. Публиковался в журналах: «Сибирские огни», «Волга» и ежегоднике «Родники». Автор книги рассказов «Пожили-поработали».

Живет в Кемерове.

БОГДАНОВ Евгений Анатольевич родился в 1953 году в с. Чарыш Алтайского края. Окончил Новокузнецкий педагогический институт.

Живет в Новокузнецке.

ТИМОФЕЕВ Вячеслав Яковлевич публиковался в газетах, в «Огнях Кузбасса».

Член Союза журналистов.

Живет в г. Кызыл.

САПОЖНИКОВ В К «Тень капитана Беляева»

[illegible]

45 коп.
